

118260(118265)

ПРОВЕРЕНО

1948 г.

4

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

Статья первая.

=

«Сія убо Сибирская страна — полуношная; «стойтъ же отъ Россіи царствующаго града «Москвы во многихъ разстояніи, яко до трію «тысящъ поприщъ суть. Межи сихъ госу- «дарствъ, Россійскаго и Сибирскія страны «земли, — облежить Камень, превысочайшій «зѣло, яко досязати вѣрхомъ и холмомъ до «облакъ небесныхъ: тако бо Божими судьба- «ми устроенъ, яко стѣнамъ граду утвержен- «нымъ. На семь же Камени растяху дровіе «различное, въ нихъ же жительство имѣють «звѣріе различніи, ови надобни на снѣденіе «человѣкомъ, ови на украшеніе и на одѣланіе «разное. Многія же и сладкоуслышныя птицы, «паче же много различные травы и цвѣты. «Изъ сего же Камени рѣки многія истекоша, «ови падоша къ россійскому царству, ови же «въ Сибирскую Землю. Дивно убо есть: какими «Божими судьбами рѣками тамо бысть? вода «камень твердъ раскопа — и бысть рѣки, про- «странны и прекрасны зѣло, въ нихъ же воды «сладчайшія и рыбы различныя множество; на «исходишахъ же сихъ рѣкъ дѣбрь плодови- «ва жатву и скотопитательная мѣста простран- «на зѣло.»

Савва Есиповъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Не бойся суда — бойся судьи.»

Старая пословица.

Съ нѣкотораго времени, въ публикѣ нашей обнаружилось живое участіе ко всему отечественному: во всѣхъ концахъ Россіи стали съ любовью изучать родную землю и собирать драгоценныя о ней извѣстія.

И Сибирь была не забыта, и про Сибирь вспомнили.

Думали и вѣрили, что эта страна играетъ не послѣднюю роль въ ряду обширныхъ областей нашей имперіи; но въ какой именно степени она дѣйствительно важна для насъ—это не всѣ оцѣнили, да и не многіе думали объ этомъ, хотя всѣ чувствовали, что именно черезъ Сибирь—Россія могла бы быть главою Азіи.

Двѣсти-пятьдесятъ лѣтъ протекло съ-тѣхъ-поръ, какъ мы твердо укрѣпили въ Сибири свое владычество, и все-еще Сибирь, для очень-многихъ изъ насъ — та же terra incognita, какою она была и сто лѣтъ назадъ.

Русскому человѣку какъ-то неловко становится, когда онъ слышитъ вокругъ себя громкіе рассказы о разныхъ чужеземныхъ герояхъ, покорявшихъ невѣдомыя дотолѣ страны, о героѣ Кортесѣ, покорителѣ Мехики, о богатырѣ Пизарро, завоевателѣ Перу, о Джемсѣ Брукѣ, саравакскомъ радѣ, чудномъ человѣкѣ нашего времени — слышитъ новый эпитетъ: «the civiliser», придаваемый богатой Англій... Русскій человѣкъ знаетъ, что и наша Русь — не менѣе Англій, можетъ имѣть притязанія на титулъ «просвѣтительницы», что и у насъ тоже были и свои Кортесы, и свои Пизарры, и свои Бруки; знаетъ, что ужь если дѣло пойдетъ на счеты — мы хоть бы кому такъ не уступимъ.

Правда, это-то русскій человѣкъ знаетъ; но спросите-ка у него, кто такой былъ Дежневъ? что именно сдѣлалъ Хабарововъ? — подробности ихъ подвиговъ неизвѣстны. Многіе изъ насъ основательно будутъ говорить о взятіи Кохогуакана, Ицтапалапана, о заселеніи острововъ Натуна, о подвигахъ Французовъ въ Алжирѣ, объ особенностяхъ природы въ Новой-Зеландіи... но какія обстоятельства сопровождали покореніе при-амурскихъ странъ, какія теперь есть у насъ колоніи въ Киргизской-Стени — многіе ли это у насъ знаютъ?.. У насъ нѣтъ даже справедливыхъ сказаній о томъ, какъ Ермакъ покорилъ Сибирь!

Плоды трудовъ и ученыхъ подвиговъ, касательно изученія Сибири, русскихъ людей, знаменитыхъ въ ученомъ мѣрѣ, возбудили и въ насъ желаніе передать публикѣ тѣ свѣдѣнія, которыя мы сами приобрѣли, тоже о Сибири, но передать ихъ именно въ такомъ видѣ, въ какомъ бы они могли быть общепонятны и любопытны для каждаго, не спеціально-ученаго, а обыкновенно-образованнаго человѣка, чувствующаго потребность ознакомиться лучше хоть съ дальнею, но родною землею, чѣмъ съ сосѣднею — но съ чужою, съ которою у насъ нѣтъ и быть не можетъ никакихъ кровныхъ узъ, никакихъ общихъ интересовъ, ни народнаго сочувствія.

Въ этихъ видахъ мы имѣемъ цѣль составить нѣсколько историко-статистическихъ описаній разныхъ частей Сибири, передать нѣсколько извѣстій о родныхъ нашихъ герояхъ-покорителяхъ дальняго сѣверо-востока, представить настоящее положеніе этого края и, наконецъ, объяснить дѣйствительное значенія и будущія надежды Сибири.

Но прежде, чѣмъ приступить къ изложенію подробностей настоящаго, мы должны пояснить себѣ нѣкоторыя недоразумѣнія, которыя съ перваго же взгляда бросаются въ глаза, лишь только мы составимъ себѣ идею о Сибири.

Здѣсь представляются слѣдующіе, самые естественные вопросы:

Что за страна была Сибирь въ то время, когда Ермакъ покорилъ ее?

Стоитъ ли Ермакъ той памяти и славы, которыми окружаетъ его потомство за то только, что онъ покорилъ страну, которая, и безъ

него, была уже данницею Россіи—какъ это доказываетъ одинъ нашъ ученый мужъ?

Точно ли покорилъ ее Ермакъ, и не исхитилъ ли этотъ человекъ славу завоеванія Сибири изъ рукъ Строгоновыхъ, которымъ однимъ принадлежитъ весь этотъ подвигъ—какъ это доказываетъ другой нашъ ученый мужъ?

Было ли покореніе Сибири дѣломъ, подготовленнымъ разными обстоятельствами, давними и незначительными по виду, или покореніе это было печально, вовсе нежданно, было дѣломъ одного только случая—какъ объ этомъ выразился не совсѣмъ-ясно третій нашъ ученый мужъ?

Что знало наше правительство до Ермака объ этой громадной странѣ, у которой Ермакъ зацѣпилъ только небольшой клочокъ земли?

Съ которыхъ поръ правительство наше приобрѣло полное право называть всю Сибирь своею?

Кто таковъ былъ этотъ Ермакъ? дѣйствительно ли существовало въ мірѣ лицо съ такимъ сомнительнымъ и вовсе не-христіанскимъ именемъ? Или это мифъ, порожденный пустыми сказками, передающими намъ дѣйствительно-баснословные подвиги героя, носившаго это имя?

Если это не мифъ, то какое мы должны вывести заключеніе о личности этого человека?

Какимъ, наконецъ, образомъ русское народонаселеніе Сибири, изъ ничтожной горсти казаковъ и служилыхъ людей, въ два съ половиною столѣтія разрослось до того, что теперь въ ней разбросаны миліоны народа, который говоритъ языкомъ русскимъ, понимаетъ умомъ русскимъ, чувствуетъ сердцемъ русскимъ?

Безъ всякаго сомнѣнія, полное и удовлетворительное разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ и соглашеніе разнорѣчивыхъ сказаній лежитъ на обязанности будущаго историка, историка по призванію и вмѣстѣ съ тѣмъ ученаго *ex professo*. Но такъ какъ мы коснулись этихъ вопросовъ, то намъ и неловко уже обойти ихъ и, по силѣ, по возможности, не разъяснить ихъ хотя вкратцѣ, но такъ, чтобъ, по-крайней-мѣрѣ, главные событія были понятны каждому и ученому и неученому, были доступны оцѣнкѣ каждаго и ни въ комъ не внушали къ себѣ подозрительнаго сомнѣнія: точно ли это дѣло рассказано такъ, какъ оно было, и не противорѣчитъ ли оно такимъ документамъ и источникамъ, достоверность которыхъ признана твердо.

Попытка наша въ разъясненіи этихъ вопросовъ—вопросовъ, составляющихъ пробѣлъ въ нашей исторіи, вопросовъ, которые до сихъ поръ, какъ намъ кажется, были «мутной водой во облацѣхъ» — будетъ составлять содержаніе подлежащаго труда, которому мы признали за необходимое придать самую простую форму рассказовъ, такимъ-образомъ, чтобъ каждая отдѣльная глава составляла отдѣльный разсказъ, а не сухое ученое изслѣдованіе, потому-что здѣсь мы не пускаемся ни въ какія учености, а тѣмъ паче въ отвлеченности. Ученныя тонкости не по намъ: мы просимъ позволенія бесѣдовать просто,

безъ претензій, безъ излишнихъ умствованій и съ подобающимъ уваженіемъ къ истинѣ.

Изъяснивъ такимъ образомъ причины, побудившія насъ къ этому труду, и способъ, придуманный нами для ознакомленія нашихъ читателей съ избраннымъ нами предметомъ, считаемъ себя въ необходимости убѣжденія и доводы свои подкрѣпить какъ подлинными грамматами, помѣщенными въ текстъ, такъ и иными приложеніями, которыми трудъ нашъ будетъ заключенъ, на тотъ конецъ, чтобъ истина историческая не страдала, и чтобъ читатель не обвинялъ насъ въ самовольномъ ея искаженіи.

Тѣхъ, которые неохотно предаются чтенію старинныхъ бумагъ, изъ предубѣжденія къ ихъ незанимательности и сухости, смѣемъ завѣрить, что документы, на которые мы указываемъ, чрезвычайно-интересны и по языку, и по содержанію: въ нихъ такъ и выливается все прошлое, такъ и высказывается эпоха; надѣмся, что они не надоѣдятъ читателю.

Льстимъ себя надеждою, что трудъ нашъ обратитъ, можетъ-быть, на себя вниманіе любителей отечественной исторіи; желали бы мы вниманія милостиваго, но тѣмъ не менѣе ждемъ и немилостиваго; вѣдь на всѣхъ не угодишь!

И такъ, благословясь, приступимъ къ дѣлу.

ГЛАВА I-Я.

СИБИРСКІЕ ЛѢТОПИСЦЫ И ИСТОРИКИ.

Ученое мнѣніе о покореніи Сибири. — Ошечнагородное мнѣніе о покореніи Сибири. — Архiepиcкoпчъ Кипрiянъ. — «Неизвѣстная Рукопись». — Лѣтопись о Сибири. — Лѣтопись Саввы Есинова. — Строгоновская Лѣтопись. — «Новый Лѣтописецъ». — «Тобольскій Лѣтописецъ», Ремизова. — Гер. Фр. Миллеръ. — Н. М. Карамзинъ.

«Когда въ исторіяхъ другихъ государствъ рассмотримъ изобрѣтеніе, взятіе и наполненіе народомъ чужихъ и незнаемыхъ земель, и съ тѣмъ въ сравненіе приведемъ то, что съ стороны российской въ Сибири учинено: то при-мѣчается здѣсь предъ всѣми прочими государствами столько особеннаго и чудеснаго, что не скоро найдется сему по обычныхъ при-мѣровъ, и потомки наши едва могли бы сему сповѣрить, ежели бы не все, что въ слѣдующей исторіи о томъ объявлено будетъ, на до-стоувѣрнѣйшихъ и по большей части на не-«опрровергаемыхъ доказательствахъ утвержда-лось.»

Герардъ Фридрикъ Миллеръ.

Насъ, вѣроятно точно такъ же, какъ и васъ, благосклонный читатель, въ малолѣтствѣ учили, что Сибирь покорилъ Ермакъ, и покорялъ ее вотъ какимъ образомъ.

Жили-были на свѣтѣ «именитые люди», почти-что бояре, Строгоновы. Жили они близко Сибири и задумали покорить Сибирь. Пригласили они къ себѣ Ермака, положили ему жалованье, наняли казаковъ, дали имъ пушки, придали къ этой рати собственныхъ своихъ людей и послали ихъ въ Сибирь: «ступайте», сказали они, «покорите намъ Сибирь!»

Ермакъ пошелъ — взялъ да и покорилъ Сибирь.

Мы этому и повѣрили.

Прошли ребяческіе годы; хотѣлось узнать: какъ же это Ермакъ покорилъ Сибирь?

«А вотъ какъ» отвѣчали намъ на этотъ вопросъ: «три кунца и бѣглый атаманъ волжскихъ разбойниковъ дерзнули, безъ царскаго повелѣнія, именемъ Іоанна завоевать Сибирь и уступили ее государству... замѣтите это тонкое выраженіе: *уступили* Сибирь правительству!!! — И затѣмъ наши разсказчики стали продолжать карамзинскія повѣствованія съ витѣватыми украшеніями того же, чему насъ учили и въ малолѣтствѣ.

Мы опять ничего не узнали и никакъ не могли сообразить: какимъ же образомъ Ермакъ и небольшая ватага другихъ наемныхъ удалцовъ попали въ Сибирь, разбили цѣлое царство, котораго жители мало, какъ видно, оказывали имъ сопротивленія, и обратили огромную страну не въ отчину своихъ господъ и хозяевъ, а въ русскую провинцію. Были и другіе вопросы... но разрѣшеніе ихъ мы, при усвоенныхъ уже идеяхъ и взглядѣ на это дѣло, никакъ не могли согласить съ дѣйствительностью.

Наконецъ, судьба привела насъ самихъ въ Сибирь. Видѣли мы Тоболь, видѣли Иртышъ, гуляли по великой рѣкѣ Оби, плавали и по Енисею, и по Ангарѣ, сами живали въ лѣсахъ, по педѣлямъ питались едва не одними сухарями, потерлись между простымъ народомъ, прислушались съ его разсказамъ о Ермакѣ, ознакомились съ его духомъ, и оцунью дошли, кажется, до возможности понять, наконецъ, ермаковы походы, отвыкнувъ мѣрять все на петербургскую мѣрку и смотрѣть на всѣ происшествія глазами столичнаго жителя половины XIX столѣтія.

И уже послѣ всего этого мы принялись за изученіе сибирскихъ лѣтописей и тѣхъ историковъ, которые, прямо или косвенно, выразили свои мысли о покореніи Сибири.

Съ ихъ-то характеромъ и направленіемъ мы и хотимъ теперь познакомиться читателей.

Первыя свѣдѣнія о походѣ Ермака собраны были сибирскимъ архіепископомъ Кипріяномъ, жившимъ въ Тобольскѣ съ 1621 года до 15 февраля 1624 года; подлинныхъ его замѣтокъ мы не имѣемъ.

Изъ извѣстныхъ намъ рукописей первое мѣсто занимаетъ «Неизвѣстная Рукопись», внесенная въ такъ-называемый «Новый Лѣтописецъ». Тотъ списокъ, которымъ мы пользовались (въ каталогѣ лѣтописей Румянцовскаго Музеума подъ № 259) самъ по себѣ принадлежитъ началу нынѣшняго столѣтія; но оригиналъ его, по духу помѣ-

щепныхъ въ немъ извѣстій, принадлежить не ранѣе, какъ или къ концу первой или къ началу второй четверти XVII столѣтїя. Мы его будемъ называть просто «Неизвѣстною Рукописью».

Рукопись эта служила первообразомъ къ составленію другой лѣтописи, изданной въ 1821 году Г. И. Спасскимъ подъ названіемъ «Лѣтопись Сибирская»; авторъ ея неизвѣстенъ, но онъ только округлялъ періоды лѣтописи, поименованной выше, приправлялъ свое твореніе риторическими украшеніями и старался быть вѣренъ тому духу, которымъ проникнуть его первообразъ. Гдѣ эта рукопись находится, въ какомъ мѣстѣ она открыта — неизвѣстно: первый издатель ея, Г. И. Спасскій, на VIII страницѣ своего къ ней предисловія говоритъ только, что она ему досталась случайно. Н. М. Карамзинъ, принявшій ее въ неопровергаемое основаніе своихъ повѣствованій, тоже рѣшительно ничего не говоритъ, гдѣ онъ ее открылъ: въ публичныхъ ли музеяхъ, или въ частныхъ домашнихъ архивахъ нашихъ вельможъ.

Третья лѣтопись «О Сибири», по описываемымъ въ ней событіямъ и по ссылкѣ въ одномъ мѣстѣ, какъ кажется, на «Неизвѣстную Рукопись», относится, такъ же какъ и она, къ началу второй четверти XVII столѣтїя. Въ ней не достаетъ конца, который утраченъ; помѣщена же она въ «Историческомъ Сборникѣ», скорониси тоже XVII вѣка, и хранится въ Румянцовскомъ Музеумѣ (подъ № 379 каталога).

Эта лѣтопись служила первообразомъ къ составленію другой лѣтописи, изданной Г. И. Спасскимъ въ 1823 году. Мы пользовались болѣе-исправнымъ ея спискомъ, помѣщеннымъ «въ гранографѣ», то-есть, хронографѣ, писанномъ полууставомъ разныхъ почерковъ конца XVII столѣтїя, и хранящемся въ Румянцовскомъ Музеумѣ (подъ 457 № въ каталогѣ). Эта лѣтопись, извѣстная подъ названіемъ «Есиповской», есть не что иное, какъ риторическое распространеніе предъидущей краткой лѣтописи «О Сибири»; на ней выставленъ 1636 годъ.

Объ этихъ двухъ изданныхъ г. Спасскимъ рукописяхъ, рѣзко одна другой противорѣчащихъ въ существенныхъ основаніяхъ—если можно такъ выразиться—«сибирскаго вопроса», мы распространимся далѣе; а теперь будемъ говорить объ остальныхъ извѣстныхъ намъ лѣтописяхъ.

Въ «Новомъ Лѣтописецѣ» скорониси XVIII вѣка помѣщено шесть главъ о Сибири: «о взятїи Сибири», о «убїенїи Ермака и о помѣтѣ Сибири» и проч. По времени составленія, лѣтопись эта принадлежить второй половинѣ XVII столѣтїя и содержитъ въ себѣ краткій, довольно-вѣрный рассказъ о Ермакѣ; но въ одномъ мѣстѣ она противорѣчитъ сама себѣ, а въ другомъ—хрвологїи. Лѣтопись эта не составляетъ важнаго пособія при изученїи сибирской исторїи и указаніе ея противорѣчїи читатель найдетъ въ составленномъ нами «сводѣ лѣтописей».

Наконецъ, послѣдняя изъ извѣстныхъ намъ лѣтописей есть «Тобольскій Лѣтописецъ», или «Ремезовская Лѣтопись». Авторъ ея, тобольскій боярскій сынъ, Семень Емельяновичъ Ремезовъ, составилъ ее во времена Петра-Великаго, въ концѣ XVIII вѣка (1697—1699), по трудъ

его, совершенно лишенный всякаго критическаго взгляда, почтененъ только потому, что онъ *трудъ*, а въ исторіи покоренія Сибири онъ ничего не объясняетъ. Его и Карамзинъ отвергаетъ, признавая его сказанія невѣрными (И. Г. Р. Т. IX. Пр. 644); однакожь не всякое же его положеніе должно быть признано ложнымъ: у него есть мѣста, гдѣ онъ ставитъ зрителя въ необходимость смотрѣть на предметъ съ иной точки.

Теперь обратимся къ двумъ главнѣйшимъ источникамъ сибирской исторіи — къ издавнымъ г. Спасскимъ «Сибирской Лѣтописи» Саввы Есипова и «Сибирской Лѣтописи» безыменнаго автора.

Объ эти лѣтописи во многомъ, особенно во второстепенныхъ происшествіяхъ, между собою согласны, но во всемъ, что касается до существенныхъ вопросовъ, онѣ рѣшительно противорѣчатъ другъ другу.

Мы старались разобрать эти противорѣчія, сравнивали ихъ между собою, сличали ихъ съ подлинными словами царскихъ грамматъ, примѣняли ихъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, и нашли, что причиной этихъ противорѣчій была неодинаковость началъ или духа, которыми составители лѣтописей были проникнуты.

По нашимъ личнымъ соображеніямъ и убѣжденію, оказывается слѣдующее:

Лѣтопись Есипова, не смотря на реторику и фразѣрство — кратчайшая. Она излагаетъ происшествія просто, внятно, безъ претензій на ученость, безъ особенныхъ увлеченій въ чью либо личную пользу; она заключаетъ въ себѣ обстоятельства, которыя служили поводомъ къ ея осуществленію, поменовываетъ автора, указываетъ время составленія и не скрываетъ, что лѣтописецъ «распространилъ тотъ подлинникъ, которымъ онъ самъ руководствовался и гдѣ прежній авторъ стѣснялся въ рѣчахъ». Изъ этого слѣдуетъ заключить, что Есиповъ худо ли, хорошо ли — но дѣйствовалъ не безъ критики и описываемыя имъ происшествія соображалъ съ хронологическимъ ихъ порядкомъ и съ мѣстными обстоятельствами. Здѣсь про Строгоновыхъ, пермскихъ купцовъ, ничего особеннаго не говорится, и на первомъ планѣ стоитъ одинъ только «овній велемудрый риторъ Ермакъ» съ своими людьми. Есиповъ выкинулъ даже изъ первообраза своей «Лѣтописи» ссылку на другую лѣтопись: «ини же повѣдаютъ лѣтописцы, яко призваша ихъ (Ермака съ товарищи) съ Волги Строгоновы и даша имъ имѣнія и одежды добрыя и оружія — пищали и пушки полковыя и своихъ людей «даша имъ Литвы и Нѣмецъ триста человекъ». Есиповъ понималъ, что здѣсь каждое слово — вещь невозможная, и потому просто пишетъ, что Ермакъ съ товарищами самъ пришелъ съ Волги въ Сибирь.

Другая лѣтопись неизвѣстнаго автора. Она повторяетъ многое, что есть у Есипова, но еще болѣе, чѣмъ есиповская лѣтопись, округляетъ періоды, увеличиваетъ ихъ объемъ вставочными предложеніями и всюду блистать цвѣтами краснорѣчія, употребляя обороты и выраженія, которые обличаютъ составленіе ея въ позднѣйшее время, чѣмъ лѣтопись Есипова, не говоря уже про промахи противъ грамматики славяно-церковнаго языка, подъ который составитель лѣтописи очень ста-

рался поддѣлаться. Всѣ эти обстоятельства заставляютъ не давать ей той вѣры, которую внушаетъ къ себѣ лѣтопись Есипова, а кой-какія особенности усугубляютъ это недоувѣріе и возлагаютъ обязанность подвергнуть ее строгой критикѣ. Занявшись съ самаго начала ознакомленіемъ читателя съ важностью значенія именитыхъ пермскихъ солеваровъ въ государственномъ быту задолго до появленія Ермака на сценѣ, лѣтопись неизвѣстнаго автора выпускаетъ изъ царскихъ грамотъ всѣ тѣ выраженія, которыя могутъ навести на слѣдъ къ правдѣ и всѣми силами старается выставить ермаковыхъ казаковъ существами, непохожими на обыкновенныхъ людей этого разряда: ея казаки не воры (въ тогдашнемъ значеніи этого слова), а сладенькіе витязи, всегда готовые плакать отъ умиленія; они не обыкновенные смертные, которыхъ непріятель можетъ при случаѣ разбить въ битвѣ и одолѣть силою, а почти всюду побѣдоносные герои; авторъ такъ и хлопочетъ, чтобъ отстранить какую-нибудь неделикатность со стороны покорителей и каждому поступку ихъ придать видъ самаго строгаго приличія, хотя бы для этого нужно было переименовать событія.

Подобнаго рода пристрастія повели за собой и другаго рода ошибки: авторъ выводитъ событія, неподтверждаемыя никакими официальными актами, и прибавляетъ, гдѣ только возможно, то, что можетъ дать ложный блескъ имени Строгоновыхъ, ненуждающихся въ подкупной славѣ и столѣтіями стяжавшихъ себѣ честь, почетъ и знаменитость немерцаемую. У насъ имя Строгоновыхъ—имя народное, а авторъ неизвѣстной лѣтописи, кажется, вовсе не понималъ, что его казеніе, туманя вѣтви облаками дыма, въ основаніи своемъ—извить корень и навлекаетъ на правдивыхъ родоначальниковъ фамиліи подозрѣніе, котораго они не заслуживали. Вѣроятно, это постоянное желаніе приплести къ подвигу Ермака имя Строгоновыхъ и было причиною, что лѣтопись неизвѣстнаго автора и даже неизвѣстнаго времени приобрѣла извѣстность подъ именемъ «Строгановской», утвержденной за нею и Карамзинымъ. Прозваніе это мы охотно при ней оставляемъ.

Карамзинъ, въ 670 примѣчаніи къ IX тому своей «Исторіи» и есиповскую и строгановскую лѣтописи обѣ называетъ «древнѣйшими и достовѣрными»; въ 664 примѣчаніи къ тому же тому, онъ безусловно объясняетъ, что слѣдуетъ «Строгановской Лѣтописи», а почему онъ именно ей слѣдуетъ—этого онъ не заблагоразсудилъ открыть намъ, а въ 644 примѣчаніи къ IX же тому строгановскую лѣтопись онъ называетъ «доставѣрнѣйшею всѣхъ иныхъ и «сочиненною *вроятно около 1600 года*». Эти слова не заслуживаютъ никакого вѣроятія уже потому, что строгановская лѣтопись въ самомъ началѣ говоритъ о сибирской «архіепископіи», тогда-какъ первая архіепископія учреждена тамъ не ранѣе 1621 года, а въ самомъ концѣ говоритъ о строеніи городовъ и церквей, объ очищеніи «всей сибирскія земли», о проповѣди евангельской во всѣхъ концахъ Сибири и о распространеніи христіанства между инородцами, что и заставляеть насъ относить эту лѣтопись по-крайней-мѣрѣ ко второй половинѣ XVII столѣтія; можетъ-быть даже, она и еще позже составлена.

Слова Карамзина увлекли и другихъ писателей, необращавшихъ уже вниманія на лѣтопись Есипова и вѣрившихъ строгоновской лѣтописи на-слово, безъ всякаго соображенія ея сказаній ни съ обстоятельствами тогдашняго времени, ни съ прямымъ смысломъ выраженій царскихъ грамотъ и другихъ официальныхъ документовъ. Хотя же одинъ изъ позднѣйшихъ писателей и увѣряетъ, на словахъ, что онъ имѣлъ случай провѣрить съ ними строгоновскую лѣтопись и убѣдиться въ ея достовѣрности, однакожь... можетъ-быть, онъ въ этомъ самъ и убѣдился, да насъ-то въ этомъ ничѣмъ не убѣдилъ, тѣмъ болѣе, что самъ же онъ призналъ достовѣрность свѣдѣній лѣтописи Есипова.

Конечно, Карамзинъ такой авторитетъ еще для очень-многихъ, для которыхъ каждое его слово—законъ, что они готовы возопіять и жестоко истерзать всякаго невѣрующаго въ него слѣпо: напрасно! Мы знаемъ, что не отдавать должной справедливости, не умѣть цѣнить труды знаменитаго историографа—было бы нелѣпо и слишкомъ-невѣжественно, а сомнѣваться въ словахъ Карамзина и стараться избавиться отъ этихъ сомнѣній... тутъ слава Карамзина нисколько не страждетъ, и памятникъ его навсегда останется выраженіемъ общаго къ нему уваженія. Но, полагая, что и Карамзинъ, обезсмертившій себя своими славными трудами на поприщѣ отечественной словесности и исторіи—все-таки былъ человѣкъ, все-таки могъ ошибаться, а если не ошибался съ намѣреніемъ, то могъ неумышленно смотрѣть на разные предметы съ своей точки зрѣнія, — мы и сами хотимъ смотрѣть на избранный нами предметъ съ той точки, которая намъ кажется настоящею; а ссылаясь на тѣ же источники, которые были въ виду Карамзина, мы этимъ самымъ признаемъ и ту еще его заслугу, что онъ всѣхъ насъ заохотилъ къ изученію отечественной исторіи, частію совокупилъ воедино, но еще болѣе указалъ на самыя драгоценныя свѣдѣнія и всѣмъ намъ далъ возможность, опираясь на его же труды, писать вопреки тому, что онъ самъ написалъ.

Тѣмъ же самымъ уваженіемъ, которое мы питаемъ къ трудамъ Карамзина, проникнуты мы къ трудамъ и другихъ историковъ, съ которыми мы, однакожь, не можемъ согласиться безусловно, но которыхъ извѣстность заставитъ насъ не упускать изъ вида нѣкоторыхъ ихъ выводовъ и положеній.

Отъ лѣтописцевъ перейдемъ къ историкамъ. Изъ нихъ поименуемъ только «историографовъ» Миллера и Карамзина, а о «вся по стопамъ его ходяй» признаемъ за благо—прейти молчаніемъ.

Миллеръ, такъ справедливо признанный отцомъ сибирской исторіи, заслуживаетъ полной признательности за предпринятый имъ громадный трудъ. Онъ одинъ только вполне списывалъ царскія грамоты. Онъ вполне обладалъ критическимъ талантомъ и готовъ былъ распутать гордіевъ узелъ въ сибирской исторіи, но, къ-несчастью, боярскій сынъ Ремезовъ, харезмскій или хивинскій ханъ Абулгазы и амстердамскій бургомистръ Николай Витзень, еще болѣе сбили его съ толку и Миллеръ даже не разсѣкъ своего узла, указавъ, однакоже, другимъ, позднѣйшимъ писателямъ на концы, которые пре-

жде всего надобно изъ этого узла вытянуть. Надобно, однакожь, сказать, что Миллеру вовсе, кажется, не были извѣстны, по-крайней-мѣрѣ не казались ему правдивыми, ни строгоновская, ни есиповская лѣтоси и хотя въ сочиненіи своемъ онъ неоднократно говорятъ «про простыхъ лѣтописцевъ» и приводятъ обстоятельства, которыя могли быть ему извѣстны только изъ этихъ двухъ источниковъ, или изъ ихъ первообразовъ, однако мы никакъ не можемъ хорошенько понять, кого именно онъ разумѣлъ подъ этимъ выраженіемъ; знаемъ только навѣрно, что въ его рукахъ былъ «Новый Лѣтописецъ», котораго онъ называетъ «Лѣтописью о Мятежахъ». Кромѣ этого, вторая, главнѣйшая заслуга Миллера состоитъ во множествѣ собранныхъ имъ и изданныхъ въ свѣтъ официальныхъ документовъ и царскихъ грамотъ, указовъ, наказовъ, памятей, росписей и другихъ актовъ, совершенно объясняющихъ бытъ сибирскаго народонаселенія въ описываемое имъ время.

Что касается до Карамзина, то при всей огромности уваженія нашего къ его обширнымъ трудамъ и заслугамъ, мы должны, однакожь, сказать, что Карамзинъ не съ надлежащей точки смотрѣлъ на исторію Сибири, а специальная статья его «Первое Завоеваніе Сибири» — есть только компиляція лѣтописей Есипова, Ремезова и строгоновской. Это бы еще и ничего: въ громадѣ твореній Карамзина этотъ грѣхъ выкупленъ безчисленнымъ множествомъ другихъ красотъ великихъ трудовъ его; но досадище всего, единственно отъ уваженія къ труду его, то, что, цитируя царскія грамоты къ Строгоновымъ, онъ, въ полнотѣ убѣжденія, почелъ незаслуживающими вниманія нѣкоторыя довольно-важныя фразы и исключилъ ихъ изъ текста, обозначивъ выпущенныя мѣста однѣми точками: изъ однѣхъ точекъ, конечно, нельзя узнать, въ чемъ тутъ дѣло; но въ нихъ-то, можетъ-быть, и заключается разрѣшеніе задачи?

Чтобъ совершенно отстранить отъ себя малѣйшую тѣнь подозрѣнія въ произвольномъ толкованіи лѣтописей или царскихъ указовъ, мы рѣшились составить «Сводъ Сибирскихъ Лѣтописей», которыя выше поименовали и которыми имѣли случай пользоваться. Есиповскую лѣтопись подобно какъ и другія, мы напечатали по спискамъ, самими нами прочтеннымъ, дополнивъ первую въ примѣчаніяхъ сближеніемъ текстовъ нашего и изданнаго г. Спасскимъ. Въ «Сводѣ» этотъ мы не помѣстили «Строгоновской Лѣтописи» во всей ея полнотѣ, потому-что подлиннаго ея списка мы сами не видали, а новое изданіе текста 1821 года составляетъ авторскую собственность Г. И. Спасскаго, на которую мы не имѣли никакого права. Ремезовская лѣтопись также не вошла въ «Сводъ», но въ замѣнъ ея мы помѣстили главнѣйшіе выводы г. Миллера, руководствовавшагося, какъ мы уже замѣтили, преимущественно тобольскимъ лѣтописцемъ. Надѣмся, что безпристрастный и просвѣщенный читатель согласится съ нами въ необходимости подобнаго «Свода» и проверитъ съ нимъ собственные наши выводы и положенія. «Человѣкъ бо есмь»: можетъ-быть, наши ошибки еще грубѣе тѣхъ, на которыя мы сами указываемъ.

Что касается до царскихъ грамматъ, то мы непремѣнною обязанностию считаемъ разбѣстить ихъ въ надлежащемъ мѣстѣ цѣлкомъ почти всѣ, особенно тѣ изъ нихъ, которыя посланы были къ Строгоновымъ отъ Ивана-Грознаго и которыя разрѣшать намъ вопросъ: виноваты ли Строгоновы въ преступленіи передъ государемъ? Но чтобъ не затруднить чтеніемъ подлинныхъ грамматъ тѣхъ читателей, которые будутъ нерасположены слѣдить въ нихъ строка за строкой, мы печатаемъ курсивомъ существенныя въ грамматахъ выраженія, на которыя и просимъ обратить преимущественное вниманіе.

Объяснившись такимъ образомъ на-счетъ главнѣйшихъ источниковъ, мы, по крайнему убѣжденію и по причинамъ, объясненнымъ выше, почитаемъ за справедливое слѣдовать преимущественно лѣтописи Есипова, не отвергая, однакожъ, вовсе и строгоновской или другихъ, но пользуясь только ими съ крайнею осторожностью.

Обстоятельства, подкрѣпляющія нашу вѣру въ первую, состоятъ въ слѣдующей къ ней припискѣ, которую мы извлекаемъ изъ 644 Примѣчанія къ IX тому «Исторіи Государства Россійскаго», Карамзина:

«О исправленіи лѣтописи сія.

«Въ лѣто 7.129 (1.621) поставленъ и посвященъ бысть въ Сибирь, «въ Тоболескъ, во архіепископы Кипріанъ, бывшій Хутынскаго Монастыря архимандритъ, и во второе лѣто архипастырства своего воспоминаю атамана Ермака Тимофѣева Повольскаго; и онъ, добрый пастырь, «повелѣ спросити ермаковыхъ казаковъ: како они придоша въ Сибирское Царство и гдѣ у нихъ съ погаными были бои и кого у нихъ «поганіи убили. Казаки же принесоша ему списки, како они придоша «въ Сибирь и о бояхъ.

«Сія лѣтопись о Сибирскомъ Царствѣ въ Тобольску градѣ (вѣроят- «но, пропущены слова: окончена писаніемъ) въ лѣто 7.145 сентября «въ 5 день (1.636).

«Слогатай человекъ грѣшенъ: имя его (изображено числительными «буквами, по разложеніи которыхъ выходитъ) Савва Есиповъ.

«Иное же писахъ съ писанія *прежнего*, списавшаго вѣчто, и *стѣся- «ма рльчю*, азъ же распространихъ,—иное же очима своимъ видяше».

Вѣроятно, объ этой-то лѣтописи свидѣтельствуетъ одинъ изъ извѣ- «стиѣйшихъ нашихъ историковъ, что Кипріану «потомство обязано до- «стоверными свѣдѣніями о первомъ завоеваніи Сибири». «Кипріанъ» говоритъ онъ: «зналъ сподвижниковъ Ермака и составилъ изъ ихъ ска- «заніи любопытную лѣтопись».

Наконецъ, болѣе-строгая оцѣнка событіи, составляющихъ основу и той и другой лѣтописи и писателей, наиболѣе-касавшихся этого пред- «мета, будетъ заключаться въ самомъ изложеніи обстоятельствъ покоренія Сибири.

Повергаемъ на судъ просвѣщеннаго читателя нехитрыя наши изслѣ- «дованія: не смѣемъ считать ихъ безошибочными, но чтобъ и другихъ не ввести въ ошибки, прилагаемъ на лицо всѣ данныя, которыми мы сами пользовались, и ждемъ правосуднаго приговора.

ГЛАВА II-Я.

ЗАУРАЛЬЕ ДО ЦАРЯ ИВАНА - ГРОЗНАГО.

Мнѣніе старинныхъ ученыхъ о Зауральи. — Положеніе Югры, Обдоргіи Сибири. — Походъ Курескаго при Иванѣ III въ Югру. — Нѣсколько словъ объ Обдорахъ и Удорахъ, объ Югрѣ по Длиннѣ-городкѣ. — Царскіе титулы до Грознаго. — Тюмени.

«Въ исходѣ XV столѣтія знамена Москвы уже развивались на сибирномъ хребтѣ Каменнаго Пояса или древнихъ горъ Рифейскихъ и евоеводы Иоанна III возгласили его великое имя на берегахъ Тавды, Иртыша и Оби, въ пяти тысячахъ верстахъ отъ нашей столицы. Уже сей монархъ именовался въ своемъ титулѣ «Югорскимъ», сынъ его «Обдорскимъ» и «Кондинскимъ», а внукъ «Сибирскимъ», обложивъ давню сію Могольскую или Татарскую державу».

Н. М. Карамзинъ.

Составленіе древней карты части зауральскаго края принадлежитъ прибывшему, въ 1517 году, въ Москву посломъ отъ императора Максимилиана, при государь царь Василіи Ивановичъ, барону Сигизмунду Герберштейну. Изъ карты этой, составленной въ 1549 году (1), видно, что ученые мужи тогдашняго времени имѣли о прилежащихъ къ Уралу странахъ слѣдующее мнѣніе:

Зауралье отдѣляется отъ Московіи хребтомъ горъ, извѣстнымъ подъ названіемъ «Земнаго-Пояса» (montes, dictae cingulus terrae, Poiassa), то есть Уральскимъ-Хребтомъ. Изъ западныхъ отклоновъ этихъ горъ вытекаетъ рѣка Печора (Peczoga), въ которую, съ правой стороны ея теченія, впадаютъ вытекающія изъ тѣхъ же горъ рѣки—Артавиша (Artawischa), Шугоръ (Sczughora) и Уса (Ussa). Первая намъ неизвѣстна, но двѣ послѣднія действительно и доселѣ такъ называются. На югозападѣ отъ Печоры лежитъ «Двинская провинція». Между вершинами рѣкъ Печоры, Пинеги и Юга—къ югу отсюда лежитъ провинція «Пермь». Къ югу отъ Перми, между Пермью и Казанью, обитаютъ Черемисы.

По ту сторону «Земнаго-Пояса», гдѣ-то далеко, лежитъ великое «Китай-Озеро» (Kithay-lacus), изъ котораго вытекаетъ огромная рѣка Обь (Obu). Въ Обь, съ лѣвой стороны, впадаетъ рѣка Сосва (Sossa), при устьѣ которой стоитъ «Обскій городокъ» (Obca-castel)—вѣроятно то, что мы въ-послѣдствіи называли Березовымъ-городкомъ. Сосва принимаетъ въ себя рѣку Сибуть (Sibut)—(вѣроятно, это наша Сыгва), на которой

(1) Герберштейнъ: *Rerum Moscovitarum commentarii*; нѣмецкое изданіе 1567 года, латинское 1600 года.—Титулъ приложенныхъ при нихъ двухъ одинаковыхъ картъ слѣдующій: «Moscovia.—Sigismundi, liberi baronis in Herberstein. Neiperget Gutenbag. Anno M. D. XL. IX».

ГЛАВА III-Я.

ОТНОШЕНИЯ ЦАРЯ ИВАНА-ГРОЗНАГО КЪ СИБИРИ ДО ЕРМАКА.

Общепонятное понятие о Сибирь. — Сибирь—страна, царство и городъ. — Мѣстоположеніи Сибири. — Бытъ Сибирцевъ тогдашняго времени. — Официальное знакомство Руси съ Сибирью. — О даръ или дани. — Етигеръ. — Етигеровы послы. — Появленіе Кучума. — Граммата Кучума къ Грозному. — Кучумовы послы у Грознаго. — Русское посольство въ Сибирь.

«Моаметъ постави себѣ градъ на рѣкѣ Ирты «ши и нареке «Сибирь» и ту, живъ, умре: то и «бѣ начальный градъ Сибирь, потомъ же и вся «страна та прозвася «Сибирь». — Гради же ко- «иждо свое имя имуть по прилученію и по «смотрѣнію, обще же «Сибирь» именуется, «яко же и Римская страна и Италия нари- «цается — отъ Итала вѣковаго, обладаваго «странами северными (Хроника Латинская): гра- «ди же всея римскія страны разныхъ имена имѣ- «ютъ, обще же и Италия наречется. — А какъ «Сибиретинъ гради именами нарицалися — и се- «вѣдомъ ни отъ кого же и не испытанно, по- «веже бо преже живаше по всей Сибирской «земли чюль; посему и писанія несть.»
Первообразъ Есиновской Лѣтописи.

Сибирью, сколько догадываться можно, попросту называли у насъ все, что лежало за Камой и къ северу и къ востоку. Знали мы, что въ странѣ этой есть горы, есть «Югорскій Камень» и есть «Каменный

передѣлывали ихъ въ багры или гарпуны для рыбной ловли... Торговля сношенія Булгаръ и съ зауральскою Югрой могли облегчать Вогулы, жившіе доселѣ по сю сторону горъ по рѣкѣ Вышерѣ, впадающей въ Каму. Еще въ XVI столѣтіи Югра не утратила торговаго своего значенія на сѣверѣ и въ Москву вывозили отсюда не только пушные товары, но и драгоценныя камни, которые получалися Юграми (3) съ юга, отъ иноземныхъ купцовъ (это говорятъ Герберштейнъ и Дербергъ; но надобно предположить, что не Югра, а русскіе промышленники производили мѣну съ Бухарскими торговцами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жила Югра, то-есть въ притокахъ Камы, по сю сторону Урала, и за Ураломъ.)» (Стр. CIV—CVIII).

1) Пермь, Рэйгтшъ, есть финское слово, которое доселѣ употребляется въ значеніи «окраины», «украины», — *limburga, plica marginalis, inde margo, circuitus*; но у Зырянь—Перма означаетъ вообще «возвышенность, преимущественно лѣсную». *Syrgia* синонимъ того же слова, — *margo, locus marginalis*, — и сверхъ того «волокъ» — *isthmus, terra tenuis inter maria*. Слѣдовательно Пермь и Зыряне названія сиринимическія и значатъ «украины». Одна изъ зырянскихъ волостей, въ Сольвычегодскомъ Уѣздѣ Вологодской Губерніи, до нашихъ временъ сохранила названіе *Малой Перми* или *Пермцы*. Въ частности, Зыряне суть жители *Syrgia* или волока, «Волочане», Заволоцкая Чудь, Заволочане, *Zauolocenses* позднѣйшихъ писателей. (*Ibid.* примѣч. 198).

2) Значеніе народнаго имени *Самъдовъ* не имѣетъ однакожъ ничего общаго съ идеею людоедства, а есть не иное что, какъ ослабленное *Самоди*, какъ по-сю-по-бу называютъ ихъ ближайшіе ихъ сосѣди, жители Архангельской-Губерніи, потомки высельщевъ Великаго-Новогорода (стр. CXIX).

3) По замѣчанію г. Шегрера названіе *Югры*, *Jögga*, сохранилось доселѣ между Зырянами: они называютъ *Jögga* *jass* (ясс есть окончаніе ихъ множественнаго числа) своихъ сосѣдей, уральскихъ Остяковъ. Арабскіе писатели знаютъ Югру подъ именемъ *Юр*. «Югры», говоритъ Абу-Хамедъ, «не имѣютъ пажитей, но живутъ въ болотахъ (тундрахъ) и питаются рыбкою; путь въ ихъ страну всегда покрытъ снѣгомъ.» — Готъ Юрландесъ, писатель VI вѣка, передаетъ извѣстіе, что Югра живетъ за Хозарами и Булгарами (*Ibid.*).

Поясъ», но не имѣли точнаго понятія ни о земляхъ, къ нимъ прилегающихъ, ни о направленіи этихъ возвышенностей. Самое различіе этихъ словъ «Камень» (гора) и «Поясъ» (хребетъ) даютъ поводъ къ уразумѣнію того, что Югорскимъ Камнемъ называли у насъ отроги Урала, распространяющіеся къ сѣверу отъ Карскаго-Моря до Каминна Носа, близъ котораго полагали, можетъ-быть, окончаніе этихъ отроговъ, известное подъ именемъ «Югорскаго-Шара» (21); Каменнымъ же Поясомъ или Земнымъ Поясомъ назывался весь Уралъ, въ послѣдствіи уже известный у насъ подъ названіемъ «Аралтовой-Горы» (22).

Со словомъ «Сибирь» соединялось значеніе, близко подходящее къ тому, какое встарину мы придавали слову «нѣмцы». На западѣ и Шведъ, и Французъ, и Цесарецъ были, въ понятіяхъ русскаго, неученаго народа,—одна нѣ-христь, тѣ же нѣмцы. Такъ и на дальнемъ сѣверо-востоку: и Остякъ, и Вогуличъ, и Киргизъ, и Нагаецъ — все это была та же нѣ-христь, все одна чужь заблудящая, басурманы изъ Сибири. Но такъ-какъ племена эти, подъ однимъ и тѣми же наименованіями, обитали и по сю и по ту сторону Урала, съ тѣмъ различіемъ, что Чужь зауральская не была подчинена нашему владычеству, то и Сибирь, въ общемъ значеніи страны, населенной чужью или чужью, можно раздѣлить на двѣ стороны: на Сибирь русскую и на Сибирь нѣмшюную.

Земли по-сю-сторону Урала за Камою, хотя и мало намъ знакомыя, но покоренныя русскимъ оружіемъ и подчиненныя русскому вліянію, составляли конецъ русскаго края, сибирскую крайну, которую въ послѣдствіи тоже стали звать Сибирью. Эта русская Сибирь кончалась за Югорскимъ-Камнемъ, въ границахъ воображаемыхъ, но неопредѣленныхъ ясно. Въ тѣхъ предѣлахъ этого края, куда русское оружіе не проникало, право наше основывалось на правѣ первоначальнаго занятія (*jus primi occupantis*) страны хотя и населенной, но дикой, невѣжественной, неваключавшей въ себя никакой идеи о государствѣ. Слово «Сибирь» въ устахъ народа до-сихъ-поръ осталось за тою частію Пермской-Губерніи, которая лежитъ между Камою и Ураломъ; до-сихъ-поръ собственно закамскіе жители называютъ себя Сибиряками и, говоря передъ нами про свою землю, говорятъ весьма-часто: «у насъ въ Сибири», а про наши края—«у васъ въ Расей».

За этой русской Сибирью, по ту сторону Урала, лежала не наша Сибирь, Сибирь настоящая, по разноплеменности своихъ обитателей до-сихъ-поръ удержавшая за собой данное ей народомъ прозваніе «нѣмшюной». Здѣсь мѣста были намъ незнакомыя и волюкъ неизвѣстныя, и обитатели ихъ не были нашими данниками.—Это второе значеніе слова «Сибирь», въ обще-употребительномъ смыслѣ всего Зауралья.

Но Сибирь имѣла еще третье, болѣе-тѣсное значеніе—значеніе отдѣльнаго политическаго союза племенъ, составлявшихъ самостоятельное, отдѣльное племе. И этимъ-то словомъ мы преимущественно именовали особенное

(21) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, № 296.

(22) См. Примѣч. 20—В, 6, 12 и 38.

вогуло-татарское... положимъ—ханство, «Сибирскій-Юртъ» воинствен-ныхъ; полу-идолопоклонническихъ, полу-мухаммеданскихъ племенъ. Слово «юртъ» мы привимаемъ въ тоглашнемъ его значеніи, которое у Курбскаго опредѣляется словами «царство, само по себѣ стоящее» (23), или независимую орду, у которой въ вѣдѣстныхъ мѣстахъ были или постоянныя жилища или опредѣленные привалы, подлежащимъ образомъ огражденные и называвшіеся юртомъ, городищемъ, городкомъ и даже городомъ.

Главный притонъ Сибирскаго-Юрта, столица, или собственно говоря «ханская ставка» сибирскаго владѣтеля—былъ городъ Сибирь, и здѣсь слово Сибирь является въ тѣснѣйшемъ, четвертомъ и послѣднемъ своемъ значеніи. Мѣстоположеніе этого города, по свидѣтельствамъ лѣтописцевъ, было на Иртышѣ, выше нынѣшняго Тобольска; новѣйшіе писатели говорятъ, что городъ Сибирь былъ въ шестнадцати верстахъ отъ соединенія Иртыша съ Тоболомъ.

Карамзинъ главный городъ сибирскаго юрта на Иртышѣ называетъ и Сибирью, и преимущественно Искеромъ. Такого города на Иртышѣ вовсе не существовало. Былъ городъ Искаръ, но не на Иртышѣ, а на Сосвѣ, въ 120 верстахъ отъ города Ювля, лежавшаго въ верхнихъ рѣки Сосвы, и верстахъ въ 300 отъ устья Сосвы, но это былъ городъ не татарскій, а именно югрскій, то-есть вогульскій, какъ видно изъ того, что предки наши понимали подъ Югрою. Но такъ-какъ собственно «Ис-каръ», по толкованію знатока татарскаго языка, означаетъ вообще всякое старое городище (24), то развѣ только въ этомъ смыслѣ мы и можемъ принять названіе города Сибири, замѣнившее, можетъ-быть, встрѣчающееся у Герберштейна названіе Иерома.

По соображенію сказаній лѣтописцевъ о Сибирскомъ Царствѣ мы можемъ вывести заключеніе, что самыя обширныя границы сибирскаго юрта были на сѣверъ—устье Конды, впадающей въ Обь, на западъ—верховья Конды, Тавды, Туры, Тагила, Ницы, Пышмы и Исети, на югъ—лѣвый берегъ Ишима, а на востокъ—Иртышъ. Южнѣе Ишима шла Верхняя-Земля (вверхъ по Иртышу), но отъ кого находилась она въ непосредственной зависимости—отъ Сибири или отъ Ногаевъ—положительно рѣшить трудно. Въ-послѣдствіи времени, сліявіе Сибири съ югомъ происходило незамѣтно и по овладѣніи нами до-иртышскою страной, мы находимъ иныя заиртышскія, барабинскія и около-обскія племена подъ вліяніемъ прежняго царя сибирскаго, а иныя подъ вліяніемъ Ногайцевъ. Надобно, однакожь, сказать, что «Книга Большому Чертежу» опредѣлительно обозначаетъ главные пункты собственно «Сибирскаго Царства».

Объ этой-то до-иртышской Сибири и о покореніи ея Русскими мы и будемъ здѣсь говорить, потому-что съ покореніемъ ея все, куда ни

(23) «Измаелитскимъ языкомъ обыкло нарицатися Царство само въ собѣ стоящее». — Сказанія князя Курбскаго. 1833 г. Ч. I стр. 41.

(24) «Историческое Обзорѣніе Сибири», Словцова, Ч. I, стр. XXIII.

двигалось русское народонаселение на северо-востокъ отъ Московіи — все было Сибирь, и еслибъ мы успѣли, то-есть захотѣли, распространиться далѣе и завладѣть Пекиномъ—то и Пекинъ былъ бы Сибирью, то-есть въ Сибири.

Природные, туземные жители до-иртышской страны, которую мы будемъ звать просто Сибирью (тѣмъ правильнѣе, что царь Иванъ-Грозный посылалъ русскихъ людей въ Азію провѣдывать государство *за Сибирью*, значить за определенной мѣстностью, и приказалъ имъ разузнавать о великой рѣкѣ Обя, о Мунгалахъ и о китайской землѣ), были Вогуличи и Остяки, идолопоклонники, или, какъ въ Сибири обыкновенно выражаются—были люди «камлѣрскаго-толка», съ тою разницею, что жрецы сѣверныхъ племенъ назывались «шаманами», а жрецы южныхъ, киргизскихъ племенъ — «камами» (25); жертвенныя дѣйствія первыхъ выражались глаголомъ «шаманить», а жертвенныя дѣйствія послѣднихъ — глаголомъ «камлѣть» и «камлѣрить»: отсюда и камлѣрскій-толкъ.

Прочіе, не аборигены, люди пришлые и обитавшіе въ этихъ мѣстахъ, были мухаммедане, Татары: тутъ были и Ногаи, и Киргизы, и Бухарцы, и другіе выходцы изъ Средней-Азіи, стремившіеся къ северу по двумъ направленіямъ—по Аму-Дарьѣ на Яикъ и по Иртышу.

Въ это время, то-есть, въ половинѣ XVI столѣтія, по Сибири сильно распространялось мухаммеданство, и въ-слѣдствіе этого-то распространенія становятся понятными встрѣчающіяся иногда въ старинныхъ грамматахъ выраженія, въ которыхъ одинъ и тотъ же человекъ, и человекъ съ значеніемъ, именуется то Вогуломъ, или Остякомъ, то Татаринкомъ. Такъ, на-примѣръ, извѣстный въ свое время Тувопча Кувандыковъ вездѣ именуется Остякомъ, а братъ его, еще-болѣе знаменитый — Епанча (Япанча) именуется то остяцкимъ головою, то татарскимъ княземъ, или просто—князцомъ и просто Татаринкомъ: это мы и доселѣ видимъ у себя—всякаго крещенаго въ православную вѣру мы зовемъ Русскимъ, а вѣрующій въ Мухаммеда, кто бы онъ ни былъ—просто Татаринъ.

Жители Сибири были и осѣдлые, и кочевые, и бродячіе На-примѣръ, отдѣльные юрты «епанчинъ», «неболсинъ», «аккаца» и нѣкоторые другіе были осѣдлые и имѣли пашни; другіе, менѣе цивилизованные, кочевали по берегамъ рѣкъ, перерѣзывавшихъ Сибирское Царство,—третьи безвыходно бродили по лѣсамъ и въ нихъ снискивали себѣ пропитаніе.

Сибирцы вообще вели жизнь, какую мы и нынѣ встрѣчаемъ въ племенахъ, которыя не доросли еще до европейскаго образованія; занятія ихъ ограничивались немвогымъ: они занимались ловлею пушныхъ звѣрей въ густыхъ рощахъ и тайгахъ; на тучныхъ степяхъ пасли свои стада; поля засѣвали хлѣбомъ и производили мѣну звѣриными шкурами съ сосѣдними народами, вѣроятно и съ нашими промышленниками, давнымъ-давно высланными въ Сибирь, съ меркантильными цѣлями, Зы-

(25) «Кам-камджу у Абульгазы, по словамъ Клапрота, были восточные Киргизы. (Sur quelques antiquités de la Sibirie, par Mr. Klapproth, Paris 1823) Болхвы нымѣшихъ при-алтайскихъ Телеутовъ и Камыковъ тоже называются «камами».

рявъ, которыхъ мы, при открытіи Сибири, встречаемъ въ ней осѣдыми жителями, и съ которыхъ въ 1594 году русскіе воеводы брали аманатовъ—«заклады». Еще въ половинѣ XVI столѣтія извѣстно было, что Татары по Тоболу пашни пашутъ плугами и сохами; но, не смотря на то, что Сибирцы обитали въ странѣ, богатой роскошными рѣками, мы не находимъ убѣдительныхъ доказательствъ, которыя показывали бы, что Татары знакомы съ искусствомъ плавать по рѣкамъ на судахъ: напротивъ еще все удостовѣряетъ насъ, что въ эпоху Ермака, имъ, какъ кажется, вовсе были незнакомы ни плоты, ни лодки, и долго уже спустя они научились строить ихъ отъ Русскихъ, но и тогда рѣчные суда не были у нихъ въ общемъ употребленіи. Съ одной стороны, оно и естественно: кочевой житель дорожить степью и при перекочевкѣ, по нуждѣ, какъ и теперь это дѣлается, переплываетъ рѣку на лошади: значить, рѣка ему не помѣха.

Официальное наше знакомство съ Сибирью относится къ 1555 году, когда одинъ изъ владѣтелей Сибири—Етигеръ (изъ сличенія ясачныхъ списковъ видно, что имя это произносилось—Етыгарь) прислалъ къ царю Ивану-Грозному своихъ пословъ поздравить его съ покореніемъ Царствъ Казанскаго и Астраханскаго и выразить желаніе, чтобъ мы утвердили спокойствіе и безопасность его земли (26). При этомъ прислалъ онъ въ дань, или, вѣрнѣе, въ дару—соболей и бѣлокъ.

Съ этого времени, Грозный сталъ именоваться повелителемъ Сибири (27).

Дару эту можно принимать или какъ настоящую дань, до чего Грозный и хотѣлъ довести Етигера, или только какъ поминки, какъ обычный подарокъ, какъ, по настоящему, и слѣдовало бы намъ смотреть на эту присылку.

Чтобъ увѣряться въ томъ, что подобныя присылки были въ обычай, оставляя въ сторонѣ то, къ чему онъ могли повести, мы приведемъ слѣдующія строки изъ интереснаго путешествія атамановъ и казаковъ Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева, которыхъ Грозный, въ 1567 году, посылалъ провѣдывать государствъ за Сибирью.

Разсказывая о своемъ путешествіи въ землѣ черныхъ и желтыхъ Мунгаловъ, они описываютъ прибытіе свое въ Китай и говорятъ, что въ бытность свою въ столицѣ китайскаго царства, они у самого царя не были «и царя не видали, потому, что не съ чѣмъ къ нему было «идти. И посольскій дьякъ сказывалъ: таковъ-де у насъ чинъ въ Китайской-Земли—безъ поминокъ передъ царя нашего не ходять. Хотя «бы-де вашъ государь послалъ къ нашему царю съ вами посланника—«ми что не великое: и то бы-де онъ принялъ за великій даръ. А нашъ «бы царь съ своими посланниками, къ вашему государю тако жъ бы «послалъ дары свои да и васъ бы, посланниковъ, пожаловалъ и очи

(26) Карамзинъ Т. VIII, гл. V.

(27) Hakluyt's Navigations, II, 235. Въ грамматѣ къ англійскому королю Эдуарду VI Грозный именованъ Commander of all Siberia. Карамзинъ относитъ это къ 1554 году: см. его II. Г. Р. Т. VIII, стр. 421.

«бы далъ свои видѣти. А нынѣ-де нашъ царь и дастъ вамъ граммату къ вашему государю-царю, а пословъ не пошлетъ... Не то-де дорого, что поминки: то-де дорого, что государь московскій царю нашему дару послалъ» (28).

Обычай этотъ всегда существовалъ у всѣхъ восточныхъ владѣтелей; достаточно вспомнить только посольство Спафарія въ Китай, гдѣ и наши подарки вздумали считать данью (29). Такой же обычай и у насъ могъ существовать и существовалъ дѣйствительно. А въ-отношеніи къ сибирскимъ владѣтелямъ намъ, какъ народу сильнѣйшему, и вельзи уже было считать эти дары иначе, какъ данью, хотя приношенія эти были ничтожныя и ограничивались лишь нѣсколькими сотнями дорогихъ шкуръ; даже и въ-послѣдствіи, когда царь выразилъ ясно свою

---

(28) Изъ Хронографа: «о Государствахъ за Сибирью». Также Карамзинъ. Т. IX, пр. 648.

Вотъ, напримѣръ, еще отрывокъ изъ грамматы жигатскихъ мурзъ, 1597 года:

.... Молитва и поклонъ во томъ мѣстѣ, гдѣ былъ царь. Не говорили есмь и не «мирился—и нынѣ къ мирному мѣсту пришли есмь. И мы съ кѣмъ ни станемъ «мириться—должно не станемъ говорить: впередъ Богомъ правду учнемъ говорить. «А нынѣ бѣ естя на насъ не побранили—легкой поминокъ послали есмь, сорокъ са- «болей.» (Собраніе государственныхъ грамматъ и договоровъ, часть II, № 64).

(29) Въ журналѣ, веденомъ въ Пекинѣ по случаю прибытія изъ Россіи посланника Николая Гавриловича Спафарія, граммату царя Алексѣя Михайловича Китайцы называли «докладомъ», а подарки, привезенные отъ него къ Богдохану—«данью».

Китайскіе министры представляли повелителю Средняго Царства, о нашемъ посольствѣ, слѣдующія рѣдкости и курьйозности, съ разрѣшенія нашего правительства въ-послѣдствіи времени и унасъ обнаругованныя:

Переводъ съ китайскаго.

«Россійскаго Бѣлаго-Царя государство—лежитъ отъ нашихъ владѣній къ сѣверному морю въ самой отдаленности, откуда изъ самой глубокой древности въ Среднее Царство никогда посольствъ не бывало.

«Нынѣ же, по особенному уваженію къ премудрому вашему величества правленію—ихъ государь прислалъ приближеннаго своего министра съ докладомъ и данію, что самое заслуживаетъ одобреніе» и проч.

(Резолюція Богдохана). «Все сіе, въ общемъ князей и министерствъ собраніи со всею подробностію разсмотрѣвъ, доложить намъ со справкою».

(Снова сдѣланъ былъ докладъ, въ которомъ между прочимъ значится):

«Россійскій Бѣлый-Царь, по чрезмѣрной отдаленности. прежде дани никогда не прислалъ.

«Нынѣ же, преклонившись къ мудрости вашего величества, въ первый разъ, чрезъ своего министра, доставилъ оную.

«И потому, для одобренія сего слѣдуетъ послать къ нему указъ, и когда на сіе воспослѣдуетъ высочайшее вашего величества соизволеніе, то изготовленіе оного предоставить сенату.

(Резолюція Богдохана). «Поступить по докладу.»

(Далѣе на вопросъ о посланникахъ сказано):

«Бѣлый-Царь хотя чрезъ посланника своего и прислалъ дань, но такковыя привозы дани не утвердительны. Если же впередъ ежегодно оную присылать будетъ, тогда съ нашей стороны должно ли будетъ послать посланника, или нѣтъ?—Управляющій ихъ дѣлами, Монгольскій Трибуналъ, по разсмотрѣніи, долгъ имѣть войти съ докладомъ.»

(См. Сибирскій Вѣстникъ 1823 года, часть II.)

волю брать дань, а не подарок, то и тогда дань эта не превышала тысячи штук соборлей. Напротивъ того, при покореніи Сибири, когда Сибирь сдѣлалась настоящею данницею, дань эта опредѣлена болѣе чѣмъ въ миллионъ шкурокъ.

Грозный не упускалъ Сибири изъ виду и положилъ твердое намѣреніе крѣпко держать ее въ своей могучей рукѣ.

Такъ, на примѣръ, въ 1557 году, «отъ сибирскаго князя Едигеря пріиде посолъ ко царю и великому князю. И дань привезе; — но не исполнену: и того ради государь на сибирскаго посла опалу свою возложи и все пивніе его повелѣлъ взяти на себя; въ Сибирь же посла своего «посланника съ писаніемъ, яко да исправятся предъ нимъ. И привезоша «дань исполнену со всея земли сибирскія—и во вѣки поработишася» (30).

Въ слѣдующемъ же году, Едигерь «учинилъ себя въ холоцствѣ» царю и великому князю всея Руси.

Вскорѣ послѣ этого въ Москву прибыли три посланца. Всѣ они были изъ Сибири: Чибичень отъ сибирскаго князя Едигера, Маминшихъ отъ сибирскаго царевича Муртазы, и Тагикинъ отъ царевича Ахметъ-Кирей. Всѣ они, по случаю стычекъ кочеваго племени, подъ предводительствомъ узбека Кучума съ юртомъ Едигера, и въ слѣдствіе того остановки дани нашему царю—были задержаны въ Москвѣ и не отпушены въ обратный путь.

Это обстоятельство заставило владѣтеля одной ногайской орды ходатайствовать передъ царемъ объ ихъ выпускѣ. «Между мною и сибирскимъ царемъ» писалъ преемникъ Измаила: «ходятъ люди въстовые и ты бы Маминшиха и Тагикина-батыра, пріѣхавшихъ къ тебѣ изъ Сибири, отпустилъ: они люди мои, изъ Тюркмен-Улуса, а сибирскій посланецъ Тагикинъ въ Сибири былъ мнѣ другомъ».

Но царь, посылая къ ногайскому князю посланца, велѣлъ ему объяснить, что сибирскій царевичъ Муртаза — вздѣлалъ данникамъ нашимъ множество обидъ, и поэтому Маминшиха и Тагикина отпустить непри-

(30) «7063 году мѣсяца ноября пришелъ изъ Сибири Митька Куровъ, посолъ царя и великаго князя, и съ нимъ пришелъ отъ Едигера, князя сибирскаго, посолъ Боявда, а привезъ царю и великому князю дань — семьсотъ соборлей, а обыснкой (объ оной) дани писалъ Едигерь князю и вся земля сибирская, что ихъ воевалъ шибавскій царевичъ, и людей поималъ многихъ. А Митька Куровъ сказывалъ, что имъ было возможно сполна дань прислать, да не похотѣлъ. И царь и великій князь на сибирскаго посла опалу положили, велѣвъ его животы поимать, а ему за сторожи сидѣть, а въ Сибирь послали служилаго Татарина съ грамотою, чтобы ея во всемъ предъ нимъ государемъ исправилъ».

«7066 году пріѣхали изъ Сибири царя и великаго князя служилые татарова — Деваетъ Козя да Сабаня Рязановъ, а съ ними Едигеря князя посланники Истемиръ съ товарищи, и привезли дань сибирскія земли сполна; тысячу соборлей, да дорожною пошланы сто соборлей, да 69 соборлей за бѣлку, да грамоту шерстную привезли со князю печатью, что ся учинилъ князь въ холоцствѣ, а дань на всю свою землю положили впредь ежегодно безпереводно царю и великому князю со всея сибирской земли давать. И царь и великій князь посла его Боявду выпустили, и очи свои далъ (видѣти), и пожаловалъ—отпустилъ, а съ нимъ послалъ служивыхъ Тетаръ по дань въ передній годъ. (Миллеръ стр. 73).

гоже; но еще прежде того въ грамматъ къ нему царь писалъ: «Твоей дочери, жены сибирскаго князя, и сына ея не отпустилъ къ тебѣ для того, что зять твой, сидя въ Сибири на нашемъ юртѣ, не дастъ дани, за что я ему хочу мстить и достунать тотъ юртъ, дабы послѣ надѣлать имъ твоего внука. На сей разъ я не отпустилъ къ тебѣ Сибирянина Тагакниа, потому-что онъ пришелъ ко мнѣ изъ Сибири, въ посылствѣ отъ царевича Ахметъ-Кирея» (31).

Въ этихъ выраженіяхъ мы видимъ новое доказательство, что Иванъ Грозный, покоривъ Царство Казанское, твердо хотѣлъ и дальній востокъ держать въ покорности и заставить тамошнихъ владѣтелей признавать его верховную волю.

Что касается до третьяго етигерова посланца, Чибиченя, то онъ былъ отпущенъ въ 1563 году, и именно 16-го сентября, вѣроятно, въ то время, когда до Москвы дошло извѣстіе, что сынъ Муртазы, сдѣлался царемъ сибирскимъ (32).

Объ этомъ событіи лѣтописецъ нашъ, Савва Есиповъ, разсказываетъ коротко въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Приде стенью изъ казачей орды царь Кучумъ, Муртазѣевъ сынъ, со многими воинскими людьми. И доиде до града Сибири, и градъ Сибирь взя, князей же «Етигера и Бекбулата уби и прозвася—сибирскій царь. И мнози языцы «повинны себѣ сотвори. Царь же Кучумъ царствова въ Сибири лѣта «довольно во изобиліи и радости и веселіи мнозѣ, дани и оброки со «многихъ языкъ имаше, даже до лѣта повельніа Господня, въ ня же «Богъ восхотѣ царство его разрушити и предати православнымъ христіаномъ».

Кучумъ, котораго потомство представляетъ себѣ сначала удалимъ и счастливымъ наѣзникомъ, а потомъ хилымъ, слѣпымъ, несчастнымъ старикомъ-скитальцемъ, происходилъ, какъ можно предполагать, изъ

(31) Ист. Обзор. Сиб. Словцова, Т. I стр. XVIII и XIX. По изысканіямъ Миллера, Ахметъ-Кирей былъ старшій сынъ Муртазы, братъ Кучума; онъ въ послѣдствіи убитъ былъ бухарскими посланцами. (Миллеръ стр. 57).

Изъ этихъ отрывковъ можно заключить, что Сибирью тогда называли 1) всѣ татарскіе племена за Ураломъ, и 2) собственно Етигеровъ-юртъ.

(32) «1563 сент. въ 16, отпустилъ царь и великій князь Едигерова посла Чибиченя по измаилеву челобитью. Пришелъ онъ изъ Сибири съ данію и задержавъ потому: послѣ его приходу сибирскіе люди царю и великому князю измѣнили, дани государевымъ данщикамъ давать не учали и взяли къ себѣ на Сибирь царевича Едигера князя: *государскаго данщика Едигеръ—царевичъ казанскій убилъ*» (Каразинъ Т. IX. примѣч. 237). Такъ-какъ здѣсь не можетъ быть рѣчи о плѣнномъ казанскомъ царѣ Едигерѣ же, проживавшемъ въ Россіи и извѣстномъ подъ именемъ Симеона, великаго князя тверскаго, то ясно, что послѣднія слова выписки совершенно перевернуты. Ближе къ истинѣ будетъ, если мы станемъ читать такимъ образомъ: «Сибирскіе люди... измѣнили, дани... давать не учали и взяли къ себѣ на Сибирь другаго царевича: *Едигера князя, государскаго данщика, Кучумъ царевичъ казанскій убилъ.*» Можно указать множество примѣровъ тому, что простоватые переписчики лѣтописей, вмѣсто казанскій пишутъ — казанскій, а вмѣсто казакъ, множ. казацы, пишутъ—казанцы. (Ср. Акты Историч. Т. I № 179—рѣчи князя Никиты Ромодановскаго. См. ниже примѣч. 35).

племени Ногаевъ, и именно изъ той ихъ орды, которая извѣстна была подъ именемъ Алтаумской. Орда эта кочевала около Арала и была въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Хивой и Бухарой. Заведя родственныя связи съ разными предводителями ногайскихъ ордъ (33), Кучумъ зналъ отъ нихъ о русскомъ Бѣломъ Царѣ, еще подробнѣе узналъ объ немъ въ Сибири, но, окончивъ свои перекочевки овладѣніемъ сибирскаго юрта, онъ увлекся, можетъ-быть, легкою побѣдою, не захотѣлъ слѣдовать примѣру Етигера и не думалъ посылать къ Бѣлому Царю своей дани...

Въ 1569 году, въ московской тюрьмѣ сидѣлъ Татаринъ изъ Сибири, по имени Анса. Кто онъ былъ такой, когда онъ явился въ Москву, какъ попалъ въ тюрьму — мы не знаемъ. Достоверно, однакожь, извѣстно, что Грозный обратилъ на Ансу свои милостивые взоры, повелѣлъ его отпустить на родину, довести его на казенный счетъ до Перми, съ тѣмъ, чтобъ воевода тамошній, князь Никита Ромодановскій, принявъ мѣры переслать его въ Сибирь немедленно.

При отъездѣ Ансы изъ Москвы, въ мартѣ 1569 года, ему вручена грамота для передачи ея новому властителю Сибири.

Грамота эта до насъ не дошла; но отрывокъ ея сохранился въ старинной книгѣ, названной «Титулярникомъ», вмѣстѣ съ отрывками другихъ грамотъ; изъ двухъ посольствъ Кучума въ немъ составлена общая выписка, которая въ томъ же видѣ, въ какомъ она помѣщена въ «Титулярникѣ», перепечатана потомъ у Карамзина и во второмъ томѣ «Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ» (34). Изъ этой выписки, составленіе которой должно отнести къ гораздо — позднѣйшему времени, чѣмъ упоминаемые въ ней документы, видно, что Иванъ Грозный напоминалъ, въ своей грамотѣ 1569 года, сибирскому сосѣду о его обязанностяхъ такими словами: «Прежъ сего сибирскій «Етигеръ князь на насъ смотрѣлъ, и съ сибирскіе земли, со всеѣ, «на всякъ годъ дань къ намъ присылалъ»... Что дальше было сказано — неизвѣстно.

Въ это время между нами и Сибирью все было спокойно. Бывшій до 1570 года въ Перми князь Ромодановскій свидѣтельствовалъ, что во все время пребыванія его въ тѣхъ мѣстахъ, измѣ отъ сибирскихъ людей «задору никотораго не было», только однажды они увели съ Чу-совой (но въ которомъ именно году, неизвѣстно) трехъ Пермязковъ,

(33) Кучумъ сына женилъ своего Адея на дочери ногайскаго владѣтеля Тинь-Ахмета, а дочь выдалъ за ногайскаго же владѣтеля Акъ-Мирзу, или Икъ-Мирау (Карамзинъ Т. IX прим. 638 и Словоцовъ Ч. I стр. XVIII); въ концѣ своей горькой жизни Кучумъ все надежды свои полагаетъ на Ногаевъ и Бухаръ (Карамзинъ Т. XI прим. 21 и Акты Истор. Т. II № 5); одинъ изъ взятыхъ Русскими въ плѣнъ сыновей его, Махметъ-Кулъ, состоя въ русской службѣ, звался не по отчеству, не Кучумовичемъ, а Алтауловичемъ, можетъ-быть, въ память того рода Ногаевъ, къ которому онъ принадлежалъ. Во многихъ мѣстахъ Махметъ-Кула называютъ братомъ Кучума, по другой сынъ Кучума, Абдуль-Ханръ, называетъ Махметъ-Кула своимъ братомъ. (Собр. Госуд. Грам. и договоровъ Т. II № 67). См. также прим. 82.

(34) См. ниже примѣч. 36, равно Акты Историческіе Т. I. № 179.

Ивашку Поздѣева съ двумя товарищами. Ивашко Поздѣевъ былъ въ самой Сибири, у Егигера. Въ разговорахъ и бесѣдѣ съ Ивашкой, сибирскій салтанъ сказывалъ ему, что онъ собираетъ дань Бѣлому Царю, хочетъ послать къ нему пословъ, говорилъ также, что для него настало плохое время: война у него съ казацкимъ (кайсакскимъ) царемъ. «Одолветъ меня царь козацкой! Сядетъ онъ на Сибирь!.. да вамъ все равно—вамъ онъ тоже будетъ дань присылать».

Ровно черезъ годъ послѣ отправления въ Сибирь Татарина Аисы, именно 17 марта 1570 года, прѣхалъ въ Москву изъ Перми князь Микита Ромодановскій и привезъ съ собою татарскую грамоту, о которой объявилъ, что ее доставилъ къ нему 6 декабря 1569 года Вогуметинъ изъ Пельма, съ рьки Конды, Ивака Ивакинъ сынъ и сказалъ только, «что тоѣ грамоту дали ему изъ Сибири».

Царя въ это время не было въ Москвѣ: онъ жилъ въ слободѣ Александровской.

Князь Ромодановскій передалъ грамоту въ Боярскую Думу. Бояре перевели грамоту на русскій языкъ, увидѣли, что это грамота отъ Кучума, навели справки въ дѣлахъ и всѣ эти бумаги, вмѣстѣ съ изложеніемъ приведенныхъ выше рѣчей, 21 марта 1570 года отравили къ царю въ слободу при слѣдующей отвѣскѣ:

«Господарю царю и великому князю Ивану Васильевичу, всея Русіи —

«Холопи твои Иванецъ Бѣлскій, да Иванецъ Мстиславскій, да Михалецъ Воротынскій, и всѣ бояре, челомъ бьютъ!

«По твоему Государеву приказу отъ тебя господаря отпущенъ съ Москвы, изъ тюрьмы, сибирскій Татаринъ Аиса въ Сибирь, къ сибирскому царю съ грамотою, въ семьдесятъ седьмомъ году въ мартъ мѣсяцъ; а вельно его изъ Перми отпустить князю Микитѣ Ромодановскому.....

«И привезъ, господарь, изъ Перми князь Микита Ромодановскій грамоту сибирскаго царя татарскимъ письмомъ, и что, господарь, Микита рѣчию сказывалъ—и мы рѣчи тѣ, написавъ на списокъ, и съ сибирскіе грамоты переводъ, послали къ тебѣ, господарю».

Грозный прочелъ всѣ бумаги и отвѣчалъ:

«Бояромъ нашимъ князю Ивану Дмитріевичю Бѣльскому, да князю Ивану Фѣдоровичю Мстиславскому, да князю Михаилу Ивановичю Воротынскому, и всемъ нашимъ бояромъ.

«Писали еста къ намъ, про спросъ князя Микиты Ромодановскаго, и переводъ съ грамоты сибирскаго царя къ намъ прислали.

«И намъ тѣ вѣсти вѣдомы.

«И вы бѣ о томъ поговорили:

«пригоже ли намъ съ сибирскимъ царемъ о томъ ссылатись?

«и почему въ Сибирь Татаринъ къ царю отпущенъ?

«и что съ нимъ писано?

«и въ которомъ году отпущенъ?

«Да что ваша будетъ мысль—и вы бѣ приговоръ свой къ намъ отпсали, да и грамоты, (которыя) посланы отъ насъ къ царю сибир-

скому (съ) Татаринномъ Аисою прислали къ намъ, не мѣшкая часа того.

«Писано въ слободѣ лѣта 7078...» (безъ сомнѣнія, въ мартъ же мѣсяцъ; иначе царь не торопилъ бы бояръ, приказавъ имъ не мѣшкать ни часа).

Въроятно, бояре поняли мысль государя, что при такой граматѣ ссылатся съ сибирскимъ царемъ нашему царю не пригоже — и дѣло до 1571 года оставалось, по-видимому, въ забвеніи.

Граммата, которую Кучумъ въ 1569 году прислалъ къ Ивану Грозному, имѣла цѣлю мирныя условія и дружественное расположеніе, но по духу, которымъ она проникнута, по манеръ изложенія обстоятельствъ дѣла, и по разнымъ особенностямъ она такъ странна и такъ резко очерчиваетъ степнаго Киргиза, превратившагося въ сабирскаго царя, что мы не можемъ не привести ее здѣсь для лучшаго уясненія дѣла, подлинникомъ и, разумѣется, безъ измѣненій. Вотъ она отъ слова до слова:

«Богъ богатъ!

«Вольный человекъ Кучумъ—царь, великій Князь—Бѣлый-Царь.

«Слыхали есмя... еси и справедливъ. Мы, и весь народъ,—земли воюютца, а не учнутъ воеватца—и онъ миратца. Съ нашимъ отцомъ твой (отецъ) гораздо помирився и гости на обѣ стороны ход(или), потому что земля твоя близка. Люди наши въ упокоѣ были, а между ихъ лиха не было, а люд... въ упокоѣ въ добръ жили. И нынѣ, при нашемъ и при твоёмъ времени, люди черыые не въ упокоѣ.

«А по ся мѣста граматы къ тебѣ не посылаю есми, потому что съ некоторымъ намъ война была, и мы того недруга взяли. И нынѣ похощъ миру—и мы помиримся, а похощъ воеватися—и мы воюемся. Цяти, шти человекъ въ поймань (аманатахъ) держать: земля въ томъ что?

«Язъ пошлю посла и гостей, да гораздо помиримся — только похощъ съ нами миру. И ты изъ тѣхъ людей одного, которые въ воймань сидятъ (можетъ быть, Кучумъ разумѣлъ подъ ними Тагикина и Мамин-шаха), отпусти и своего человека съ ними къ намъ пришли гондомъ.

«Съ кѣмъ отецъ чей былъ въ недружбѣ, съ тѣмъ и сыну его въ недружбѣ жъ быти пригоже. Будетъ въ дружбѣ бывалъ—ино въ дружбѣ и быти! Кого отецъ обрвалъ сего дру(га) и брата—сыну съ тѣмъ въ недружбѣ быти ли И нынѣ... помиримся, братомъ старѣшимъ... чимъ учвинимся въ отечествъ...ствѣ—только похощъ миру!

«И ты наборзе къ намъ гонца пришли.

«Моля съ поклономъ грамату послалъ». (35).

(35) Собрание Госуд. Грамматъ и Договоровъ Т. II № 42. Въ сокращеніи граммата эта приведена у Карамзина Т. IX, пр. 257. Объ отпискахъ бояръ и царя см. Акты Истор. Т. I № 179. Мы въ нихъ прибавили два слова, исчезнувшія отъ времени: отсутствие ихъ было обозначено точками.

Сверхъ помѣщенныхъ въ текстъ подлинникомъ отписки бояръ и грамматы Кучума, прилагаемъ и слѣдующую выписку рѣчей князя Ромодановскаго, тоже въ подлинникѣ:

«Лѣта 7088 Марта 17 сію грамату Сибирскаго царя Кучума привезъ изъ Перми

Въ предѣлахъ, смежныхъ съ юртомъ сибирскимъ, обитали бродячія племена тѣхъ же народцевъ, отдѣльные роды которыхъ, по-сю-сторону Урала, находились уже въ покорности русскимъ властямъ въ чемъ насъ еще болѣе убѣдять въ-послѣдствіи строгагоновскія граматы. Кучумъ, распространяя мухаммеданство («законъ же царя Кучума — Махмета проклятово!» говорятъ лѣтописцы), а вмѣстѣ съ тѣмъ и свое вліяніе далѣе къ сѣверу и западу отъ Иртыша, подчинилъ себя соседнихъ намъ Югричей, Остяковъ и Вогулочъ; а такъ-какъ въ одну категорію съ ними легко могли попасть нѣкоторые изъ дѣйствительныхъ нашихъ данниковъ, что, можетъ-быть, и было причиною бунта Черемисы, которой сибирскіе люди помогали, то эта пуганица дѣлъ, оставка въ обычной податѣ, страхъ мести и особенное желаніе мира заставили Кучума разсмотрѣть ближе свое положеніе и заискать себя благоволеніе русскаго государя.

Вотъ что, по нашему мнѣнію, было поводомъ къ приведенной выше грамотѣ Кучума—дикой, конечно, для нашихъ современныхъ понятій, но достаточно-убѣдительною по понятіямъ Киргиза.

Кучумъ сдержалъ свое слово, и въ 1571 году въ Москвѣ явился отъ него посолъ Тамась, въ сопровожденіи того же Ансы, въ официальномъ званіи гонца, которому Москва была уже знакома. Они привезли съ собою вторую грамоту отъ Кучума.

Обстоятельство это подамо царю Ивану IV поводъ ясно выразить желаніе свое взять Сибирь сначала только подъ свое покровительство, или, какъ выражено въ актѣ — «подъ свою высокую руку и обереганье», а

князь Микита Ромодановскій, а сказалъ, что пріѣхалъ онъ изъ Перми по государевѣ грамотѣ, а тою грамоту привезъ къ нему Гогулетинъ изъ Конды, Ивака, Ивакинъ сынъ, съ Пельма, о Николинѣ-дни осеннемъ. — А ему Ивакѣ, сказалъ (Микита), тоѣ грамоту дади изъ Сибири.

«А которой Татаринъ сибирской Анса присланъ отъ государя въ Пермь, ко князю Микитѣ съ грамотою, а велѣно его отпустить въ Сибирь,—и того Татарина привезъ Сѣрой Дубровинъ въ Пермь, Юля 3-го, и князь Микита, сказываетъ,—того Татарина отпустилъ въ Сибирь тогда жъ.

«А какъ князь Микита жилъ въ Перми—и при немъ, сказываетъ, отъ сибирскихъ людей задору ни котораго не было.

«А взяли было сибирскіе люди на Чусовой, *послѣ Ильина дни*, трехъ Пермяковъ, Ивашка Поздѣва съ товарищи, и былъ Ивашко у царя *въ Сибири* дѣнь съ десять и отпустилъ его на подводахъ до Перми, а дву товарищевъ его оставилъ, а хотѣлъ и тѣхъ отпустить; а обиди, сказалъ (Поздѣвъ), не учинилъ нѣкоторые, а говорилъ,—сказываетъ (Поздѣвъ), ему *царь*: нынѣ-деи даиъ сбираю господарю вашему царю и великому князю; послѣвъ пошлою; а нынѣча-деи мнѣ война съ казацкими царемъ; и одолѣть-деи меня царь-казацкой; и сядеть на Сибири;—ипо и тотъ господарю даиъ учеть же давати.»

Мы не знаемъ вѣрное, съ котораго именно времени князь Ромодановскій жилъ въ Перми, и въ которомъ именно году сибирскіе люди заповолили-было Ивашку Поздѣва. Но несомнѣнно, что здѣсь сибирскимъ царемъ называютъ Етигера, а казацкимъ царемъ—Кучума.

Если Кучумъ окончательно овладѣлъ городомъ Сибирью около Николина-дни, 1569 года, то онъ властвовалъ въ ней 12 лѣтъ, а считалъ себя сибирскимъ царемъ почти 30 лѣтъ.

(См. также примѣчаніе 32).

потомъ уже подвести ее подъ совершенное подданство. Весь процессъ пріема пословъ и стипски къ Кучуму проливаютъ яркій свѣтъ на умную политику царя Ивана. Цѣль Грознаго была та, чтобъ безъ высылки вояцтва, безъ большихъ жертвовацій — обезпечить себѣ подчиненность Сибири формальнымъ договоромъ, съ тѣмъ, чтобъ Сибирь, на первый разъ, признала себя страной покровительствуемою, обложенною легкимъ приношеніемъ, или данію «по прежнимъ примѣрамъ» в обязанію намъ въ вѣрности шергною, то-есть, присяжною записью, на которую стеченіе обстоятельствъ вынуждало Кучума. Дипломаты наши предоставляли будущему времени докончить дѣло, которому положено умно-разсчитанное начало.

Второй кучумовой грамоты мы въ подлинникъ не имѣемъ и сво-ва должны обратиться къ указанной уже нами выпискѣ изъ «Титулярника» для того, чтобъ и читателей нашихъ избавить отъ излишнихъ, въ къ чему не ведущихъ распространеній, да и самихъ-себя не поставить въ необходимость не такъ передать весь колоритъ слѣдующихъ подробностей о содержаніи заготовленныхъ къ подписи Кучума бумагъ (36).

«А се начало писано отъ Кучума ко царю и великому князю съ словомъ его Тамасомъ да съ гонцомъ Ансою ꙗ (7080—1571) году:

«Крестьянскому Бѣлому Царю и великому князю всеа Русіи».

«Да на полъ: «Кучюмъ - Богатырь, царь, — слово ваше».

да: «послалъ о томъ, чтобъ его царь и великій князь взялъ въ свои «руки, а дань, со всеи сибирскіе земля ималъ по прежнему обычаю».

«А на свершенье у грамоты написано: «писано съ пишаномъ»; — а лѣта не написано.

«И царь и великій князь сибирского царя грамоты и его челобитье выслушалъ и подъ свою руку его и обереганье принималъ и дань на него положилъ на годъ тысячу соболей, да посланнику государьскому, который по дань пріедеть—тысячу бѣлокъ. Да и грамоты и записи тому пописаны. А къ Кучюму царю, съ жалованною грамотою, послалъ государь своего сына боярского, Третьяка Чабукова, и запись, какову написали посолъ Тамась да гонецъ Анса и шерть по ней училили, покрѣпити, да и дань у Кучюма царя взяти.

«А се начало въ государевъ грамотъ:

«Всемогущаго, безначальнаго Бога неизрѣченнымъ милосердіемъ крестьянскаго закона единъ праный царь и великій князь.... Сибирскіе земли начальнику, Кучюму-царю, милостивое слово любовнымъ жалованьемъ и доброю мыслію великое защищенье и богособные нашіе вла-

(36) Собр. Госуд. Грам. и Догов. Т. II № 45 и Карамзинъ Т. IX, примѣч. 257. Карамзинъ говоритъ, что излагаемая здѣсь выписка помѣщена въ государственной книгѣ Московскаго Архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, № 3, л. 79—84. Разница въ томъ подлинной первой кучумовой грамоты и помѣщенной въ выпискѣ, отказъ пословъ приложить печати или сдѣлать подписи, и обіещаніе нашего посла—не всеялютъ сѣснаго убѣжденія, чтобъ прошеніе самого Кучума о взысканіи съ него дань было дѣйствительно выражено—такъ, какъ оно передается въ выпискѣ.

«есть всего твоего улуса людемъ безстрашное пребываніе и крѣпкое сло-
во то.....»

«А въ свершенъе писано:

«И того дня къ сему ярлыку на большое укрѣпленъе золотую свою
печать есмь приложилъ. Отъ созданія Адамля ³31 октября писанъ въ
«государства нашего дворъ града Москвы, а вашего лѣта 979 (годжры).

«А се начало въ записи шертной, которую написали посоль Тамасъ,
да гонецъ Авса, да и къ шерти на той записи приведены:

«Божимъ изволеніемъ и царя и великаго князя Ивана Васильевича
«всѣа Русіа жалованьемъ язъ Кучумъ посылалъ есмь своего посла, бю-
«чи челомъ по прежнимъ обычаемъ, да и тысячу соболей послалъ
«есми..... и посоль нашъ и гонецъ, благодаря Бога и царя и великаго
«князя жалованье—нашею душею, и всѣхъ нашихъ добрыхъ людей ду-
«шею, и всѣхъ чорныхъ людей душею — царю и великому князю ро-
«ту крѣпкую и шерть дали на сей записи».

«А свершеніе въ записи:

«Язъ, Кучюмъ—царь, печать свою приложилъ, а лучшіе сибирскіе
«люди — руки свои приложили; и сю шертную запись писалъ Магмед-
«бакъ, Хозесповъ сынъ, лѣта 979».

«А въ приписи:

«А на томъ нѣ всемъ язъ, посоль Тамасъ да гонецъ Авса, за госу-
«даря своего Кучюма—царя и за всѣхъ его лучшихъ людей, и за всю
«землю сибирскую, крѣпко есмь шерть учинили на томъ: какъ будетъ
«у государя нашего посланникъ Третьякъ Чабуковъ — и Кучюму—царю
«и лучшимъ его людемъ на сей записи и на царевъ и великаго князя
«жаловальномъ ярлыкѣ—шерть учинити и печать своя къ сей записи го-
«сударю нашему Кучюму—царю приложити..... А печатей нашихъ, моеѣ
«Тамасовы и моеѣ Авсины и рукъ нашихъ у сей записи нѣтъ, потому
«что грамотъ и писати не умѣемъ».

«А въ рѣчи Третьяку велѣно отъ государя — Кучюму—царю поклонъ
«правити и рѣчь говорити по наказу.»

Но Кучумъ — убилъ Чабукова (37)...

Значитъ, дѣло приняло дурной оборотъ: Сибирь намъ не поддавалась.

Но тѣмъ не менѣе царю Ивану-Грозному, лично ему одному, при-
надлежала первая мысль укрѣпить за собою Сибирь средствами, нетре-
бовавшими огромныхъ пожертвованій. Тридцать лѣтъ эта мысль не по-
кидала его.

Здѣсь мы видѣли только одну сторону постепеннаго развитія этой мы-
сли; есть еще и другая сторона: тамъ мы тоже увидимъ, какъ стремился
Грозный къ своей цѣли — овладѣть Сибирью.

(37) Карамзинъ Т. X, прим. 35 и 37; Словцовъ Ч. I, стр. XX, Миллеръ, стр. 87.

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

Статья третья и последняя.

ГЛАВА VIII-Я.

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

Появленіе въ Сибѣри царевича Алей. — Занятіе Сибѣри княземъ Сей-
дякомъ. — Воевода Мансуровъ. — Враждебныя дѣйствія Остяковъ. —
Воевода Сукинъ. — Воевода Чулковъ. — Основаніе городовъ Тюмени и
Тобольска. — Тогдашнее положеніе воеводъ. — Вынужденныя мѣры. —
Званный оубдъ. — Пленъ враговъ Россіи. — Сибѣрь—русская провинція.—
Коло ни зація. — Остатки города Сибѣри.

«И Божіимъ милосердіемъ и государевымъ
счастіемъ — ста Сибѣрь подъ государскою вы-
сокою рукою до-вѣка, покаміста Богъ изволитъ
вселенній стоять.»

Отписка казаковъ.

Бѣгство казаковъ и стрѣльцовъ не могло оставаться тайною для Та-
таръ. Приверженцы Кучума торжествовали. Хотя Кучумъ и былъ живъ,
но теперь онъ не стоитъ уже на первомъ планѣ, а всюду является
старшій сынъ его, Алей; подъ его вѣдніемъ и владычествомъ находи-
лись всѣ татарскія волости вверхъ по Иртышу и послѣ по Барабинской-
Степи, и его, кажется, официальные документы того времени имену-
ють ногайскимъ мурзю, исчисляя племена, которыя не платили дани
московскому двору.

Алей безпрепятственно занялъ Сибѣрь.

Но задолго еще до прибытія въ Сибѣрь воеводы князя Болховскаго,
кажется, скоро послѣ плѣна Махмет-Кула, Кучумъ получилъ вѣсти,
что сынъ сверженнаго имъ Бекбулата, племянникъ Етигера, Сейдякъ,
укрывавшійся въ Бухарь, ищетъ случая отмстить Кучуму и возвра-
тить себѣ Сибѣрь, отцовское достояніе.

Во время гибели Ермака, Сейдякъ былъ уже на Иртышѣ. Какъ
онъ мстилъ Кучуму, и мстилъ ли дѣйствительно, объ этомъ лѣтописи
наши не говорятъ ничего, до самаго времени занятія Сибѣри Алеемъ.
Въ это лишь время, Сейдякъ появляется на сценѣ въ первый разъ и
всѣмъ за тѣмъ, опять на нѣсколько лѣтъ, скрывается со страницъ
старыхъ повѣствованій, чтобъ потомъ снова мелькнуть въ схваткѣ съ
Русскими, понасть къ нимъ въ плѣнъ и навсегда исчезнуть изъ памя-
ти народа.

Савва Есиповъ говорить о немъ только слѣдующее: «Слышавъ же князь Сейдякъ, бекбулатовъ сынъ, яко атаманъ Ермакъ съ товарищи «на перекѣпи убитъ быша, прочіе же бѣжаша изъ града, и яко облада градомъ царевичъ Алей, кучумовъ сынъ, и собрался со всемъ «домомъ своимъ и съ воинскими людьми, и приде ко граду Сибири, и «градъ взя и царевича Алея и прочихъ побѣди и изъ града изгна. При- «емлетъ же сей отчину отца своего Бекбулата и тако пребываша во «градъ».

Въ Москвѣ, новый царь ничего не звалъ. Но, сдѣлавъ приемъ Махмет-Кулу (который не засталъ уже въ живыхъ Грознаго) и наградивъ его вотчинами, Феодоръ Иоанновичъ, соображая, что въ Сибири ермаковыхъ казаковъ есть человекъ четыреста, да съ Болховскимъ пришло триста человекъ, послалъ въ Сибирь некое подкрѣпленіе изъ ста человекъ стрѣльцовъ; но этотъ отрядъ онъ усилить могучимъ двигателемъ: онъ послалъ съ ними пушку. Для Сибири это было новостью.

Воевода царскій, Иванъ Мансуровъ, прибылъ въ сибирскую сторону въ 1585 году. Проходя еще черезъ закамскую сторону, онъ ни въ Чердыни, ни у Строгоновыхъ ничего не слыхалъ о происшествіяхъ въ Сибири: ни Строгоновы, ни пермское правительство не подозрѣвали о горестныхъ утратахъ, тѣмъ менѣе имъ могла быть доступна мысль о всеобщемъ бѣгствѣ всехъ казаковъ, которыхъ численность въ 1584 году (если принять въ расчетъ морь отъ голода и болъзней, убійство дружинъ Кольца, Ермака и потерю въ битвѣ подъ Саусканомъ), вѣроятно, весьма-немногимъ уступала численности героевъ 1581 года.

Поэтому нисколько не можетъ казаться удивительнымъ, что Мансуровъ уже на берегахъ Иртыша узналъ о поступкѣ казаковъ, и что, устрашась многочисленности непріятелей по иртышскому берегу, благоразумно принявъ другое направленіе и, не сворачивая къ Сибири, пустился внизъ по Иртышу, достигъ Оби и только тутъ считалъ себя въ безопасности. Время было позднее, рѣка становилась. Мансуровъ вышелъ на берегъ и укрѣпился, то-есть, поставилъ городокъ, крѣпостцу—противъ иртышскаго устья. Онъ здѣсь рѣшился замоватъ съ горстью своихъ воиновъ. Мѣсто это въ Книгѣ Большому Чертежу названо «Городокъ Обскій-Большой», нынѣ «Самарово».

Здѣсь, въ Кодской-Земль, въ сибирской Югрь, Мансурова ожидала опасность отъ людей, отъ которыхъ онъ менѣе всего могъ ожидать враждебныхъ дѣйствій.

Уже прежде мы могли замѣтить, что Остяки были къ Русскимъ весьма расположены; если же, по обстоятельствамъ, имъ приходилось иногда, по неволѣ, бороться съ нами, то борьба эта бывала всегда вынуждена сильными противниками, и Остяки, при первомъ же удобномъ случаѣ, принимали нашу сторону. Теперь было не такъ.

Не успѣвъ Мансуровъ освоиться съ мѣстомъ, какъ многочисленныя, сравнительно съ нашимъ воиствомъ, остяцкія поколѣнія, обитавшія по берегамъ рѣкъ Иртыша и Оби, окружили со всехъ сторонъ русское зимовье, стараясь вытѣснить оттуда нашихъ небывалыхъ и нежданыхъ пришельцевъ и уничтожить ихъ. Дано было «сраженіе»; Русскіе не

уступали; они отбивались отъ Остяковъ цѣлый день сколько могли, и только ночь прекратила битву: дѣло кончилось ничѣмъ, хотя Остяки и разошлись.

На утро, враги снова явились. Чтобъ болѣе одушевиться храбростію, Остяки принесли своего идола, которому лѣтписцы даютъ имя «Славу-тей» или «Славу-тень», и стали приносить ему жертвы, моля о погубленіи Русскихъ. Мансурову пришла счастливая мысль грянуть изъ пушки, рева которой до-тѣхъ-поръ въ Сибири и не слыхивали. Онъ велѣлъ придѣлаться въ кумира, который былъ прислоненъ къ дереву. Выстрѣлъ грянулъ—Остяки были оглушены. Опомнившись отъ перваго искуса и не понимая сначала, откуда зимою громъ раздался, они бросились къ кумиру, но и кумиръ и дерево были раздроблены. Познавъ могущество русской огненной стрѣлы, Остяки, по словамъ лѣтписцевъ, увидѣли, что имъ не совладать съ нами: «сильнѣи убо сіи стрѣляти!» сказали они и разошлись по домамъ, признавъ себя данниками Руса (71). Князецъ остяцкій Лугуй самъ поѣхалъ къ бѣлому-царю въ Москву: онъ былъ первый добровольный данщикъ.

Добродѣтельный царь Ѳеодоръ «не опался», когда узналъ, что бѣглецы, Глуховъ и казаки, явились на Руси, бѣжавъ изъ Сибири: онъ ихъ

(71) Вѣроятно, слѣдствіемъ этого же событія была слѣдующая грамота, хранившаяся, по словамъ Миллера, «яко вѣкая святыня», у Остяковъ кунатовской волости, Березовскаго-Уѣзда Тобольской-Губерніи.

«Божіею милостію государь царь и великій князь Ѳеодоръ Ивановичъ всея Россіи, владимерскій, московскій, новгородскій, царь казанскій, царь астраханскій, государь цсковскій и великій князь смоленскій, тверской, югорскій, пермскій, вятскій, болгарскій и иныхъ, государь и великій князь Новгорода Низовскія-Земли, черниговскій, рязанскій, полотцкій, ростовскій, ярославскій, бѣлозерскій, инфляндскій, удорскій, обдорскій, кодинскій и обладатель всея Сибирскія-Земли и Великія-рѣки-Оби, и сѣверныя страны повелитель, и иныхъ многихъ земель государь.

«Пріѣхжалъ къ нашему царскому величеству, съ Великія-рѣки-Оби: Куновата города, да Ичмы города, да Липина городка, да Мункоса городка, да Ююла городка, да Березова городка,—Лугуй князь, чтобъ намъ его пожаловать: *тыяго его городковъ* нашимъ ратнымъ людямъ, которые нынѣ сидятъ въ городѣ въ нашемъ, на великой рѣкѣ на Оби, на усть Иртыша, *воевати* его, и племя его все, и его людей, которые въ тѣхъ, во шти городкахъ сидятъ — *не велѣли*, а *дань* бы нашу намъ съ него, съ тѣхъ его городковъ, велѣли *имати* съ Вымской-Земли по нашему жалованію приказнымъ людямъ, кому будетъ приказано.

«И мы Лугуй-князя съ-тѣми его городки пожаловали—*для того, что онъ къ намъ пріѣхалъ напередъ съязъ бити челомъ* — велѣли съ него имать, по нашему царскому жалованію, съ его городковъ, въ Вымской-Землѣ наши дани, на годъ по семи сороковъ соболей лучшихъ, и привозитъ ему дань ежегодъ на Вымь самому, или его братьѣ, или племянникомъ, по семи (сороковъ) соболей лучшихъ.

«И нашимъ *воеводамъ*, которые выѣзъ на усть Иртыша, на Оби, новый городокъ поставили, на Лугуй-князя, и на его городки — нашихъ ратныхъ людей не посылати, и воевати его не велѣти, и дани на немъ, и на его городкѣхъ, имати не велѣти, и *поминковъ*, и *посулковъ* съ нихъ не имати.

«А привезти ему дань впервые, на Вымь, къ приказному человѣку и къ пѣловальникамъ, ва срокъ, на Дмитріевъ-день лѣта 7096 году; а привезъ на два года дань, четырнадцатъ сороковъ, на десять-десять-пятой годъ, да на девять-десять-шестой годъ, и впредь въ два года привозити дань по тому же. А тѣми городки *кодомгати*,

прогналъ опять назадъ, назначилъ въ Сибирь еще воеводъ — Василія Суккина съ Иваномъ Маснымъ и, въ подкрѣпленіе ратниковъ Мансурова, послалъ 300 человекъ.

Воевода Суккинъ явился въ Сибирь вскорѣ послѣ Мансурова. Онъ постигалъ, что власть Руси въ сибирскомъ краѣ до-тѣхъ-поръ будетъ шатка и непрочна, пока Русскіе не осунутся въ немъ на твердой опорѣ, не построятъ городовъ, не населятъ ихъ по возможности и не укрѣпятъ ихъ пушками.

Правильной колонизаціи въ это время еще не могло быть, хотя мы скоро увидимъ правительственныя мѣры къ переселенію въ Сибирь хлѣбопашенныхъ крестьянскихъ семей; но Суккинъ, оцѣнивъ важность туринскаго осѣдлаго народонаселенія и притомъ не имѣя достаточныхъ силъ, не теропился идти къ занятому непріателемъ городу Сибири; онъ остановился на Турѣ, выбралъ для себя выгодное мѣстоположеніе (далеко еще до впаденія Туры въ Тоболъ), построилъ тутъ городокъ близъ стараго городища, «яже прежде былъ градъ Чингін», и далъ ему имя «Тюмень», названіе котораго и въ старыя годы было здѣсь знакомо въ этихъ мѣстахъ и около Камы на рѣкѣ Обвѣ (72).

Подробныхъ, точныхъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ этого воеводы мы не имѣемъ. Изъ этого не слѣдуетъ предполагать, что Суккинъ оставался въ бездѣйствіи: ему много было трудовъ и на Турѣ. Надо было уметь ладить дѣла съ Татарами, надо было уметь не возбудить ихъ неудовольствія и не подвинуть къ возстанію; надо было, при всемъ томъ, уметь оффиціальнымъ образомъ покорить ихъ владычеству московскаго двора, обязать ихъ данью, упрочить ихъ подданство и мѣшать Кучуму или Адею заводить съ ними связи.

Въ 1587 году является въ сибирской исторіи новый воевода, Давида Чулковъ (73). Онъ прибылъ въ Сибирь съ новою ратью въ пятьсотъ человекъ.

Чулковъ достигъ Иртыша и близъ города Сибири, при сліаніи Иртыша съ Тоболомъ, заложилъ крѣпостцу, городокъ, на мѣстѣ, гдѣ онъ могъ свободно повелѣвать по направленію трехъ рѣкъ, включая сюда

и подмога имъ тѣмъ давати, кого, межъ себя выбератъ, пошлютъ съ далью на Вымскую-Землю.

«А прочтала сеѣ нашу царскую грамату по всѣмъ нашимъ городомъ въ Сибирской-Землѣ и на Оби-на-Великой, отдавали ее назадъ.

«Дана сія жаловальная грамата въ царствующемъ нашемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міру 7094 (1586) году, августа мѣсяца.»

У грамматы привѣшана красная восковая печать, а на оборотѣ подписано: «Царь и Великій Князь Феодоръ Ивановичъ всея Россіи.»

По словамъ Миллера, Мансуровъ, по окончаніи зимы, возвратился съ Оби въ Москву. (Миллеръ, стр. 200, 202 и 209, и Собр. Госуд. Грам. и Догов., т. II, № 54.)

(72) См. примѣч. 20.

(73) Миллеръ (стр. 216) называетъ его только «письменнымъ головою», но Чулковъ былъ именно — воевода, хотя и не принадлежалъ къ сословію бояръ, какъ напримѣръ Болховской, Елецкій, Годуновъ или другіе. Ср. прим. 85.

же и Обь, низовья которой, при содѣйствіи князька Лугуя, не представляли намъ какихъ-нибудь особенныхъ затрудненій.

Въ летописяхъ нашихъ нѣтъ данныхъ, изъ которыхъ бы мы могли выводить заключеніе, что Чулковъ предпринималъ битвы съ Татарами, засѣвшими въ Сибири. Вѣроятнѣе предположить, что Чулковъ, следуя однажды навсегда принятой политикѣ нашихъ воеводъ распространять завоеванія не пролитіемъ крови, а мѣрами кроткими, старался жить въ мирѣ и согласіи съ весьма-близкими и весьма-опасными своими сосѣдями, да и самъ тихо и смирно жилъ въ новомъ городкѣ, названномъ имъ — Тобольскомъ (а не Иртышскомъ) именно потому, что это названіе, сокращенное изъ «Усть-Тобольска», какъ-вѣлья-лучше определяло положеніе этой крѣпостцы на Усть-Тоболь, или на устьѣ Тобола. (Тобольскъ стоитъ нынѣ на правомъ берегу Иртыша, въ двухъ верстахъ выше слиянія съ нимъ Тобола; но находящаяся нынѣ на самомъ устьѣ Тобола деревня «Монастырская» носитъ до-сихъ-поръ именованіе «Старого-Тобола».)

Припоминая себѣ житье-бытье нашихъ первыхъ воеводъ въ Сибири, мы очень жальемъ, что не можемъ представить читателямъ описанія великолѣпныхъ дворцовъ, торжественныхъ възводовъ, вкусныхъ пировъ, романтическихъ происшествій; роскошной природы, которыми бы наслаждались русскіе головы въ нашей Сибири по примѣру испанскихъ генераловъ въ Сибири американской. И летописцы наши скупы были на эти описанія, да и сама Сибирь мало представляла лзкомыхъ сторовъ въ этомъ отношеніи.

Города сибирскихъ князей были небольшія площадки земли, огражденные или природными укрѣпленіями, горами и утесами, или искусственными насыпями, буграми, стѣнами и земляными валами и рвами. Города Русскихъ были лачужки, землянки, иногда и избы, обнесенныя тыномъ и землянымъ валомъ. Природа была скупа, не разсыпала на сѣверъ даровъ, назначенныхъ только для юга: она давала необходимое—лѣса тогдашней Сибири богаты были дичью, птицею и зверемъ; въ сибирскихъ рѣкахъ вода слаще и пріятнѣе нашей невской воды; рыбы въ нихъ, особенно той, которою русскій человекъ дорожитъ — множество; но вотъ и все. Жизненные наслажденія были все наперечетъ: ѣда и питье; иное что-нибудь, кромѣ вина, зерна и охоты, и прилумать трудно! А женщины... конечно, Татарки и Остячки благовольны къ нашимъ красавцамъ, безъ романтичности не обходилось; но до романовъ ли было нашимъ героямъ, когда имъ, на каждомъ шагѣ, грозила опасность, то отъ природы, то отъ людей? Житье-бытье нашихъ воеводъ было плохое; удыль ихъ былъ и вѣчный трудъ, и вѣчная забота, и вѣчныя лишенія.

Таково было положеніе и Чулкова. Лада съ Сейдякомъ, все еще обладавшимъ Сибирью, Чулковъ понималъ, что одного непрочнаго мира и наружной тишины мало, что надо подумать о томъ, какъ бы избавиться отъ страшныхъ враговъ. Кажется, Сейдякъ значительно усилилъ свои средства: въ союзъ съ нимъ мы находимъ и Карачу, давно-бросившаго своего царя Кучума, и еще какого-то узбека казачьей

орды. Лятописи называютъ его царевичемъ Салтаномъ — и мы будемъ его звать тоже Салтаномъ. Намъ представляется теперь случай говорить про нихъ, но не можемъ приступить къ этому безъ слѣдующей маленькой оговорки.

Тамъ, гдѣ благосостояніе цѣлаго края требуетъ какихъ-нибудь сильныхъ мѣръ, средства — послѣднее дѣло, была бы благая цѣль достигнута: безъ жертвъ, вынуждаемыхъ иногда обстоятельствами, обойтись очень трудно, часто невозможно. При такомъ взглядѣ на вещи, если припомнимъ себѣ, что Русскіе смотрѣли на Татаръ, какъ на народъ «поганый» въ русскомъ значеніи этого слова, что эту «нѣхристь», по ихъ понятіямъ, не грѣхъ было искоренять чѣмъ и какъ ни попало; если мы вспомнимъ притомъ, съ какою злобою сами Татары дѣйствовали противъ казаковъ, съ какимъ коварствомъ они умерщвляли нашихъ ратниковъ; словомъ, если мы войдемъ въ тогдашнія обстоятельства, въ тогдашній образъ мыслей, — хоть и со вздохомъ, а должны будемъ одобрить, или, если не одобрить, то крайней-мѣрѣ не строго укорять въ чемъ-нибудь недобромъ воеводу Чулкова, которому въ этомъ случаѣ мы обязаны конечнымъ прекращеніемъ главныхъ и важныхъ смутъ въ Сибири и доставленіемъ царю неотъемлемого и крѣпкаго права назвать всю до-иртышскую страну своею отчиной, то-есть, государственнымъ достояніемъ Россіи, а вслѣдъ за тѣмъ и всю Сибирь признать русскою областью. Съ-этѣхъ-поръ намъ почти неужно было покорять — намъ нужно было только двигать; съ подвигомъ Чулкова у насъ враговъ не стало, намъ оставалось только пріобрѣтать союзниковъ и одною ласкою обращать ихъ въ нашихъ данниковъ. Такъ оно и было, съ весьма-рѣдкими, по-временамъ, исключеніями, когда казаки и воеводы сами забывались въ пылу горячихъ стремленій къ собственной наживѣ и забывали повеленіе «призывать тамошнихъ людей подъ государеву царскую высокую руку ласкою, а не жесточью».

Но обратимся къ Чулкову, къ его подвигу уничтоженія нашихъ враговъ, случившагосся, какъ кажется, по перенесеніи городка, на противоположный берегъ Иртыша.

Дѣло это, по свидѣтельству и разсказамъ большинства лѣтописей, происходило вотъ какимъ образомъ, весьма-оригинальнымъ и въроподобнымъ:

Въ непродолжительномъ времени по основаніи Тобольска, князь Сейдякъ, претендентъ на санъ повелителя Сибири, вмѣстѣ съ царевичемъ казачьей орды Салтаномъ и съ бывшимъ кучумовымъ Карачею, въ сопровожденіи пятисотъ человекъ Татаръ, вышли изъ Сибири и пошли къ Тобольску. Близъ Тобольска они остановились на полѣ, извѣстномъ подъ названіемъ «Княжій-Лугъ», показывая видъ, будто тѣшатъ себя ястребиною (крѣтеною) охотою.

Чулковъ узналъ объ этомъ; но, подозревая, что «умысль другой тутъ была», и что пятьсотъ Татаръ взяты Сейдякомъ на охоту не на однихъ птицъ, собралъ своихъ подчиненныхъ и разсказалъ имъ дѣло Посовѣтовавшихъ между собою, Чулковъ выслалъ къ Сейдяку сво-

ихъ людей и наказалъ имъ пригласить Сейдяка къ себѣ въ гости въ Тобольскъ, чтобъ сообща посовѣтоваться объ упроченіи мира. Приказъ его былъ исполненъ.

Сейдякъ, съ своей стороны, тоже посовѣтовавшись съ Салтаномъ и съ Карачею, рѣшился идти на зовъ Чулкова, но не одинъ, а вмѣстѣ съ ними, втроемъ, взявъ себѣ въ провозатыя сто человекъ изъ своей орды.

Чулковъ встрѣтилъ ихъ въ воротахъ, но, видя, что Татары вооружены, представилъ Сейдяку неумѣстность подобнаго наряда, велѣлъ снять съ себя оружіе; а такъ-какъ время было обѣденное, на столъ накрыто, то воевода и просилъ дорогихъ своихъ гостей откушать хлѣба-соли, чѣмъ Богъ послалъ.

Сейдякъ съ товарищами вступилъ въ городокъ безоружный и, втроемъ съ своими друзьями, вошелъ въ домъ Чулкова.

Кушайе было подано; хозяинъ съ тремя гостями сѣлъ за столъ и за обѣдомъ сталъ имъ толковать о мирныхъ условіяхъ.

Пропалъ ли у Сейдяка отъ условій Чулкова аппетитъ и ему было ужъ не до обѣда, или ему просто ѣсть не хотѣлось, только онъ въ ротъ куска не бралъ и сидѣлъ, крѣпко задумавшись.

— Чтѣ съ тобой сдѣлалось, князь, говорилъ Сейдяку воевода: — ни щешь, ни зпш моей хлѣба-соли? Ужъ не задумываешь ли чего недобраго?

— Ничего не задумываю: мнѣ просто ѣсть не хочется! отвѣчалъ Сейдякъ.

— Не мыслишь зла на насъ, не хочешь ѣсть, такъ пей вино. На, выпей на здоровье!

Сейдякъ принялъ чару, поднесъ ее къ губамъ, но сдѣлалъ глотокъ и—поперхнулся.

Чулковъ посмотрѣлъ на него пристально, въ мигъ сообразивъ правдивную причину подобнаго явленія (или, какъ говоритъ Савва Есиповъ «Богу же, обличающу ихъ зломыслие») и, передавая чару Салтану, сказалъ:

— Тутка ты теперь, выпей.

Салтанъ хватилъ неосторожно и тоже поперхнулся.

Сметливый Карача видѣлъ, что дѣло принимаетъ неловкій оборотъ: когда очередь дошла до него, онъ, чтобъ снять тѣнь подозрѣнія съ Чулкова, со страхомъ и трепетомъ схватился за чару; но, видно, и его грѣшная утроба не приняла православнаго напитка—и онъ поперхнулся!

Можетъ-быть, Чулкову въ-самомъ-дѣлѣ показалось страннымъ и подозрительнымъ такое, непонятное для простаго Русака, безсліе Татаръ, или все это дѣлалось по заранее-начертанному плану хитрымъ воеводой, только чарка вина сгубила Сибирь.

— А, такъ вы такъ-то! загремѣлъ воевода.—Такъ у васъ вотъ что на умѣ? предательство? измена?.. Самъ Богъ обличаетъ васъ въ сію минуту и передаетъ мнѣ въ руки за ваше нечестіе... Связать ихъ, поганыхъ! крикнулъ онъ, махнувъ рукой близстоящей стражѣ.

Казакъ бросился на певърныхъ изверговъ, обрадовавшись случаю—разнаго рода униженіями отплатить имъ за старыя неправды.

Несчастные, видя безпощадную гибель, кинулись въ окно. Они удачно, одинъ за другимъ, соскочили на землю и ударились—было бѣжать къ своимъ, но ловкіе казакъ настигли ихъ, перехватили поочередно, связали ихъ веревками и представили къ воеводѣ, а прочихъ, мелкій народъ, тутъ же положили на мѣсть.

Объ оставшихся въ полѣ четырехстахъ Татарахъ летопись говоритъ такъ: «таково страхованіе найде на сихъ, яко и въ градъ свой не возвратишася; слыша же въ градъ (Сибири) яко бѣжа—и тыи избѣгоша изъ града и никто же остаея во градъ» (74).

(74) Строгоновская Лѣтопись передаетъ это происшествіе, случившееся черезъ пять съ половиною лѣтъ послѣ перваго взятія Сибири Ермакомъ, совершенно въ другомъ видѣ.

Вотъ ея сказаніе:

Глава XXXIV. — «Государь.... прислалъ съ Москвы въ Сибирь воеводу Данилу Чулкова со многими воинскими людьми и со огненнымъ нарядомъ — и пришелъ въ Сибирскую-Землю. Слышано же бысть бусурменскимъ языкомъ въ Сибири приходъ его; татарове же сего убояшеся русскихъ вой много пришествія, избѣгоша изъ града своего, идѣже прежде сего бысть въ Сибири татарскій ихъ городокъ стольный, усть Тобола и Иртыша, иже именуемый Сибирь, — оставиша его пуста. Рустин же вой придоша и спдоша еъ немъ и утвердивше градъ крѣпко, идѣже нынѣ именуется богоспасаемый градъ Тобольскъ.»

Глава XXXV. — «Умысли же сей окаинный бусурменскій князь Сейдекъ съ сибирскими людьми собрати воинства множество себя и придетъ войною подъ городъ Тобольскъ, хотя его взяти и людей въ немъ побити — да не будутъ въ нашу землю селитися рустин люди! — и государевымъ воеводамъ сказася, что придетъ для торга, а людей своихъ воинскихъ поставилъ еъ укрыть и торговаша съ русскими людьми день и на утроя придетъ подъ городъ тайно приступомъ со всеми своими людьми и обляже градъ и нача къ нему приступати. Московити же люди и волости казацы, видѣвъ ихъ безудство и жестокий приступъ ко граду и послабша имъ приближитися къ стѣнамъ града и начаша по нимъ со града стрѣляти и многихъ побивша, а нивъ изъ града къ нимъ на вылазку вышедше, и многихъ побиваше бусурменъ и живыхъ яша и самого князя Сейдека на томъ бою ухватиша ранена. Они же, окаинни, бѣгству яшася и въ станы свои бѣжаша. Рустин же вой и до становъ ихъ за ними гнаша съкуе; они же оставиша станы своя и все свое богатство въ станѣхъ своихъ и сами едва утекоша. И на семъ бою волекій атаманъ Матвей Мещерякъ убиенъ бысть; и оттолѣ на всѣхъ сибирскій земли бусурменѣхъ бысть страхъ велии и всѣ татаровя, ближнии и дальнии не смѣяше къ государевымъ городомъ войною приходити.» (Строг. Лѣт. 1821, изд. г. Спасскаго, стр. 63.)

1) Слѣдя за направленіемъ ермаковыхъ походовъ, мы могли убѣдиться, что городъ Сибирь стоялъ на Иртышѣ, гораздо-выше соединенія съ нимъ Тобола: значить, Тобольскъ стоялъ вовсе не на томъ мѣстѣ, гдѣ была Сибирь, которой остатки доселѣ сущестуютъ.

2) До времени вѣрна Сейдяка Сибири была занята Татарами, и Русскіе ею не владѣли.

3) Надо имѣть слѣдную вѣру въ Строгоновскую Лѣтопись, чтобы согласиться, будто Сейдякъ успѣлъ обмануть нашихъ воиновъ и, неизвестно для какихъ причинъ, сумѣлъ притвориться кѣнцомъ. Но желательнѣе бы знать, гдѣ онъ могъ спрятать отъ нашей стражи все свое «войско», которое, вѣроятно, состояло не менѣе какъ изъ 500 человекъ. (Правда, что и Есиповская Лѣтопись тоже требуетъ безусловнаго вѣрованія, но тамъ, по-крайней-мѣрѣ, болѣе возможности логически понять весь ходъ

Городъ Сибирь опустѣлъ; Русскимъ онъ былъ не нуженъ; скоро онъ пришелъ въ совершенное забвеніе, и теперь даже память о немъ въ народѣ почти совсѣмъ исчезла.

Сейдякъ, Салтанъ и Карача въ то же время были отправлены въ Москву; вліяніе ихъ на мѣстныя племена было уничтожено; власть Русскихъ утверждена прочно; главнѣйшія препоны къ распространенію владычества нашего рухнули; сибирскій - юртъ канулъ въ вѣчность и царство сибирское было ужь русское царство.

Съ плѣнниками царь поступилъ милостиво; онъ не заставлялъ ихъ въ Москвѣ разыгрывать той роли, которую на нашихъ глазахъ разыгрывали предводители полудикихъ племенъ Африки во Франціи: сибирскихъ Абд-эль-Кадеровъ у насъ не сажали по крѣпостямъ и по тюрьмамъ. Государя Россіи принимали ихъ съ ласкою, утѣшали ихъ тоску по родинѣ своимъ милосердіемъ, заставляли ихъ забывать прежнюю, дикую свободу, награждая ихъ землями, богатыми помѣстьями, принимали ихъ въ службу, доверчиво приближали ихъ къ своей особѣ; но, падляя ихъ почестями, тогдашніе владыки Россіи не упускали случая пльзвать на нихъ гнѣвъ свой, когда плѣнники забывали ничтожность свою предъ новымъ властелиномъ.

Получивъ вѣсть, что теперь Сибирь вплоть до Иртыша и далѣе къ сѣверу по Оби—вся наша, новый царь уже не ограничивался видами на одни поклопы въ тысячу соболей и въ тысячу бѣлокъ: онъ обложилъ ее данью настоящею и повелѣлъ взимать съ нея въ годъ тысячу—тысячъ дорогихъ шкурокъ. Въ подданствѣ русскомъ, сверхъ занятыхъ мѣсть, считались тогда и Пелымское-Государство, и Иргизское-Государство, и Обь-Великая вся (т. е. сколько ее знали), и всѣ города обскіе, числомъ девяносто—четыре: такую важность справедливо придавали тогда утвержденію нашему въ Сибири и такъ твердо были убѣждены наши политики, что съ-этихъ-портъ, съ 1587 года, Сибирь была—вся наша (75). Восточная граница Россіи въ то время очертилась ли-

дѣла, тѣмъ болѣе, что она не подала повода сомнѣваться въ своей добросовѣстности, а Строгоновская Лѣтопись, въ нашихъ глазахъ, потеряла всякое довѣріе.)

4) Извѣстный уже намъ по-храбрый бѣглець, атаманъ Мещерякъ, можетъ довольствоваться и тѣмъ, что его убили и безъ сраженія, въ простой дракъ.

5) Со смертію Ермака намъ, по настоящему, и не слѣдуетъ говорить про бывшихъ волжскихъ ермаковыхъ казаковъ; при изложеніи хода событій этого времени, мы слово «казакъ» употребляемъ въ общемъ смыслѣ царскаго войска, царскихъ солдатъ—стрѣльцовъ и воинской черни изъ Русскихъ, Татаръ, Поляковъ: въ эти казаки могли попасть и ермаковы казаки.

(75) «Ясаку положилъ государь на сибирское царство: и на Конду-Большую и на Конду-Меньшую (послѣдняя течеть въ Большую-Конду, а Большая-Конда впадаетъ въ Иртышъ съ лѣвой его стороны, къ сѣверу отъ Тобольска), и на Пелымское государство (Пелымъ течеть въ Тавду ближо къ Уралу, на западъ отъ Конды), и на Турурѣку, и на Иртышъ, и на Иргизское государство (Иргизъ рѣка протекаетъ съ западной стороны киргизской степи: вершины его сближаются съ вершинами Тобола), и на Пѣгіе-Колмаки (вѣроятно это Пѣгал-Орда, то-есть Шарымъ), и на Обь-Великую и на всѣ городки обскіе, на девяносто на четыре города (по Книгѣ Большому Чер-

нію съ сѣвера по Оби, далѣе по Иртышу, потомъ по Тоболу, и, наконецъ, по Иртызу.

Съ этого же времени началась и колонизація Сибири.

Первыми колонистами въ Сибири были тридцать хлѣбопашенныхъ семей, которыя, по повелѣнію государя, въ 1590 году, были отправлены изъ Сольвычегодска съ такимъ наказомъ, чтобъ у каждаго хозяина «было по три мерина добрыхъ, да по три коровы, да по двѣ козы, да по три свиньи, да по пяти овецъ, да по двое гусей, да по пятаку куровъ, да по двое утятъ, да на годъ хлѣба, да соха со всѣмъ для пашни, да телега, да сани, и всякая житейская рухлядь»; кромѣ того велѣно имъ дать въ подмогу, въ тогдашнее время, по *двадцати-пяти рублей*; отправка каждой семьи обошлась общинамъ по *сто-десяти рублей*. Уничтоженіе знаменитаго юрѣва-дня, приведя въ броженіе умы простаго народа, необразованнаго и грубаго, однимъ указало путь на западъ, другякъ погнало на востокъ. Послѣдующіе указы, дополнительные и пояснительные, и всюду разносившаяся молва о богатствахъ Сибири, послужили, какъ говоритъ одинъ писатель, доброю закваскою за-уральской земледѣльческой населенности. Толны народа стремились въ Сибирь въ гораздо-большее количество противу тѣхъ, которыя отправлялись туда по распоряженію самого правительства, заботившагося сколько о снабженіи края землепашцами, столько же и другими сословіями, для него необходимыми, ямщиками, для устройства сообщеній, плотниками и другими мастерами для городскихъ построекъ и поставленія храмовъ Божіихъ, священниками и иноками для распространенія вѣры Христовой. Но уже и въ это время Сибирь является мѣстомъ ссылки лицъ, для которыхъ, по мнѣнію Борвса Годунова, былъ вреденъ воздухъ столицы.

Къ этому же времени относится и формированіе отдельной ратной силы Сибири. Не здѣсь мѣсто входить во всѣ подробности этого предмета, заслуживающаго отдельнаго трактата и тѣсно связаннаго съ подробностями колонизаціи Сибири, но не мѣшаетъ, однако, замѣтить вкратцѣ, что громада постоянно-высылаемаго изъ Россіи войска была уже въ это время расписана по городамъ: явились казаки городовые, началось формированіе казаковъ изъ Татаръ «юртовскихъ», собиравшихся изъ своихъ городковъ, и «волостныхъ», не вполнѣ осѣдлыхъ и землепашенныхъ. Въ сословіе казаковъ включены были и Литва, и нѣмные Поляки, и Нѣмцы; самые земледѣльцы были иногда зачисляемы въ казаки «черномѣстные», а Татары верстались въ это сословіе служилыхъ людей за особенныя услуги, часто по ихъ собственной просьбѣ, но преимущественно изъ тѣхъ «отъ нихъ же пѣмны не почаяти». Нынѣшняя сибирская полиція—*русскіе* городовые казаки (не «линейные» и не «пограничные», а «городовые» и ставич-

тежу мы насчитали всего-наше около 50 городковъ по всѣмъ рѣкамъ; значить, сюда многое, извѣстное уже, не внесено; см. примѣч. 6) — съ году на годъ имати по 5000 соржковъ (200,000 штукъ) соболей, по 10,000 — лисецъ черныхъ да по 500,000 бѣлки большія и илеткія». (Карамзинъ, т. X, прим. 44.)

ные и полковые) величаютъ себя прямыми потомками Ермака; но они жестоко ошибаются: они вовсе ему не сродни ни по чему, ни по плоти, ни по духу.

Чтобъ показать, какія немногосложныя, но прямо-ведущія къ цели средства предпринимало наше правительство къ занятію покоряемыхъ земель, считаемъ нелишнимъ привести слѣдующій отрывокъ грамматы, относящейся къ 1592 году:

«А будетъ князецъ, прослышавъ ратныхъ людей, къ воеводамъ не появится, а почнетъ бѣгать, и воеводамъ послать ратныхъ людей въ малыхъ судяхъ его искати, и жены и дѣти и ихъ люди воевать и городокъ ихъ жечи. А (напередъ) приказывать, чтобъ они отъ государя на себя опалы большія не наводили, а пошли бѣ безъ боязни, а государь ихъ пожалуетъ и князю ничего не будетъ. А будетъ князецъ и дѣти его придуть къ воеводамъ, и ихъ обнадежить, чтобъ ихъ всякъ приманити; а черныхъ людей всякъ промолыти и обнадежить, чтобъ жили по своимъ юртамъ безстрашно и къ намъ въ городъ приходили...

«О всемъ промыслати, и городъ дѣлать, и люди устроить, и мѣста подъ дворы раздавати жилецкимъ людямъ и казакомъ, смотря по тамошнему мѣсту, какъ бы впередъ было государеву дѣлу прибыльнѣе. А казакомъ терскимъ говорить государеву жаловальное слово, чтобъ они государю послужили. А которые захотятъ въ живльцы туто изъ всякихъ ратныхъ людей, и ихъ переписать, а устроить туто (въ Таборахъ) пятьдесятъ человекъ конныхъ: тѣмъ и земли, помѣтивъ, раздавати; а жалованья годоваго сулить имъ польскимъ казакомъ по семи рублевъ, а атаману—десять рублевъ, а хлѣба по семи четь муки, а овса потому жъ. А стрѣльцовъ прибирать пѣшихъ до ста человекъ, а сотнику потому жъ, что и атаману, а пѣшимъ стрѣльцамъ по пяти рублевъ, да хлѣба по пяти четь муки, да по чети крупъ, да по чети толокна человеку. А земли бы имъ всемъ давати, чтобъ впередъ всякій былъ хлѣбопашецъ, и хлѣба бы не возять.

«А которые московскіе веццы девять человекъ изъ Каргополя посланы, и тѣмъ указать земли и уголья, чтобъ они изъ Пермій съ собою взяли и лошади и животины и сохъ, хотя немного, чтобъ имъ пашни вскорѣ завести. А которые посланы изъ Пермій и съ Вятки на житье для пашни, и у тѣхъ бы, хотя и у четырехъ человекъ была одна лошадь, а животина бы съ ними была, и сохи бы были съ нами, хотя бѣ къ паранинъ завести и немного пашни, да и ржи взяти на заводъ десять четь изъ Пермій; и вельти жилецкимъ людямъ дворы себѣ ставить, и слобода у города устроить, въ которомъ мѣстѣ пригоже, и земли на пашни высмотрить лучшія, и у крѣпостей подавать пашни на государя пахати великимъ людямъ. А лучшія мѣста выбравъ оставить про государевъ обиходъ до трехъ сотъ четь; а впередъ та земля пахати на государя жилецкимъ людямъ, которыхъ устроятъ на житье. Да изъ Таборовъ и Кошуконъ пашенныхъ молотчихъ людей взять со всеми семьями и съ лошадьми и посадить туто на пашнѣ, и пашни пахати вельти на государя. На Таборы и на Кошуконъ, на тутошныя люди, положить хлѣбомъ оброкъ, чтобъ съ нихъ ничего не имать, никакого обро-

ку, ни соболей, а имать бы хлѣбомъ. Только устроя городъ и укрѣпя, —положить на нихъ оброкъ хлѣбной, распрося про нихъ, что пригже на нихъ положить...

«И церковное строеніе устроить, а попа и дьякона взять влучи въ Сибирь (по дорогѣ, изъ такого-то города) и, въ подмогу, съ посадскихъ тамошнихъ поповъ собрать сорокъ рублей. А на церковь послано съ Москвы два фунта ладану, два фунта темьяну, да пудъ воску, да ведро вина церковнаго, и образы, и книги, и колокола, и все церковное строеніе».

Вроятно, при каждой новой посылкѣ воеводъ и рати въ Сибирь, имъ повторялось однажды уже данное повелѣніе: «и вы бѣ, пріѣхавъ въ Пермь Великую, велѣли тотчасъ бирючью тово жъ двѣ кликать въ «Пермѣи, въ Чердыни, да въ уездъ по погостамъ, и къ Соли-Камской «тотчасъ розослалъ, для того, чтобъ шли охочіе люди наймоваться къ «нашему дѣлу... О всемъ отписывати къ государю съ нарочнымъ гон-«цомъ, чтобъ государю про великія дѣла, что сдѣлается, было вѣдомо «самому и было бѣ кого разспросить, чтобъ кто рассказать умѣлъ».

В послѣдствіи времени, крестьянамъ, переселившимся въ Сибирь по распоряженію правительства, стали давать льготу въ податяхъ и пособіе хлѣбомъ и деньгами: узаконеніе объ этомъ явилось еще въ 1613 году. Вообще, система колонизаціи была придумана и приводилась въ исполненіе чрезвычайно-благоразумно, такъ-что колонисты, приходя въ Сибирь, получали, въ тѣ времена, полное обезпеченіе во всѣхъ своихъ нуждахъ, особенно на первыхъ порахъ. И сѣмена, и земледѣльскія орудія, и лѣсъ для избы, и земля для пашни, и домашній скотъ, и даже наличныя деньги—все было для него готово. Край заселялся успешно годъ-отъ-году все больше и больше. По добытымъ языкамъ, по слѣдамъ первоначальныхъ покорителей, охотниковъ, метавшихся провѣдывать о новыхъ племенахъ во всѣ стороны по рѣкамъ и ручьямъ—на плотахъ и въ лодкахъ, а по связнымъ сугробамъ—въ собачьихъ или оленьихъ нартахъ да на лыжахъ, воеводы, снабженные наказами, избирали себѣ мѣста для зимовьевъ, рубили остроги, городили города и дѣлали укрѣпленія, всегда устроивая эти дѣла такъ, что гдѣ зимовье ясное—тамъ и крестъ, гдѣ острогъ—тамъ и часовня, а гдѣ населеніе поразрослось и водвореніе пораздвинулось—тамъ для себя церковь, а для Татаръ—пушка! И легкость большей части дальнѣйшихъ завоеваній, при сметливости, уживчивости, вкрадчивости въ довѣріе и дружелюбныхъ наклонностяхъ нашихъ промышленниковъ, тѣмъ больше становится для насъ удобопонятною, что инородческія племена были разрознены, несвязаны общимъ интересомъ, неподчинены одной, общей, глубоко-сознанной идѣ самостоятельности и, находясь на нисшей степени гражданственности, мирно покорялись пришельцамъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, для Русскихъ въ Сибири каждый новый шагъ приносилъ новое, никѣмъ—неоспоряемое владычество.

Не смотря даже на неслыханное развращеніе нравовъ нашихъ казаковъ, на татарскія ихъ наклонности (противъ чего грозно вопіялъ святѣйшій патріархъ Филаретъ въ знаменитой своей грамматѣ къ го-

больскому архіепископу), на ухищренія мелкихъ торгашей и промышленниковъ, знакомившихъ дикія племена съ виномъ, зернью и другими грязными утѣшеніями — дѣло овладѣнія Сибирью шло у насъ чрезвычайно-быстро и непостижимо-успѣшно. Пятидесяти лѣтъ не прошло со времени перваго молодецкаго ермакова похода въ сторону за-уральской—и уже русская держава крѣпко охватила все пространство до самаго Енисея. Мы имѣли тутъ болѣе двадцати опорныхъ пунктовъ, укрѣпленныхъ и населенныхъ мѣстъ и городовъ; замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: Тюмень основанъ въ 1586 году, Тобольскъ—въ 1587, Пелымъ—въ 1592, Сургутъ и Березовъ—въ 1593, Тара—въ 1594, Нарымъ и Кетскъ—въ 1595, Верхотурье—въ 1598, Обдорскій Городокъ (въ низовьяхъ Оби) и Мангазейскій-Острогъ (на Тазѣ)—въ 1600, Туринскъ въ 1601, Томскъ—въ 1604, Туруханскъ (при устьѣ Турухана въ Енисей, послѣ уничтоженія Мангазеи) и Зимовье-Имбацкое (Имбахъ, рѣка, впадающая въ Енисей справа, между Подкаменной—Тунгуской и Елогуемъ)—въ 1609, остроги Маковский (въ вершинахъ Кети), Кондомскій и нынѣшній Кузнецкъ (при слияніи Мрасы съ Кондомомъ)—въ 1618, Енисейскъ и Бѣльскій—въ 1619, Мелетскій (на Юсѣ)—въ 1620, и Красноярскъ (при устьѣ Качи въ Енисей, между устьями въ него съ противоположной стороны Маны и Кана, верховья которыхъ сближаются съ верховьями Бирюсы) основанъ въ 1628 году.

Вотъ какими шагами мы шагали по Сибири... Мало этого: болѣе, чѣмъ за цѣлое столѣтіе до Беринга, наши казаки, простые русскіе, казаки положительно доказали—и ученая Европа знала объ этомъ еще во время царствованія Феодора Алексѣевича!—что проливъ между Азіей и Америкой существуетъ и что Ледовитое-Море, вмѣстѣ съ Восточнымъ-Океаномъ, составляетъ одно общее цѣлое; но національное открытіе нашихъ казаковъ окрещено именемъ фон-Беринга. Времена Никона, Петра-Великаго, бирюзовщина и другія событія населяли Сибирь многочисленными толпами народа, который, разселяясь до Китая и до Камчатки, успѣлъ занести ногу на материкъ новаго свѣта. Въ самой же Сибири народъ русскій, незнакомый съ угнетательною политикою обитателей Запада, дружески сближался съ покоренными племенами, невѣдомо самому-себѣ прививалъ къ нимъ свои повѣрья и обычаи, незаметно, безъ насилій, подавляя ихъ національность—если только національность можетъ существовать у дикихъ племенъ, къ которымъ самое слово «нація» непримѣнимо—и, поставивъ ихъ, сколько можно было, въ уровень съ самимъ-собою, довелъ ихъ до того, что Сибирь, за исключеніемъ крайнихъ предѣловъ сѣвера и юга, почти совершенно обрусѣла (племена ея не вымерли, какъ иные говорятъ, и не выродились, а переродились въ Русскихъ), и теперь имя ея потеряло уже то значеніе, которое предки наши придавали этой далекой, но богатой и прекрасной странѣ. Тамъ, гдѣ была кучумова столица, гдѣ стоялъ городъ Сибирь—нынѣ заустыніе, и только остатки древнихъ валовъ указываютъ путнику то мѣсто, на которомъ воздвигнутъ былъ Ермакомъ краеугольный камень владычеству Россіи надъ зауральскимъ краемъ.

Много людей проѣхало мимо этого городища по почтовой дорогѣ изъ Тобольска въ Омскъ; много людей слышало въ этомъ мѣстѣ окликъ ямщика: «вотъ, дескать, ваше почтеніе, городъ Сибирь, гдѣ Ермакъ Тимоѣичъ разбилъ царя Кучума и самъ съѣлъ на царство»; но немногіе, вѣроятно, потрудились выйти изъ экипажа и пройтись по пустынному полю, навѣвающиму столько дорогихъ для Русскаго воспоминаній.

Нашъ судьба привела взглянуть на этотъ уголокъ, но мы только этимъ и ограничились: обстоятельства не позволили намъ прибавить ни одной лишней черты къ тому, что уже до насъ было сдѣлано. Передаемъ дѣликомъ слова ученаго очевидца, знаменитаго Миллера, который, за сто лѣтъ назадъ, имѣлъ возможность вполне удовлетворить своему просвѣщенному любопытству:

«Остатки сего столичнаго города (ежели такое мѣсто, какъ сіе по-видимому было, названіемъ города почтить можно» прибавляетъ Миллеръ) «еще и по нынѣ видны. Восточный, высокій берегъ рѣки «Иртыша, имѣетъ на томъ мѣстѣ чрезвычайную вышину, и оный берегъ, почти вездѣ, гдѣ рѣка подлѣ горъ течетъ, отъ оной подмывается: отъ чего въ томъ мѣстѣ нѣкоторая часть горы отвалилась, такъ что сторона къ рѣкѣ Иртышу стоить почти перпендикулярно.

«По верхней сторонѣ находится глубокой буеракъ, въ которомъ течетъ маленькая рѣчка, и оная, на російскомъ языкѣ, по городу называется — Сибирка, а Татаре сію рѣчку именемъ не называютъ, для того, что они и многія другія малыя рѣчки, которыя разстояніемъ «не болѣе двухъ и трехъ верстѣ вершины свои имѣютъ, безъимяными оставляютъ. Понеже оная сторона весьма крута, то на томъ мѣстѣ и всходоу нѣтъ.

«Съ третьей, или съ полевой стороны есть долина, которая мало-помалу глубже становится, и съ буеракомъ, въ которомъ рѣчка Сибирка течетъ, соединяется. Развѣ отсюда можно было на то мѣсто, гдѣ городъ былъ, подняться, но понеже и тутъ еще нарочито круто, то оное требовало бы не малаго затрудненія.

«Одна четвертая важная сторона, по теченію рѣки Иртыша, немногочего полога, такъ что съ той стороны и всходоу былъ, какъ и теперь «сіе мѣсто съ той же стороны сперва видно, ежели кто, для смотрѣнія онаго, изъ Тобольска выѣдетъ. Оно видится съ дороги, на не-большой круглой горѣ, которая, въ разныхъ уступахъ, укрѣплена «тройнымъ валомъ съ находящимися притомъ рвами, изъ которыхъ «одинъ валъ другаго выше, а сіи валы окружаютъ городское мѣсто «только съ приходу и со стороны долины, понеже прочія обѣ стороны, отъ рѣки Иртыша и отъ буерака, никакого укрѣпленія не требуютъ. На нѣкоторыхъ мѣстахъ валы и рвы, за многопрошедшимъ «временемъ, такъ заросли, что нынѣ мало ихъ видно.

«Внутреннее пространство кругловато и поперегъ не болѣе пятидесяти сажень содержитъ. По сему заключить должно, что тамъ, кромѣ «хана и его фамиліи и служителей, немногимъ другимъ знатнымъ «старамъ жить можно было, развѣ тогда оное мѣсто гораздо простран- «нѣе было, какъ и увѣряютъ, что нѣсколько земли, а много ли, или

«мало, того неизвестно, съ рѣчной стороны отъ подмыванія осыпалось».

«Отъ дворовъ, или отъ другаго какого строенія, никакихъ слѣдовъ болѣе не видно, какъ только что по разнымъ мѣстамъ, отъ неровности земли, разсуждать можно, что какое-нибудь строеніе прежде тамъ находилось. Дворы, по обыкновенію Сибирскихъ Татаръ, построены были либо деревянные, либо, по бухарскому обыкновенію, изъ нежженныхыхъ кирпичей, потому-что съ того времени вовсе пропали. Нѣкоторыя мѣста предъ другими глубже, которыя, можетъ-быть, вмѣсто погребовъ служили».

«Въ послѣднія времена окольные російскіе жители, ищущіе закопаныхъ въ землѣ пожитковъ, вездѣ глубокия ямы покопали, изъ которыхъ нѣкоторые не даромъ трудились.»

Но мы забыли про царя Кучума; обратимся къ нашему разсказу, изъяснившись снова передъ благосклоннымъ читателемъ, что мы вовсе не брали на себя тяжкой обязанности писать исторію Сибири, и что настоящій трудъ есть только попытка разъяснить нѣкоторые запутанные вопросы этой исторіи: мы сочли за неперемѣнную обязанность напомнить объ этомъ для того, чтобъ читатель не посылалъ на насъ за отсутствіе полноты, недостаточность фактовъ, безцвѣтность картины и другіе недостатки, слишкомъ-рѣзко намъ самимъ замѣтные и извинительные здѣсь только потому, что трудъ нашъ—только попытка.

ГЛАВА IX-Я.

ЦАРЬ КУЧУМЪ.

Скитальчество Кучума.—Поиски на Кучума.—Прислѣдованіе Кучума.—Граммата Кучума къ воеводамъ.—Граммата царя Ѳеодора къ Кучуму.—Письмо къ нему сына его, Абдул-Ханра.—Воевода Воейковъ.—Послѣдняя битва.—Послѣднія рѣчи.—Конецъ.

«До тебе лежачего въ болотѣ спросности небаченія твоего склонимся, а тобѣ руку подамы, хотячи тебе зъ него вытягнути, отерши напередъ берніе зъ очю твоихъ, же бы еси могъ прозрѣти, а гноспность и спросность свою обачити. Если же слова наши не будутъ тобѣ смаковати — ты самъ того причиноу, же ся на насъ торгувалъ напередъ несмачными и быстрыми словы... Наибольшая мудрость самому себя знати: аже бы себя лѣтѣй позналъ — посылаемъ тобѣ книги, которыя о тобѣ росяисаны еуть...»

Граммата Баторія къ Грозному, 1581 г.

Семнадцатилѣтняя скитальческая, не спокойно-кочевая, а постоянно-тревожная жизнь Кучума въ степяхъ сибирскихъ, по отечественнымъ лѣтописямъ, намъ мало известна. Лѣтописцы наши передаютъ о немъ очень-немногое. По ихъ свидѣтельствамъ, Кучумъ, послѣ бѣгства своего изъ Сибири, при окончанія ермаковой битвы подъ Чувашевымъ,

или у Подчувашья, удалился въ Ишимскія-Стени; черезъ три года, именно въ 1584 году, мы находимъ его въ тѣхъ же мѣстахъ, на Вагай. Послѣ плѣна Махмет-Кула, Кучумъ былъ оставленъ всеми, даже Карача отступился отъ него; послѣ смерти Ермака, Кучумъ былъ преслѣдуемъ Сейдякомъ, наконецъ онъ направился вверхъ по Иртышу, но не переставалъ вредить Русскимъ. Лѣтомъ 1591 года воевода князь Кольцовъ-Масальскій настѣгъ Кучума близъ рѣки Ишима, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ двухъ его женъ и другаго его сына, Абдул-Хаира. Кучумъ снова скрылся, и долго настоящее мѣстопробываніе его не было извѣстно Русскимъ (76).

Кучумъ, однакожъ, не удалялся отъ Иртыша слишкомъ-далеко: расположенныя вверхъ по этой рѣкѣ волости платили ему дань, «блюдясь отъ него войны». Чтобы совершенно уничтожить вредное его для насъ дѣйствіе въ этихъ краяхъ, вельно—въ центрѣ подвластныхъ Кучуму волостей, поставить новый городъ Тару и стянуть сюла изъ Казани, изъ Свѣяжска, изъ Тетюшь, изъ Тюмени, Тобольска, Таборовъ и Кошуковъ рать почти изъ 1200 человекъ конныхъ и болѣе 500 пѣшихъ. Тутъ были и ермаковы казаки, и стрѣльцы, и польскіе казаки, и Литва, и Черкасы, и Башкирцы, и Татары. Въ царскомъ наказѣ воеводамъ (1594 года) объ этомъ предметѣ, повелѣно на тѣ, неподвластныя еще намъ въ Верхней-Землѣ, волости (если онѣ добровольно не признаютъ нашей власти) «войною посылать, князьковъ ихъ побивать, животы ихъ — лошади, разную животину и всякую рухлядь — имать ратнымъ людямъ въ раздѣлъ между собой», кромѣ соболей и черныхъ лисицъ, которые все идутъ на государя. Царь крѣпко наказывалъ воеводъ «промыслить, истѣснить и извоевать Кучума», но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовалъ «крѣпко беретчяся Кучума, чтобы онъ, пришедъ, которыя порухи не учинилъ»; стараться склонить Кучума отдаться въ наши руки, уговорить его жить съ нами въ мирѣ и тишинѣ, объявить ему, что государь желаетъ держать его подъ своею царскою рукою, что онъ, по милосердію своему, и сына его Облагавра и людей его отпустить на родину, пожаловавъ напередъ своимъ царскимъ жалованьемъ... Подобныя повелѣнія повторялись неоднократно, но упрямый Кучумъ оставался непреклоненъ.

Инструкціи, данныя по этому случаю воеводѣ, боярину князю Андрею Васильевичу Елецкому, заключали въ себя слѣдующія главнѣйшія основанія: мы приводимъ подлинникомъ многія фразы этихъ интересныхъ документовъ, чтобы совершенно уяснить дѣло и тогдашнее состояніе покоренной страны.

«Итти города ставить вверхъ Иртыша на Тарь-рѣку, гдѣ бы государю было впредъ прибыльнѣе, чтобы пашню завести и Кучума царя истѣснить и соль устроить и тѣхъ бы волостей, которыя больше по-сторону Тобольскаго (города) и Тобольскова узду отвести отъ Кучума и привести къ государю... чтобы впередъ государевымъ ясашнымъ людямъ жить по Иртышу отъ Кучума царя и отъ ногайскихъ людей безстрашно. А идучи изъ Тобольскова воеводѣ князю Андрею съ то-

варищи про Кучума царя и про ногайскихъ людей провѣдывать, и нынѣ Кучумъ царь? и сторожи напередъ себя конные посылать, чтобъ Кучумъ царь, собрався съ ногайскими людьми, придетъ, надъ воеводами и надъ хлѣбными запасы безвѣстно порухи ни которой не учинилъ, а коннымъ людямъ потомужъ идти бережно, чтобъ имъ отъ Кучума царя идти съ великимъ береженьемъ и отъ него беречись, чтобъ на нихъ не пришелъ.

«А будетъ которые ясашные люди и князьки, которые живутъ по Иртышу, съ воеводою, съ княземъ Ондреемъ на Кучума и на ногайскихъ людей города ставить не пойдуть и не послушаютъ— и воеводѣ князю Ондрею Васильевичу, идучи Иртышемъ, тѣ волости воевать, и посылки конныя на нихъ посылать, и измѣнниковъ съискивать, винныхъ казнить, а чорныхъ людей къ шерть приводить, и у нихъ заклады поимать.

«И что будетъ ходу отъ Тобольскаго города до Тары, и что будетъ отъ Тары до Тобольскаго города, и что будетъ полемъ (степью) отъ новаго города отъ Тарскаго на Уфу— чтобъ и впередъ отъ нихъ было безстрашно. А придетъ на Тарь—рѣку присмотрѣть подъ городъ мѣсто: гдѣ пригоже быти новому городу, туто и мѣсто очистить и городъ поставить; а дѣлать городъ и лѣсъ возить всею ратью, всеми людьми, и конными и пѣшими, а сдѣлать бы городъ во всѣхъ стѣнахъ, и въ стѣнахъ и въ городищахъ сажень около въ полтретьяста и больша—то по мѣсту смотря, да острогъ дѣлати сажень въ триста и въ четыреста и, смотря по людямъ, и до пятисотъ сажень. А въ городѣ быти самому князю Ондрею да (письменнымъ головамъ) Борису Доможирову, да Григорью Елизарову: тому и у казны, и у сбору, и у житницъ быти.

«А хлѣбъ будъ въ житницахъ въ городѣ, да попамъ, да пушкарямъ, да стрельцамъ: у тѣхъ бы въ городѣ дворцы (дворики, избушки) были. А въ острогъ мѣста на огороды дать и гдѣ имъ въ лѣтъ ѣсть варить. А oprичъ воеводы и головъ ѣсти ни у кого не варить, а воеводѣ и головамъ поварни въ землѣ сдѣлать, какъ бы беретчися Кучума; а въ острогъ казакамъ коннымъ и Татарамъ служимымъ тобольскимъ и тутошнымъ и тюменскимъ, чтобъ быти безстрашнымъ.

«А Кучума царя оплашивать, а приказывать ему то: что государь Кучума-царя хочетъ держать подъ своею царскою рукою и сына къ нему Облагаира и людей его, впередъ пожаловавъ своимъ царскимъ жалованіемъ, отпустить, а нынѣ бы жилъ вверхъ новаго города, въ которыхъ городяхъ пригоже; а прислалъ бы Кучумъ-царь сына своего... царевича: не безчестно царю прислать къ государю сына своего и съ нимъ лучшихъ людей дву-трехъ, а государь царь и великій князь тотчасъ пришлетъ ко царю къ Кучуму сына его, царевича Облагаира, и людей его съ нимъ. А промыслать князь Ондрею, чтобъ Кучумъ-царь прислалъ къ государю изъ царевичей лучшаго, который бы... человекъчье.

«А будетъ, оплоша, мочно надъ царемъ промыслать— и посылка большая съ татарскими людьми послати, чтобъ надъ Кучумомъ, и надъ его женами, и надъ дѣтьми, промыслить и взвоевати накрѣпко; а береженье накрѣпко отъ Кучума-царя держати, а которыя ево волости по

Иртышу, промежъ Тобольскаго и новаго города—и въ тѣ бы онъ волости Кучумъ-царя однолично не вступался, и ихъ отъ Кучума-царя берега накрѣпко.

«А будетъ Кучумъ-царя учнетъ приходить, собрався со многими людьми, на государевыхъ воеводъ и города ставить не дастъ, и учнетъ тѣсноту чинить—и воеводъ князю Ондрию Васильевичу съ товарищи отъ Кучума-царя беречись, чтобъ, пришедъ, Кучумъ-царя которыя порухи не учинилъ. А какъ городъ поукрѣпять—и князю Ондрию съ товарищи надъ Кучумомъ-царемъ, провъдавъ про него подлинно, промышлять, сколько Богъ помочи подастъ, большими посылками, чтобъ надъ нимъ поискъ учинить съ вогненнымъ боемъ. А будетъ надъ Кучумомъ промыслу не начать, а люди будетъ отъ него не пойдутъ на государево имя—и надъ Кучумомъ-царемъ посылки большой, не развѣдавъ накрѣпко, вскорѣ не посылать, и къ нему приказывать, и его оплашивать, и житею ему ослобожать въ верхнихъ городяхъ, и промышлять надъ ногайскимъ мурзою, надъ Алеемъ, чтобъ надъ тѣмъ промыслить большою посылкою, а отъ Кучума-царя людей лучшихъ отговаривать, чтобъ ѣхали къ государю служить; а ссылались бы съ ними тобольскіе служилые Татарове; а которые отъ царя прїѣдутъ и тѣхъ жаловать, и сукна давать и хлѣба. И которые князьки и Татарове государю служатъ и въ городъ къ воеводамъ приходятъ и ясаки платятъ, и про всякія вѣсти про Кучума-царя, и про его умышление, и про Ногай, учнутъ приходя сказывать—и тѣхъ Татаръ поить и кормить государевымъ запасомъ и береженье къ нимъ и ласку держать великую и отпускати ихъ къ себѣ (домой) не задерживая.

«А что съ котораго городка и съ волостей, и съ кого именовъ, государева ясаку возьмутъ соболей и лисицъ и шубъ собольихъ и бѣлыхъ и бобровъ, и то все велѣти записывати въ книги подлинно, порознь, по статьямъ. А имати въ ясакъ на государя соболи и бобры добрыя и лисицы черныя, а худыхъ соболей и лисицъ и бобровъ въ ясакъ не имати. А что ясашные люди принесутъ сверхъ ясаку, государю челомъ ударить, или воеводамъ, что принесутъ въ поминкахъ—и то все, потому жь, велѣти записывати въ книги подлинно, порознь, по статьямъ и держать ясачную казну за своими печатями. А которые князьки и Остяки учнутъ послушаться и въ государевъ городъ не учнутъ приходить—и на тѣ волости посылать посылки, а велѣти ихъ повоевать, и заклады у нихъ поимать, и ихъ поострастить и укрѣпити, чтобъ ихъ привести подъ государеву руку, и даннъ съ нихъ собирать.

«А которые торговые люди учнутъ прїѣзжать въ новый городъ, на Тару, изъ Бухарь и изъ Ногай, со всякими товары и съ лошадьми и съ животиною—и у тѣхъ у торговыхъ людей велѣти служилымъ людямъ всякіе товары, и лошади, и животину, покупать и береженье къ торговымъ людямъ, къ Бухарцамъ и къ Ногаемъ, держати, чтобъ ихъ и впередъ пріучити; а какъ они исторгуются—и ихъ отпущать, не издержавъ. А которые, будетъ, торговые люди похотятъ идти мимо новый городъ въ сибирскіе города, въ Тобольскъ или въ Тюмень, торговать всякими товары, или съ лошадьми и животиною—и ихъ пото-

му жь пропускать и береженье къ нимъ держати. А только буде Бухарцы учнутъ прїѣзжать изъ Бухарь, о которыхъ о государевыхъ и о земскихъ о тамошнихъ дѣльхъ, и воеводъ о томъ отписывати ко государю, а ихъ отпущать не задержавъ: и государъ велитъ свой указъ учавити» (77).

(77) Миллеръ, стр. 261, 272 и 284.

Образцовая роспись ратнаго сбора казаковъ съ 1594 году.

«Съ сотникомъ стрѣльцкимъ съ Самойломъ съ Лодыженскимъ *Московскихъ Стрѣльцовъ* 100 человекъ.

«Съ другимъ сотникомъ, съ Заметнею Шокуровымъ 47 человекъ.

«И обоего съ двѣма сотниками *Московскихъ Стрѣльцовъ* 147 человекъ; а хлѣбное жалованье дано стрѣльцамъ на 102-й (1594-й) годъ сполна, да имъ же дано въ дорогу по четверти сухарей человекъ, а деньги имъ даны *большое жалованье*, да въ Пермь, взявъ съ Пермскія-Земли, дать имъ по четверти мукі человекъ.

«А какъ придуть въ новый городъ на Тарь-рѣку и имъ дати изъ запаснова хлѣба по четверти муки человекъ, да по осеминѣ крупъ, по полуосминѣ толочна человекъ, итого 147 четвертей мукі ржаной, 73 четверти крупъ, 37 четвертей, безъ полуосмины, толочна.

«Да изъ Казани и съ Уфы послано полемъ въ Тобольскій городъ, а изъ Тобольскаго города ити имъ съ головою съ Мамлѣемъ съ Мальцовымъ *Татаръ Казанскихъ и Сѣлжскихъ* 100 человекъ, *Башкирцовъ* 300 человекъ, да къ нимъ 4 человека дѣтей боярскихъ, ко сту по человекъ.

«Да съ сотникомъ изъ Казани 50 человекъ *стрѣльцовъ конныхъ*, да изъ Ланшева съ тѣмъ же сотникомъ 50 человекъ съ пищальми *полоненниковъ*, да изъ Тетюшъ съ сотникомъ съ Микитою съ Корякинымъ 50 человекъ *казаковъ польскихъ*.

«И всего изъ понизовыхъ городовъ велѣно послать съ Мамлѣемъ 534 человека *конныхъ*.

«Да изъ Тобольскаго города взято въ тотъ новый городъ, выбравъ, *Литвы* и *Черкас* и *Казаковъ* добрыхъ конныхъ съ военнымъ боемъ съ головою съ Свонтиномъ съ Рупосовымъ 100 человекъ.

«Да *Татаръ Тобольскихъ служилыхъ конныхъ* съ атаманомъ съ Черкасомъ со Александровымъ, да съ головами съ Бансентомъ да съ Байбахтою 100 человекъ, а быти *Литвы* и *казакамъ коннымъ* и *Татарами* съ головою съ Свонтиномъ съ Рупосовымъ и съ Черкасомъ *емьств*.

«И обоего изъ Тобольскаго велѣно послать *конныхъ* 200 человекъ.

«Да къ тому собрати изъ волостей (туземныхъ племень, не двоєдѣльцовъ и Русскому царю и Кучуму, а уже обьясаченныхъ), которые волости пошли отъ Тобольска вверхъ по Иртышу, *Татаръ ясашныхъ добрыхъ конныхъ* 300 человекъ, а быти имъ съ головами съ *татарскими*.

«Да *пищанъ Татаръ* прибрать въ судѣхъ съ пищальми 130, а *суды подь нихъ готовы*, а быти имъ *емьствъ съ стрѣльцы московскими*.

«Да изъ Тюмени велѣно послать, выбравъ *Литвы* и *Черкас* и *Казаковъ конныхъ* 40 человекъ.

«Да *Татаръ тюменскихъ, верхотурскихъ, овдрѣвскихъ* (обитавшихъ у Андреевскаго-Озера) и *Бѣляковцовъ* (отъ рѣчки Бѣляковки, впадающей въ Пышму) и *Зырянцовъ*, у которыхъ заклады (аманаты) поиманы въ Тобольской и въ Тюмени, и *имѣны отъ нихъ не почаятъ*, выбрать велѣно добрыхъ 50 человекъ *конныхъ*.

«А государева имъ жалованья послано по 2 рубль человекъ, итого 100 рублей.

«И обоего изъ Тюмени велѣно послать 90 человекъ *конныхъ*.

«Да изъ Таборовъ взять 30 человекъ *Татаръ конныхъ*.

«Да изъ Кошукоевъ взять 20 человекъ *конныхъ*.

«И обоего съ Таборовъ и съ Кошукоевъ 50 человекъ.

«Да Пермичъ *платниковъ* взять изъ Тобольскаго 30 человекъ *пищанъ*, да въ новый городъ (Тару) послать Пермичъ 20 человекъ *платниковъ*; а велѣно имъ по-

Воеводы ловили кучумовскихъ Татаръ, разспрашивали ихъ и добрымъ словомъ и жестокими пытками, и наконецъ, въ 1595 году, добытые языки изъ-подъ пытки рассказали, что Кучумъ, провъдавъ тоже о царскомъ повелѣннѣи поставить въ его волостяхъ городъ, послалъ туда сына своего Алея и велѣлъ ему перевести здѣшнія племена далѣе вверхъ по Иртышу; а Алей собралъ здѣсь орду въ 150 человекъ и пошелъ съ ними вверхъ по Иртышу на Черный-Островъ; здѣсь они остановились, усилили свою численность еще 50-ю человекъми, поставили себѣ городокъ, и стали зимовать. Воеводы узнали также, что эти выведенные Кучумомъ Татары живутъ и около Вузюкова-Озера; что въ этомъ озерѣ Татары ловятъ рыбу на царя и посылаютъ ее къ Кучуму, что отъ Кучума къ нимъ привѣзжаютъ люди ежедневно и что самъ Кучумъ стоитъ еще выше по Иртышу «межъ двухъ рѣчекъ, одернувся телегами, за Омь рѣкою пѣшимъ ходомъ днища съ два», и что отъ городка Чернаго - Острова до кучумова кочевья, пѣшими людьми и нескорымъ ходомъ, будетъ днищъ съ пять или съ шесть (78).

Воевода князь Елецкій послалъ подъ Черный - Городокъ сборной братья 276 человекъ (изъ нихъ 100 человекъ была стрельцы, 60 человекъ тобольской Литвы и 40 человекъ тобольскихъ казаковъ). Число враговъ не превышало двухъ сотъ человекъ. Предводитель отряда, Борисъ Доможировъ, разбилъ Татаръ, взялъ болѣе 60 человекъ пленныхъ и сжегъ городокъ. О тѣхъ, которые бились явственно, были ранены и имали языковъ, воевода представилъ государю «послужные списки», и царь награждалъ храбрыхъ «золотыми» и деньгами.

Вскорѣ получены были новыя вѣсти, что Кучумъ зимуетъ вверхъ по Иртышу, въ двадцати днищахъ отъ Тары: князь Елецкій послалъ туда новую рать въ 483 человекъ (въ мартъ мѣсяцъ), подъ предводитель-

слать съ Пермь хлѣба по три четверти муки человекъку, по осмиѣ крупъ, по осмиѣ толокна, да по 3 рубли денегъ человекъку.

«И всего въ новый городъ велѣно послати всякихъ служилыхъ людей..... конныхъ 1194 человекъ, а пѣшихъ 547 человекъ.

«И обоего 1741 человекъ конныхъ и пѣшихъ ратныхъ людей (подъ общимъ, на мѣстѣ, наименованіемъ казаковъ, какъ ихъ и называютъ лѣтописцы).

«А хлѣба въ тотъ новый городъ взять съ Лозвы изъ устюжскаго запаса 500 четвертей муки ржаной, 100 четвертей крупъ, 100 четвертей толокна, да денегъ на запасъ послано 200 руб.

«Да на расходъ на татарской (то-есть на подарокъ выѣзжимъ Татарамъ)— два постава настрафилныхъ, да десять половинокъ ярославскихъ.»

Князя Андрея Елецкаго на Тарѣ смѣнилъ новый воевода князь Федоръ Борисовичъ Елецкій; въ Тобольскѣ былъ въ это время воеводою князь Федоръ Лобановъ-Ростовскій; въ Тюмени князь Петръ Борятинскій; въ лозвинскомъ городѣ Иванъ Нагой; въ Березовѣ Никифоръ Траханіотовъ, на мѣсто котораго назначенъ Василій Волынскій.

(78) Миллеръ, стр. 289, 295 и 301. Полагаемъ, что Черный-Островъ долженъ быть гдѣ-нибудь около нынѣшнихъ селеній Чернолуцкаго и Карасутскаго (по Иртышу, между Тарой и Омскомъ, ближе къ Омску); и въ томъ и въ другомъ названнѣи существуетъ слово черный (кара). Вузюково озеро намъ неизвѣстно.

(79) Тамъ же, стр. 295 и 301.

ствомъ того же Доможирова. Успѣхъ дѣла былъ такъ же блистателенъ: русскіе головы сожгли городокъ Тунусъ, разбили непокорныя волости, наложили на нихъ ясакъ царю; но Кучумъ не попался казакамъ въ руку, тѣмъ болѣе, что «пришло росказѣ великое, и идти на лыжахъ было не мочно». Однакожь, въ скоромъ времени на нашу сторону передались мать Махмет-Кула и приближенный къ Кучуму Чин-Мурза съ женою: они втроемъ добровольно выѣхали на Тару въ сопровожденіи 38 человекъ Татаръ.

Воеводы тѣснили Кучума, сколько могли: приводили въ покорность Россіи его волости, прекращали ему вся сообщенія съ покоренными, поманили вѣстниковъ, которые ѣхали къ нему въ гости, брали въ добычу всю кладь торговцевъ, которые отправлялись къ Кучуму, засылали къ нему своихъ кліентовъ, представляли ему безвыходность его положенія, говорили, что ужь если казакъ Ермакъ его покорилъ, такъ куда жь ему съ царскими войскомъ бороться, тѣмъ болѣе, что онъ самъ же отдалъ свою Сибирь? Воеводы надѣжили его царскою милостію и требовали отъ него мира и покорности.

До насъ дошла слѣдующая грамота царя Кучума, составленіе которой относить уже къ 1597 году. Въ ней Кучумъ все еще называетъ себя царемъ и все еще гордо старается поддержать свое дикое величіе.

«Богъ богатъ!

«Отъ вольнаго челоуѣка, отъ царя, бояромъ поклонъ, а слово то:

«Что есте хотѣли со мною поговорити? Вамъ отъ государя своего, отъ Бѣлаго-Князя, о томъ указъ есть ли? И будетъ указъ есть—и мы поговоримъ, и его слово пріятно учинимъ.

«А мое челобитѣе то: прошу у великаго князя, у Бѣлаго-Царя, вртишскаго берегу, да и у васъ, у воеводъ, быю челомъ, тогожъ прошу. Да т(акожь) вещей у васъ прошу, и вы изъ тѣхъ вещей хоти и одну дадите—и ваше слово будетъ истинно, а будетъ не дадите—и слово ваше ложно!

«А челобитѣе мое тѣ: прошу Шанну, а тѣ оба гости, которыхъ (вы) взяли—ѣхали ко мнѣ въ послѣхъ и ихъ вамъ Богъ судилъ! И изъ тоѣ посолскіе рухляди одного (въ)юка конскаго прошу: очи у меня больны и съ тѣми послы были зелья, да и роспись тѣмъ зельямъ съ ними жъ была. И язъ того прошу и только тѣ три вещи мнѣ дадите — и слово ваше будетъ истинно!

«И будетъ со мною похотѣте поговорити—и вы ко мнѣ пришлите толмача Богдана; а Сююндюкъ пріѣхалъ, великаго князя, Бѣлаго-Царя, очи видѣлъ: и язъ бы изъ его устъ указъ его услышалъ! И вы бѣ его прислали: и будетъ тѣ дѣла правда—и вы бѣ прислали Бахтыураза, который нынѣ пріѣхалъ.

«А отъ Ермакова приходу и по-ся-мѣста пытался есмь встрѣчно стоять! А Сибирь не язъ отдалъ: сами естя взяли!

«И нынѣ попытаемъ мириться—любо будетъ на конецъ лучше!

«А съ Ноган есмь—въ соединенія и только съ обѣихъ сторонъ станемъ: и княжад казна шатнется!

«И язъ хочу правдою помириться, а для мвру на всякое дѣло снисходительство учиню!» (80)

Въ этой смѣсь моленій и угрозъ ясно высказываетъ Кучумъ и свою горькую жизнь и свои грубыя, но пылкія чувства; онъ благоговѣлъ предъ волею русскаго царя и жаждалъ слышать его повелѣнія.

Русскій царь свисхель на его желанія, услышавъ присланнаго имъ вѣстника и, упоминая о всегдашнихъ даняхъ сибирскихъ властителей московскимъ государямъ, такъ, или почти-такъ отвѣчалъ, въ 1597 году, непокорному Кучуму (81) въ длинной, чувствительной и трогательной грамматѣ, имѣвшей цѣлю доказать сибирскому царю всю его виновность и дерзость непослушанія.

«Послушай! не-уже-ли ты думаешь, что ты мнѣ страшенъ, что я не покорю тебя, что рати у меня не хватить? Нѣтъ, много у меня воинской силы! Мнѣ жаль тебя: тебя щадя, не шлю я бѣльшей рати, я жду пока ты самъ явишься въ Москву, предъ мои свѣтлыя очи. Ты знаешь самъ, что надъ тобою сталося, и сколько лѣтъ ты казакѣмъ кочуешь въ полъ, въ трудахъ и вѣшеть?.. а медлишь покориться! ты вспомни про Казань, про Астрахань: онѣ сильнѣй Сибири были, а покорились русскому царю. Ты ждешь чего? Друзья тебя оставили; два сына въ полону; Сибирь взята; ты изгнанъ; всюду на твоей землѣ другіе города построены; Сибирь вся подъ моею державою; я царь Сибири — а ты...? Ты сталъ казакъ, изгнанникъ, одинокій, оставленъ всѣми; жизнь твоя виситъ на волоскѣ! Одно лишь слово изреку я воеводамъ—и ты погибъ! Но знай, что Русскій царь — царь милосердый. Обычай нашъ—гнѣвъ претворять на милость, казнь жизнью замѣнять, за зло платить добромъ. Я все готовъ забыть, все твои вины, все неправды, готовъ на милости, готовъ излить щедроты давнишнему врагу, рабу-ослушнику; но покорись, не выпуждай меня на гнѣвныя вельня. Явись въ Москву: захочешь мнѣ служить и жить вмѣстѣ съ дѣтми — останься, мнѣ будетъ пріятно — я награжу тебя и одѣлю богатствомъ, дамъ тебѣ деревни, села, города, всего прилично съ твоимъ саномъ. А не захочешь ты при мнѣ служить, задумаешь въ Сибирь, опять на старое мѣсто — пожалуй, съ Богомъ! Я готовъ хоть и въ Сибирь тебя отправить, готовъ пожаловать тебѣ твой прежній юртъ, сдѣлаю тебя царемъ и честь тебѣ воздамъ какъ слѣдуетъ царю Сибири... но прежде покорись и пріѣзжай въ Москву!»

(80) Собраніе Госуд. Грамматъ и Договоровъ, т. II, № 66.

(81) Вотъ слова подлинной граммати, изъ которой мы, для краткости исключили полный титулъ въ началѣ и потомъ слишкомъ-часто встрѣчающіеся слова «Великій государь царь и великій князь Феодоръ Ивановичъ всеа Русіи самодержецъ»; кромѣ того не помѣстили родословной царей сибирскихъ, данниковъ Москвы древнихъ времянь, до Етигера.

«Бога единого, безначальнаго и безконечнаго, и невидимаго, страшнаго и неприступнаго, превыше небесъ пребывающаго, властвующаго силами небесными, и единымъ безсмертнымъ словомъ премудрости своея видимая и невидимая вся сотворенаго и самодерж(ащаго), божественнымъ духомъ вся оживляющаго, (нед)реманнымъ (о)комъ землю призирающаго и всяческая на ней устроющаго, и утѣшенія

Кромѣ этого, русскій государь дозволилъ и Абдул-Хайру написать письмо къ несчастному отцу. Абдул-Хайръ писалъ къ Кучуму тоже о милостяхъ къ себѣ и къ брату своему Махмет-Кулу—писалъ, какъ ихъ

благая вѣсть человѣкомъ подающаго, его же въ трехъ имянехъ трепещуть и боятся небесная, земная и преисподняя, того единого Бога нашего... и... славимаго и покланяемаго (слѣдуетъ весь титулъ царя), нашего царскаго величества милостивое слово, съ великимъ жалованьемъ повелѣнье Кучуму-царю.

Изъ давнихъ дѣтъ сибирское государство была вотчина прародителей нашихъ, блаженные памяти великихъ государей русскихъ царей и съ сибирскія земли всякую дань давали нашимъ прародителямъ-царемъ... (исчисляются сибирскіе князья данники).

«А какъ ты, Кучюмъ-царь, учинился въ сибирской землѣ царемъ и ты отцу нашему, блаженные памяти великому государю царю Ивану Васильевичу, послушаешь былъ и дань съ сибирскія земли присылалъ, а отецъ нашъ, блаженные памяти, тебя въ своемъ царскомъ жалованьѣ держалъ, подъ своею царскою высокою рукою.

«А послѣ того ты, Кучюмъ-царь, отъ отца нашего, блаженные памяти царя Ивана Васильевича и отъ его царскаго жалованья отсталъ и, отъ таково великаго государя, отъ его царскія милости отставъ, непослушникомъ учинился еси: и дани давать не почалъ еси, и сына боярскаго, Третьяка Чабукова, который былъ посланъ для дани, убилъ еси, и на наши украинные мѣста, въ черемскую землю, войною многіжда приходилъ еси!

«И за такія твои грубости и неправды что надъ тобой сталося — то самъ вѣдаешь!

«А какъ по нашего царскаго величества повелѣнью наши люди, пришедъ въ Сибирь, тебя съ царства согнали и сибирскую землю взяли, — а ты пошелъ въ казакѣхъ кочевати и во многія времена, будучи еси на полѣ, нашему царскому величеству грубости и непослушанія чинилъ еси: мимо наше царское жалованье самъ ты, Кучюмъ царь, на сибирскіе волости приходилъ еси.

«А съ тобою былъ еси племянникъ твой Махмет-Куль царевичъ, да сынъ твой Абдюль-Хайръ царевичъ и оба тѣ царевичи нашимъ людемъ въ руки попались и къ нашему царскому величеству въ полоненникѣхъ приведены, а люди твои многіе побиты. И за твои грубости и неправды и за непослушанье племянникъ твой Махметъ Куль царевичъ и сынъ твой Абдюль-Хайръ царевичъ достойны были смертныя казни — да мы, великій государь, милостивый, истинный великій царь, крестьянскій государь, не смотря на твои грубости и неправды — племяннику твоему Махметъ-Кулу царевичу и сыну твоему Абдюль-Хайру царевичу казни имъ смертную отдали и пожаловали ихъ въ нашемъ государствѣ — устроити велѣли своимъ царскимъ жалованьемъ, города и волостями и деньгами устроити по ихъ достоинству.

«А нынѣ съ Божією помощію, нашего царскаго величества по повелѣнью, въ нашей отчинѣ, въ сибирской землѣ — города поставлены, и въ тѣхъ городѣхъ осадные люди съ военнымъ боемъ устроены.

«А большіе своей рати въ сибирскую землю на тебя, на Кучюма царя, послали есмь не велѣли для того, что ожидали есмь отъ тебя, отъ Кучюма царя, обращенья, чаяли того, что ты, узнавъ свои вины и неправды — нашему царскому величеству добыешь челомъ и нашего царскаго величества жалованье на себѣ видѣти похочешь.

«А только бы по нашего царскаго величества повелѣнью наша большая рать по слава была въ Сибирь — и тебя бы нашли! гдѣ бы ты ни былъ! и неправды бы твои надъ тобою отомстили.

«Да и потому есмь на тебя нашей рати не велѣли посылати, что прежь сего — тому четвертый годъ, присылалъ еси къ нашему царскому величеству челомъка своего Мегмета съ грамотою, а въ грамотѣ своей писалъ еси намъ съ... прошеньемъ, чтобъ намъ тебя пожаловать, торгъ твой тебѣ отдати и племянника твоего отпустить къ тебѣ, а ты въ нашемъ царскомъ жалованьѣ будешь подъ нашею царскою высокою рукою.

«И мы, великій государь, хотѣли тебя пожаловать—устроити на сибирской землѣ

обоихъ царь одѣлилъ и землями, и волостями, писалъ, что царю русскому служатъ многіе цари и царевичи, просилъ Кучума прѣхать въ Москву и извѣщалъ, что ему навѣрное извѣстно желаніе царя награ-

---

царемъ, какъ было тебѣ быти въ нашемъ царскомъ жалованьи впередъ крѣпку и неподвижну. А племянникъ твой, Махметъ-Куль царевичъ, нынѣ устроенъ въ нашемъ государствѣ и пожалованъ городами и волостями по его достоинству и служить нашему царскому величеству.

«И послѣ того прѣхалъ къ нашему царскому величеству въ службу, изъ твоего, улусу, Чин-Мурза, Иль-мурзинъ сынъ, Исуповъ съ своимъ улусомъ, и наше царское величество Чин-Мурау пожаловали городами и волостями и деньгами — и нынѣ намъ, великому государю, служить.

«А... кове мѣрѣ казакомъ кочуешь на полѣ, не со многими своими людьми — то нашему царскому величеству вѣдомо. А которые ногайскіе люди, тайбугинъ юртъ которые кочевали вмѣстѣ съ тобою — отъ тебя отстали, на которыхъ людей была тебѣ большая надежда! А Чин-Мурза отѣхалъ къ нашему царскому величеству и нынѣ, по нашему царскому жалованью — вамъ служить. А достальные твои люди — отъ тебя пошли прочь съ царевичи съ Канаемъ да съ Бѣделинемъ; а иные пошли въ Бухары и въ Поган, въ казакую орду, а съ тобою нынѣ люди не многіе — то нашему царскому величеству подлинно вѣдомо.

«А хоти бѣ съ тобою были и многіе люди — и тебѣ, по своей неправдѣ, противъ нашея рати какъ стоять?

«Вѣдаешь и самъ, какія были мусульманскія великія государства — Казань да Астароханъ — и тѣ государства, съ Божіею помощію, отецъ нашъ, блаженныя памяти царь Иванъ Васильевичъ, пришелъ своею царскою персоною — такія государства поймалъ — и нынѣ наше царское величество тѣ государства, съ Божіею помощію, держитъ.

«А тебѣ — будучи на полѣ и живучи казакомъ — отъ нашея царскіе рати и отъ вогненного бою .. избыти, и нынѣ за твои прежніе грубости и неправды пригоже было намъ на тебя послати (своа большая) рать съ вогненнымъ боемъ и тебя со всѣмъ покорити:

«Да мы, царь всеа Русіи — истинный хрестыанскій, милостивый государь, по своему милосердому царскому обычаю, смертнымъ — животь даемъ и виннымъ — милость кажемъ!

«И на такіе твои прежніе грубости, и неправды, и непослушанье не смотря, выдаче тебя въ такой нынѣ негодѣ — наше царское, жаловальное слово тебѣ объявляемъ, чтобъ ты, Кучумъ царь, ѣхалъ къ нашему царскому величеству, буде хочешь нашему царскому величеству служить — безо всякаго сумнѣнія и съ своими дѣтьми, которые нынѣ съ тобою похотятъ ѣхати и наши царскія пресвѣтлыя очи видѣть.

«А какъ у нашего царскаго величества будешь и наши царскія очи увидишь — и мы тебя пожалуемъ своимъ царскимъ великимъ жалованьемъ. И похочешь, будетъ, быти здѣся, въ нашемъ государствѣ московскомъ, при нашихъ царскихъ отѣхъ, и близко нашей царской милости — и мы тебя пожалуемъ своимъ царскимъ жалованьемъ, устроиши велимъ городами и волостями и денежнымъ жалованьемъ, по твоему достоинству, также какъ и иныхъ царей и царевичей жалуемъ, которые служатъ нашему царскому величеству.

«А будетъ, бывъ у насъ и наши царскіе очи увидѣвъ, похочешь быти на прежнемъ своемъ юртѣ, въ Сибири — и мы, великій государь, тебя, Кучума царя, пожалуемъ на сибирской земли царемъ и въ нашемъ царскомъ жалованьи учнемъ тебя держати милостивно.

«Писано въ лѣто 7105 (1597).» (Собраніе Госуд. Грамматъ и Договоровъ, т. II, № 68.)

дять и пожаловать бѣднаго изгнанника, сообразно съ его прежнимъ величіемъ (82).

Кучумъ не послушалъ милосердаго призыва.

Участь его была рѣшена.

Донесенія тарскаго воеводы Воейкова къ царю открываютъ намъ слѣдующія подробности о послѣднихъ дняхъ и послѣднихъ бѣдствіяхъ

(82) «*Цареву величеству* холопъ вашъ, Абдюль-Ханиръ царевичъ множествомъ много челомъ бьетъ.

«Прежь сего присылали есте къ великому государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичу всеа Русіи самодержцу, къ его царскому величеству, человѣкъ своего Мегмета съ грамматою, и въ граммати своей царскому величеству писали есте, чтобъ великій государь царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи самодержецъ тебя пожаловали юрты... отдати велѣли и брата нашего Мегметъ-Кула... къ тебѣ отпустить велѣлъ. А язъ въ тѣпоры былъ у царскаго величества въ опалѣ. И били есмь челомъ великому государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичу всеа Русіи самодержцу, чтобъ великій государь меня пожаловалъ, поволитъ мнѣ написати тебѣ граммату, а ты вины своя по克罗ешъ, учинишься подлѣ его царскою рукою и сына своего царевича къ его царскому величеству пришьешь. И великій государь царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи самодержецъ, не памятуя предъ своимъ царскимъ величествомъ винъ нашихъ, поволитъ мнѣ отъ себя написати къ тебѣ граммату, а ты по той м(оей) граммати ничего не учинилъ — къ великому государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичу, всеа Русіи самодержцу, къ его царскому величеству... ни самъ не приѣхалъ, ни царевича не прислалъ.

«И нынѣ великій государь царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ, всеа Русіи самодержецъ, милостивый, истинный великій царь, крестьянскій государь, не смотря на наши грубости и неправды, меня пожаловалъ, казнь смертную отдалъ и пожаловалъ меня (города) и волостями съ братомъ съ моимъ, съ Магметъ-Куломъ царевичемъ вмѣстѣ.

«А про *ваше царво величество* слухъ доходить, что пребыванье твое — нужно, и скудость великая, и братья наши, царевичи Канай да Иделинъ со многими людьми, пошли отъ тебя прочь, а съ *вашимъ царевымъ величествомъ* немногіе люди остались.

«И мы съ братомъ своимъ съ Магметъ-Куломъ царевичемъ били челомъ великому государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичу всеа Русіи самодержцу, его царскому величеству, чтобъ насъ царское величество пожаловалъ, поволитъ намъ написати къ тебѣ граммату, а *ваше, царемъ, царво величество* нынѣ похочеть быть подлѣ великаго государя его царскаго величества рукою.

«И великій государь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи самодержецъ... поволитъ, а приказалъ намъ написати къ вамъ граммату и вы бѣ, *царво величество*... къ великому государю и великому князю Ѳедору Ивановичу всеа Русіи самодержцу... (приѣхали на Москву?).

«А то намъ, царскаго величества, отъ печатнаго и посольскаго дьяка Василья Яковича (Шел)калова вѣдомо есть: будетъ похочешь быти при царскомъ величествѣ, при его пресвѣтлыхъ очехъ и великій государь царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи самодержецъ тебя пожалуетъ своимъ царскимъ жалованьемъ, города и волостями и денежнымъ жалованьемъ, по твоему достоинству. А у великаго государя царя и великаго князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи самодержца, у его царскаго величества служатъ многіе цари и царевичи и в(ое)водичи волоскіе и мугьянскіе и изо многихъ государствъ государскіе дѣти — и тѣ всѣ в(ъ) великомъ) жалованьѣ живутъ безъ оскудѣнія.

«А буд(еть, будучи) у царскаго величества, похочешь бы(ти на своемъ) юртѣ, въ Сибири и царское величество (тебя) своимъ жалованьемъ пожалуетъ—(въ сибирской землѣ) царемъ велитъ быти.» (Тамъ же, № 67.)

перваго и послѣдняго сибирскаго властителя, чествуемаго отъ нашего двора титуломъ царя.

Воевода Воейковъ отправился изъ Тары въ походъ на Кучума 4 августа 1598 года. Изъ Тары онъ вывелъ отрядъ, который составляли три сына боярскіе, два атамана, сто человекъ Литвы и казакъ, 30 человекъ служилыхъ юртовскихъ Татаръ и 60 человекъ ясачныхъ, волостныхъ Татаръ; съ этимъ отрядомъ соединились отряды изъ другихъ городовъ, такъ-что всю численную силу рати Воейкова составляли три сына боярскіе, татарскій голова Черкасъ Александровъ, три атамана и четыреста, безъ трехъ, Литвы, казакъ и Татаръ.

10 августа, въ предѣлахъ нынѣшней Барабинской-Степи, Воейковъ послалъ татарскаго голову Черкаса Александрова съ однимъ боярскимъ сыномъ, въ турашскую волость добывать языковъ. Голова доставъ языковъ.

Языки сказали, что Кучумъ велѣлъ имъ жить на Убѣ, а самъ онъ кочуетъ на Черныхъ-Водахъ; людей у него 500 человекъ, да торговыхъ Бухарцевъ пятьдесятъ.

15 августа воевода Воейковъ пришелъ на Убѣ-Озеро (Убинское, на сѣверо-востокъ отъ озера Сартлана и Чановъ), захватилъ тамъ всѣхъ лучшихъ людей, сталъ ихъ выпытывать про Кучума и узналъ, что Кучумъ съ Черныхъ-Водъ ушелъ на рѣку Обь, гдѣ у него хлѣбъ сѣявъ.

На другой день, казаки привели къ Воейкову, со степи, изъ барабинской волости, новыхъ языковъ. Они подтвердили тѣ извѣстія, которыя собраны были наканунѣ, но къ этому прибавили, что Кучумъ собирается войною на Тару, что онъ скоро хочетъ на нее идти, и что, кромѣ наличной орды въ 500 человекъ, у него есть еще много приверженцевъ по окрестностямъ.

Воейковъ отделилъ отъ своего отряда небольшую команду и послалъ ее на этихъ приверженцевъ, по указаніямъ языковъ, а самъ двинулся впередъ на Кучума.

Пунктъ пребыванія Кучума былъ, по донесенію Воейкова, на Оби, и именно въ трехъ днищахъ выше Чатъ (Чанъ), на дугу, на Ормени, отъ Колмаковъ въ двухъ днищахъ (83).

Съ самаго начала похода, Воейковъ шелъ «наспѣхъ, день и ночь».

(83) Мы полагаемъ, что «Черныя-Воды» переводъ слова Кара-су. Южнѣе Чановъ есть и озера *кара-суцкия* и рѣка *кара-суцъ*. Вершины Карасука сближаются съ крутымъ изворотомъ рѣки Оби между городомъ Колыванью и селеніемъ Крутихою (на пол-пути водой отъ Колывани до Барнаула), въ предѣлахъ нынѣшней Томской-Губерніи и именно въ Колыванской-Области. Затрудненіе въ томъ еще: какъ понимать выраженіе: *выше Чатъ*? Были ли сами Чаты на Оби, или это просто значить — къ югу отъ Чатъ, то-есть, именно отъ озера Чаны? вотъ вопросы, которые положительно еще не разрѣшены. Если воеводы наши знали про Убинское-Озеро — то имъ нельзя было не знать и про Чаны, а между-тѣмъ этого названія мы рѣшительно нигдѣ не встрѣчали. Принявъ, что Чаты то же, что и Чаны — мы поймемъ и выраженіе князя томской волости, Еуштинскаго — Тояна, что отъ мѣстъ его кочевья, то-есть, отъ рѣки Томи, до Чатъ — ходу 10 дней. (См. прим. 88.)

Весь походъ былъ совершенъ въ 16 дней, и 20 августа, на зарѣ, воевода явился въ становище Кучума.

Русскій отрядъ дѣйствовалъ стрѣлами и пищалями; у Татаръ «вогненнаго бою», вѣроятно, не было; но какова была битва, каково было ожесточеніе Татаръ, если этотъ, по-видимому, неравный бой, при еднородіи и энергіи кучумовыхъ Татаръ и при разноплеменности нашего отряда, продолжался отъ солнечнаго восхода до полудня!

Вотъ краснорѣчивый результатъ этого отчаяннаго боя, въ которомъ наши казаки «дрались явственно».

Убиты:

Илитень, братъ Кучума;

Канай, сынъ Кучума;

двое дѣтей спасшегося бѣгствомъ царевича Алея;

шесть князей;

десять мурзъ;

пять аталыковъ;

150 человекъ ратныхъ.

Этого мало: 100 человекъ Татаръ ударились въ бѣгство и бросились въ Обь, въ надеждѣ переплыть ее; пощады имъ не было и тутъ: воевода велѣлъ стрѣлять по нимъ изъ пищалей и изъ луковъ, и все они погибли.

50 человекъ Татаръ взяты въ плѣнъ; Воейковъ доносилъ царю, что онъ ихъ велѣлъ — кого приколоть, кого перевешать: таково было ожесточеніе, еще болѣе возбужденное кровопролитною битвою.

Спаслось всего человекъ «съ пятьдесятъ», но и ихъ вскорѣ нагнали и всѣхъ извели.

Захвачены въ плѣнъ, сохранены и отправлены въ Москву:

Сыновья Кучума, *царевичи сибирскіе*: 1) Асманагъ, 30 лѣтъ; 2) Шамъ, 20 лѣтъ; 3) Бибадша, 8 лѣтъ; 4) Молла, 4 лѣтъ и 5) Кумышъ, одного года.

Жены Кучума, *царицы сибирскія*: 1) Большая, Салтанымъ съ дочерью, царвеною Тулунбекъ, 3-хъ лѣтъ; 2) Сюйдежанъ съ дочерьми, царвнами: Дернадшей, 10 лѣтъ, Мондуръ 6 лѣтъ и Карачанъ 3 лѣтъ; 3) Яндеветъ, 4) Актолунъ съ 14-ти лѣтнею дочерью, царвною Гулсыфатъ; 5) Аксюрюкъ, съ трех-лѣтнею дочерью, царвною Акханымъ; 6) Шевлели съ дочерью, царвною Азеп-Салтанъ, 11 лѣтъ; 7) Кубулъ-царица и 8) царица Чешпанъ, мать Абдул-Ханра.

Кромѣ поименованныхъ семи царевенъ, была еще царевна, 14-ти лѣтняя дочь Кучума, Кумызъ.

Всѣхъ съ ними попали въ плѣнъ:

Жена старшаго кучумова сына, Алея, дочь ногайскаго князя Тин-Ахмета, Ханзада съ сыномъ Янсюеромъ, 4 лѣтъ.

Жена другаго кучумова сына Каная, дочь ногайскаго князя Уруса, Данай, съ дочерью Наврузбекъ.

Кучумова зятя, ногайскаго мурзы, измаилова внука, Беги-мурзы, убитаго въ битвѣ на Оби, сынъ Зіен-Махметъ съ сестрою Лалтотасей.

Сибирскіе мурзы Бейтерекъ Чеплемишевъ съ женою, Тока Козяковъ,

Исенгильдей Тойлаковъ, Короявда Карамышевъ и нѣсколько мужской и женской прислуги.

Плѣнникамъ царь велѣлъ объявить, что «царева кучумова передъ государемъ была неправда многая — и за то надъ нимъ такъ Богъ и учинилъ; но чтобъ они не сумнялися: русскій царь милостивъ, онъ «казнить ихъ не велить, а велить, по своему милосердому обычаю, «устроить, какъ бы имъ быти безъ нужи».

Но не смотря на строгіе указы, чтобъ приставленные къ высокими плѣнникамъ люди, имѣли къ нимъ береженъе, охраняли ихъ отъ нуждъ, обидъ и безчестья, хорошенько ихъ кормили и поили виномъ и медомъ (что разрешено было забирать и въ монастыряхъ, еслибъ случилось, что кабаковъ на дорогѣ по близости не было) — все безъ маленькихъ непріятностей дѣло необходимо: то никто не хотѣлъ давать имъ корму безъ особаго царскаго указа, то продавцы заламывали страшныя деньги противъ указной оцѣнки, то денегъ не хватало, то нигдѣ не могли сѣискать патоки, вина и меду, до которыхъ «ихъ царѣвы величества» были, кажется, очень-лакомы.

Были и другія не столь мелкія горести. Такъ однажды царевичъ Асманакъ «изнемогъ съ кручины», что его разобидѣлъ конный казакъ Пятунька Петровъ. Въ то самое время, когда у царственнаго семейства вышелъ послѣдній запасъ хмѣльнаго а ему очень-хотѣлось потѣшиться русскими шипучими медами, «Пятуня пришелъ къ царевичу «чашъ пьянъ, ночью, бранился и лаялся»... весьма неблагопристойно. Вообще, прибавляютъ царскіе приставы, казаки ведутъ себя изъ-рукъ-вонъ-дурно: «и Татарамъ чинятъ тѣсноту великую, да и насъ-то, хо-«лопей твоихъ государевыхъ, вовсе не слушаютъ (говорятъ: мы-де «вамъ не приказаны! таковы жъ-де и мы, что и вы!), ходятъ всегда «пьяни (берутъ не вѣдомо откуда), воруютъ, и къ царевичамъ и къ «царицамъ ходятъ безчинно».

Годуновъ смилвался надъ несчастными, хотя и дикими, по все же царственными плѣнниками, нѣстрога заказалъ дѣлать имъ малѣйшія непріятности, безпрестанно посылалъ имъ вина и медовъ и тѣшилъ ихъ, отъ царскихъ щедротъ своихъ, яблоками, изюмомъ, винными ягодами, шафраномъ, толченымъ перцемъ и разными другими лакомствами; наконецъ съ избыткомъ одарилъ ихъ платьями цвѣтными, шубами дорогими, шелковыми матеріями и бархатами, отвелъ всѣмъ имъ въ Москвѣ удобныя квартиры и далъ приличное, сообразное съ тогдашними временемъ и обстоятельствами, безбѣдное содержаніе.

Но Кучумъ опять не дался намъ въ руки!

Во время послѣдняго разгрома, онъ, самъ-третей, уплылъ въ лодкѣ, *снизу* по Оби.

Воейковъ пустился-было со всею ратью за намъ въ погоню, перешагнулъ на плоту рѣку Обь, полагая, что Кучумъ тутъ гдѣ-нибудь скрывается въ лѣсу, бросился въ разсыпную, искалъ его вездѣ—но Кучумъ скрылся.

Онъ былъ еще живъ, хотя сначала и ходили слухи, будто-бы онъ утонулъ въ Оби.

Вскорь послѣ того, Воейковъ послалъ кучумова сента, Тул-Махмета, отъискать Кучума и сказать ему, чтобъ онъ сдался, чтобъ онъ повѣдалъ къ царю, служилъ ему вѣрою и правдою, что воцарился новый царь, государь милостивый, Борисъ Федоровичъ Годуновъ, что онъ Кучума-царя помилуесть, пожалуесть его своимъ царскимъ жалованьемъ, отдасть ему и дѣтей и женъ...

— Не повѣдалъ я самъ къ государю, по государевой грамматѣ, по государеву зову, пока еще я былъ человекомъ, такъ ужъ теперь мнѣ идти на вѣрную смерть что за неволя? Я ужъ и то и старъ, и глухъ, и слѣпъ, и совсѣмъ пропалъ! Отняли вы у меня, старика, и послѣднюю podporу, сына моего-кормильца Асманака царевича. Лучше бѣ вы у меня всѣхъ моихъ дѣтей поотняли, да Асманака мнѣ одного оставили. Ну, что я безъ него теперь?... Пойду къ Ногаямъ, а сынъ пускай идетъ въ Бухары... (84).

Вотъ каковъ былъ отвѣтъ Кучума Воейкову черезъ Тул-Махмета: семнадцать лѣтъ потерь, неудачь, лишений, гора — не переломили желѣзной воли этого человѣка!

Тул-Махметъ возвратился 5 октября 1598 года и рассказывалъ воеводу, что онъ нашелъ Кучума за Обью (значить, по правому берегу, гдѣ-нибудь между Чумышемъ и Берлюю, въ предѣлахъ нынѣшней Томской-Губерніи), въ лѣсу, внизъ по Оби, въ двухъ днищахъ отъ побойца; съ нимъ было три сына, да человѣкъ тридцать Татаръ.

Кучумъ водилъ сента къ побойцу — хоронить тѣла вѣрныхъ друзей своихъ.

Онъ собрался въ Ногаи, но... время холодное, далеко...

Кто-то, добрый человѣкъ, сжалился надъ сибирскимъ царемъ, далъ ему коня и шубу.

«Царь Кучумъ бѣжа въ Ногаи — и тамо убиенъ бысть отъ Ногаи, еже бо ему рекоша: яко ты здѣ пребывасиши, да и намъ тако же сотворати, яко же и тебѣ!»

«И ту сконча животь свой!» (85).

(84) Акты Ист. Археогр. Комм., т. II, №№ 1, 2, 4, 7, 11 — 13, 15 — 17, 19 и 21 — 23. — Подлинныя рѣчи Кучума Тул-Махметъ передалъ Воейкову такъ:

«Не повѣдалъ-деи я къ государю по государевѣ грамматѣ своею волею, въ кондеи пору я былъ совсѣмъ цѣлъ, а за саблю-деи мнѣ къ государю ѣхать не по-что! А нынѣча-деи я сталъ глухъ, и слѣпъ и безо всего живота. Взиди-деи у меня промышленника, сына моего Асманака царевича: хотя бы-деи у меня всѣхъ дѣтей поимали, а одинъ бы-деи у меня остался Асманакъ — и язъ бы-деи объ немъ еще прожилъ. А нынѣча-деи я иду въ Ногаи, а сында-деи я своего посылаю въ Бухары...» Кучумъ побѣжалъ вверхъ по Оби... а сента отпустилъ.

Выраженіе «ѣхать за саблю» — здѣсь значить «идти на вѣрную смерть».

Мухаммедавскія и вообще инородческія племена Сибири, при произнесеніи присяги на подданство московскому государю, исполняя нѣсколько обрядовъ, въ числѣ которыхъ было и лизаніе кровавой сабли; въ словахъ клятвы въ вѣрности — было заклятіе *сыски мою голову та вострая сабля*; саблю эту держали въ то время надъ головой присягающаго или рубили ею собакъ. (См. Собраніе Госуд. Грамматъ и Договоровъ, т. II, № 145 и т. IV, № 197.)

(85) Считаеиъ неизлишнимъ приложить здѣсь одну граммату, интересную какъ по внутреннему своему содержанию, такъ и по извѣстію, что казаки убили Кучума.

ГЛАВА X-Я И ПОСЛЕДНЯЯ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Нѣсколько мыслей о личности Ермака.

- Вы изъ чего такъ хлопочете? Вамъ-то какое тутъ дѣло?
- Вотъ, вѣтъ охота жь пришла человѣтку пускаться на споры...
- Есть изъ чего хлопотать!.. да впрочемъ, кто жь вамъ повѣритъ?
- Дѣло другое — скажи это тотъ, кто поголосистѣй —
- Академикъ, Французъ, или велемузрый пѣмецъ —
- Ну, тогда аппеляция вѣтъ: развѣчана слава!
- Дѣло съ концомъ!.. а то, прости Господи. . . . .

Ю. Вьявляпъ.

Итакъ мы кончили свои нехитрые и далеко неполные рассказы о Ермакѣ и о Кучумѣ; передали, безъ увлеченія, въ пользу своихъ или въ пользу чужихъ, простыя сказанія лѣтописцевъ; показали, какъ

Вѣроятно, слово *убили* зѣбѣ равносильно слову *разбили*, но не болѣе. Граммату эту мы беремъ изъ Миллера (стр. 306 и 307):

«Отъ царя и великаго князя Михайлы Оедоровича всеа Русіи въ Сибирь, въ тюменской городъ, воеводамъ нашимъ, князю Михайлу Борисовичу Долгорукову, да Юрю Аванпогеновичу Релрикоу.

«Билъ намъ челомъ тюменскаго города конный казакъ Гаврилко Пазновъ; а сказалъ:

«Служилъ-де онъ блаженныя памяти *государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, государю царю и великому князю Оедору Ивановичу всеа Русіи, и царю Борису Оедоровичу всеа Русіи, и царю Василью Ивановичу всеа Русіи* и намъ великому государю — *въ Сибири сорокъ два года*, а прежде того онъ служилъ намъ на полѣ двадцать лѣтъ у *Ермака въ станицѣ* и съ иными атаманы.

«И какъ съ Ермакомъ Сибирь взяли и Кучума царя съ куреня *сбили*, а парство сибирское намъ *взяли*, и мурзъ и Татаръ разорили и онъ-де былъ посланъ съ Ондреемъ съ Воейковымъ на нашу службу на того же Кучума царя и Божію-де милостию и нашимъ счастіемъ тово царя Кучума на Обѣ рѣкѣ погромили, и его *убили* и жены его и дѣти *взяли*.

«Да его же-де посылалъ на *Алея* царя бояринъ нашъ и воевода Матвѣй Михайловичъ Годуновъ съ воеводоу съ Назарьемъ Изъѣдниковымъ и того-де *Алея* царя *взяли* и женъ и дѣтей *попмани*.

«Да онъ же-де въ Сибири ставилъ Томской городокъ при воеводѣ Гаврилѣ Писемскомъ; да онъ же-де ставилъ городъ Тюмень при воеводѣ Васильѣ Сукнинѣ; да онъ же-де посыланъ былъ въ Кузнецы для нашего ясаку и первый-де ясакъ *взяли*; да онъ же-де Тобольскій городокъ ставилъ при воеводѣ Данилѣ Чулкоу; да онъ же-де Тарской городокъ ставилъ при воеводѣ при князѣ Авдрѣѣ Елецкомъ; да онъ же-де ставилъ Пелымской городъ при воеводѣ при князѣ Петрѣ Горчаковѣ; да ево же-де посылалъ на нашу службу бояринъ нашъ и воевода Матвѣй Михайловичъ Годуновъ *головствомъ на калмыцкихъ людей, и они-де калмыцкихъ людей погромили* и женъ и дѣтей въ *полонѣ* *взяли*.

«А нынѣ-де на Тюмени у нихъ у конныхъ казаковъ — *атамана* нѣтъ и намъ бы его пожаловати, велѣти ему быти въ Тюменскомъ городѣ у конныхъ казаковъ въ *атаманѣхъ* на Степаново мѣсто — Онтропьева, а Степанъ-де нынѣ служитъ на Тюмени *въ дптвѣхъ боярскихъ*.

«И какъ къ намъ ся наша граммата придетъ, а то, будетъ. Степана Антропьева мѣсто порожино — *атамана* на его мѣсто у конныхъ казаковъ вѣтъ — и вы бѣ Гаврилку Иванова, за тѣ его двоигя службы, велѣти въ Тюменскомъ городѣ быти у тюменскихъ, у конныхъ, казаковъ въ *атаманѣхъ*.

«Писавъ въ Москва въ лѣта 7131 (1623) году февраля въ 23 день.»

Ермакъ, «сей витязь счастливый», пришелъ въ Сибирь, какъ онъ со- гналъ съ мѣста (съ куреніи обрлѣ) сибирскаго царя, какъ Кучуму при- велось перенести свое кочевье вверхъ по Иртышу, какъ, наконецъ, Рус- скіе его настигли и уничтожили... все, кажется, шло просто, какъ нельзя-быть проще, безъ чудесъ, естественно, своимъ порядкомъ, и кажется такъ, что этому дѣлу случиться иначе и невозможно было.

Но отъ-чего жь до Ермака этого не случилось?

Отъ-чего жь послѣ Ермака не повторилось чего-нибудь подобнаго, въ томъ же размѣрѣ?

Не-уже-ли одному Ермаку на роду написано было такое счастье?

Слѣное счастье! Надобно же было простому казаку, волжскому казаку, забрать въ голову счастливую мысль — идти въ Сибирь; надобно же было счастью помочь ему счастливо добраться до Сибири, счастливо побѣждать Татаръ, счастливо не умереть съ голоду, счастливо не замерзнуть отъ морозовъ, счастливо овладѣть Сибирью, счастливо два года держаться въ ней, счастливо не упустить ея изъ рукъ, счастливо угадать путь другимъ, счастливо заставить все потомство чтить его память...

Нѣтъ, тутъ ужь изъ-рукъ-вонъ много счастья!

Неволью вспомнишь слова другаго русака-счастливица: «все счастье да счастье—надо же, помилуй Богъ, вѣд и ума сколько-нибудь!»

Посмотримъ, много ли было ума у простояднина времянь Грознаго —у Ермака, и сколько его пошло на дѣло завоеванія Сибири.

Если предположить, что первоначальный проблескъ мысли «идти въ Сибирь» былъ безсознательный, то мысль эта такъ — хорошо со- зрѣла, такъ — хорошо обдумана Ермакомъ, чтобъ ее можно было назвать коротко «счастливымъ наитіемъ». Мысль эта такъ необыкновенна, такъ хитра, такъ въ ермаковомъ положеніи велика, что, привавшись обдумывать предметъ съ этой стороны, мы принуждены цѣпать какой-нибудь оцоры, чтобъ понять «логичность» ермакова похода. Мы неволью перевертываемъ нѣсколько страницъ, и все вниманіе свое устремляемъ на какое-то преданіе (глава V) о томъ, что Ермакъ былъ кам- скій уроженецъ, или, вѣрнѣе, тутошный житель, котораго, въ моло- дыхъ лѣтахъ, привезли сюда родители на кличъ о заселеніи закам- ской стороны охотниками, и который имѣлъ время и средства изучить страну. Внутренняя, нравственная, положимъ, тайная связь должна существовать между Ермакомъ и Чусовою. По всему видно, что онъ прв- шелъ не въ чужое мѣсто, а въ знакомое ему захоlustь, гдѣ онъ издавна набрался свѣдѣній и о путяхъ, ведущихъ за Камень, и о сосѣдяхъ, о ихъ бытѣ и о степени гражданскаго порядка. Ермакъ не пошелъ на Яикъ, подобно нѣкоторымъ казачьимъ шайкамъ, не бросился и въ про- тивоположную сторону за другими партіями, не кинулся въ какую-ни- будь глушь, которая не сулила ему особенныхъ пріобрѣтеній — нѣтъ, удаляясь въ сѣверо-восточную Украину, онъ зналъ, куда именно онъ идетъ и зачѣмъ именно онъ идетъ. Онъ долженъ былъ впередъ и заран- вѣе сознать всѣ успѣхи, предвидѣть всѣ неудачи, чтобъ сговорить сво- ихъ многочисленныхъ товарищей послѣдовать за собою единодушно.

Ермаку много надо было иметь ума и на то, чтоб преследовать внезапно-освѣтившую его мысль; но еще больше ума надлежало ему иметь, чтобъ привести эту мысль въ исполненіе, чтобъ совершить трудный и опасный походъ на Чусовую.

Нуженъ былъ Ермаку умъ необыкновенный и для того, чтобъ уладить искусно свои дѣла на Чусовой и вести себя такъ, что тамошнее народоваселеніе не вооружилось противъ его дѣйствій, не вооружило противъ него его же товарищей, что Ермака не лишили власти, не связали и не представили мѣстнымъ правителямъ, какъ осужденнаго и бѣлаго преступника, вмѣстѣ съ Кольцомъ и другими атаманами.

Пребываніе Ермака на Чусовой, должно было ознаменоваться продолженіемъ его блистательныхъ административныхъ способностей. Онъ не могъ идти въ походъ «какъ есть»: ему нужно было обезпечить и собственную свою участь, и участь задуманной мысли, и участь всехъ своихъ товарищей.

По однимъ сказаніямъ, Ермакъ привелъ съ собой 600 человекъ, да на Чусовой навербовалъ еще 50 человекъ съ провожатыми; по другимъ — у него было только 500 казаковъ, да съ Чусовой онъ забралъ съ собой 40 человекъ. Слѣдуя Есипову, мы принимаемъ меньшее число, хотя при первомъ случаѣ готовы принять и большее, потому-что вопросъ этотъ положительно не разрѣшенъ — и дѣло чрезъ это несколько ни терлеть, ни выигрываетъ въ главныхъ своихъ основаніяхъ.

Первою мыслию Ермака для сформированія своихъ товарищей въ необходимомъ порядкѣ, было... тутъ мы затрудняемся докончить фразу, потому-что у Ермака все должно было быть главною мыслию. Раздѣлимъ же эти средства на предметы продовольствія и на предметы снабженія экспедиціи тѣмъ, безъ чего ей обойтись было нельзя.

Начнемъ съ хлѣба.

И тутъ, съ перваго же раза, мы видимъ новый, умный расчетъ Ермака. Обитатели Сибири, какъ мы уже видѣли, занимались земледѣліемъ. Ермакъ зналъ, по-крайней-мѣрѣ, онъ долженъ былъ знать, что путь его будетъ лежать мимо пашенныхъ волостей, и выбралъ для своего похода по Сибири время самое удобное, сентябрь мѣсяць, осень, когда хлѣбъ долженъ быть убранъ съ полей. Въ этомъ фактѣ нельзя видѣть удачи, или одного счастья; хлѣбъ не такой предметъ, чтобъ не подумать заблаговременно: «чѣмъ же мы жить будемъ?» Ермакъ разрѣшилъ этотъ вопросъ и, въ-слѣдствіе этого, дѣйствительно могъ не обременять себя излишнимъ количествомъ хлѣбныхъ запасовъ: будь это не къ осени и не въ видѣ вабѣга — препятствіе въ продовольствіи было бы непреодолимое.

На счетъ соли Ермаку, точно такъ же какъ и на счетъ хлѣба, надобно было мастерски уладить дѣло съ чусовскими жителями и ихъ соляными варницами. И ласковыя слова, и угрозы, и обольщенія, все было пущено въ ходъ, чтобъ пріобрѣсть необходимое. Мѣры, предпринятыя для этого Ермакомъ, намъ точно неизвѣстны, но тѣмъ не менѣе, каковы бы онѣ ни были, результатъ самый доказываетъ, что Ермакъ былъ такъ уменъ, такъ великъ, что на этой дорогѣ не могли остановили его какія-нибудь препятствія, которыхъ бы онъ не съумѣлъ бли-

стательно преодолеть. Черезъ три года, этимъ же путемъ шло царское войско; но походъ его былъ несчастливъ. Надо предположить что и-буль одно: или Болховской не умѣлъ самъ обезпечить продовольствіе своей рати, уступавшей въ своемъ числѣ ермаковой дружинѣ, или ему на Чусовой не дали столько провіанту, сколько было нужно, за неимѣніемъ и бѣдностью обитателей. Рать Болховскаго габла — Ермакъ вышелъ цѣль и невредимъ, и заслуга его, въ этомъ отношеніи, сколько блистательна, столько же доказываетъ въ немъ отличнаго администратора.

Ермаку мало было запастись однимъ хлѣбомъ: ему нужно было перевезти съ собою и рыболовныя сѣти, которыя обезпечивали въ меньшей степени существованіе его людей: сѣти—неотъемлемая принадлежность казака и могли быть привезены имъ съ Волги.

Что касается до другихъ принадлежностей, которыя мы подводимъ подъ одну категорію снабженій, начнемъ съ перваго, въ чемъ Ермакъ могъ и долженъ былъ нуждаться.

Рѣчныя суда, въ которыхъ Ермакъ прибылъ на Чусовую, не было возможности перетаскивать черезъ горы волокомъ. Такой родъ перевозки дѣлается и въ наши времена, но только не по горамъ, а тамъ, гдѣ и мѣстность, и краткость пространства, и механическія усовершенствованія даютъ къ этому возможность. По Уральскому-Хребту, по грядамъ горъ, отъ гребня до подошвы усыпаннымъ черными, гигантскими лѣсами, перетаскивать лодки съ кладью, людьми, на огромномъ протяженіи, по мѣстности, непредставляющей къ тому никакихъ способовъ, было физически-невозможно. Ермакъ долженъ былъ заблаговременно запастись всемъ, чтобы, по переходѣ горъ, «по образу пѣшаго хожденія», быть въ состояніи продолжать свой путь водою. Ему нужны были топоры, веревки, гвозди, холстъ, множество другихъ вещей, о которыхъ ему надо было подумать самому и не ставить себя въ зависимость отъ Татаръ, которые многочисленностью своею могли всю его дружину уничтожить въ прахъ: не помогли бы и ружья — непріятелю стоило только пріучиться къ ихъ грому, а мы видали, что Татары скоро успѣли освоиться и свыкнуться съ огненными стрѣлами, или самопалами казаконъ.

Наконецъ, Ермакъ долженъ былъ снабдить болѣе 500 человекъ оружіемъ. Положимъ, что главнымъ оружіемъ ихъ могли быть топоры и копья, пики или дротйки, которыхъ изготовленіе не могло затруднить казаковъ; можетъ-быть, у инаго были и сабли; но безъ сайдаковъ, обыкновеннаго вооруженія того времени—Ермаку трудно было обойтись. Татары сами дѣйствовали стрѣлами: значить, и Ермаку нужно было, хотя для половины своихъ ратниковъ, имѣть что-нибудь, чѣмъ бы могъ онъ дѣйствовать на непріятелей издалека. Для каждаго казака имѣть пищали было не только не въ средствахъ или въ возможности частнаго лица, предводителя 540 человекъ, но даже и долго спустя, мы и въ царскомъ-то войскѣ, гораздо-позже, и не въ одной Сибири видимъ ружья не у всѣхъ ратниковъ. Достаточно, если у Ермака на каждаго десять человекъ было по одной пищали.

Само-собою разумеется, что мысль о пушках Ермаку, какъ умному человеку, не могла прийти въ голову, хотя наши учёные историкъ и утверждаютъ, согласно строгоновскому летописцу, что Строгоновы дали ему триста человекъ собственныхъ своихъ храбрыхъ, предобрыхъ воиновъ, Литовцевъ, Нѣмцевъ, Татаръ, Русскихъ и, вдобавокъ, снабдили его цѣлою артиллеріей изъ нѣсколькихъ пушекъ. Вспомнимъ только, что были тогдашнія пушки, вспоминаемъ ихъ форму, ихъ тяжесть, снаряды для нихъ, ихъ неспособность для перевозки по такимъ мѣстамъ, гдѣ и пѣшему проходить—трудъ огромный, и согласимся, что казакамъ брать пушки съ собою было — не дѣло. Да и гдѣ было Ермаку взять хоть одну пушку? О Строгоновыхъ — дѣло конченное: стало быть, самому Ермаку приходилось или украсть или купить пушку, изготовить для нея передокъ, добыть и уложить сотни двѣ-три ядеръ (не холостымъ же зарядомъ стрѣлять ему въ воздухъ!); для одной пушки требовалось много и много-прочаго: гдѣ ему было достать такую драгоценность? На Камѣ, въ вномъ мѣстѣ, одна пушка защищала цѣлое селеніе: кто съ такимъ сокровищемъ разстанется? И мансуровская пушка могла быть въ Сибири только потому, что ее везли или несли по проложенному пути, и по особеннымъ причинамъ — потому-что она была прислана отъ царя. Но за то сколько, можетъ-быть, ее переносъ стоило! сколько онъ потребовалъ времени!.. Не таковы были обстоятельства Ермака, чтобъ онъ рѣшился связывать себя обузою и тяжкою и ненужною. Замѣтимъ къ слову, что въ тѣ времена, выраженія — «вогненный бой» и «пушечный нарядъ» употреблялись какъ синонимы, что слово «пушкаръ» хотя и рознилось отъ слова «стрѣлецъ», однакожъ имъ иногда именовали всякаго стрѣлка, который владелъ пищалью или управлялъ пушкою, что названіе «пищаль» обозначало и самопалъ и пушку меньшаго калибра, и что только въ царскомъ войскѣ, при конечномъ покореніи центра тогдашнихъ преданныхъ Кучуму волостей, въ 1594 году, мы видимъ около 110 пищалей, да три пушки, у одной ядро въ четыре гривенки, или фунта, а у двухъ по двѣ гривенки (86)... Но мы много наговорили, а не обратили внима-

-
- (86) «А наряду въ тотъ въ новой городъ (въ Тару) послати съ Москвы съ воеводами:
 • Пищаль, въ 4 гривенки ядро, а къ ней 200 ядеръ желѣзныхъ;
 • Пищаль девятипудная, 2 гривенки ядро, а къ ней 200 ядеръ желѣзныхъ;
 • 100 пищалей затинныхъ, а къ нимъ по 200 ядеръ къ пищали, итого 20,000 ядеръ;
 • 10 пищалей долгиыхъ, а къ нимъ по 200 ядеръ свинчатыхъ, итого 2,000 ядеръ;
 • Да съ Пелыма взяти у князя Петра Горчакова пищаль девятипудная, а къ ней 200 ядеръ;
 • Да въ тотъ же новый городъ послаю 50 пудъ зелья, 50 пудъ свинцу.» (Мадьяръ, стр. 271.)

Память воеводъ князю Федору Борисовичу Елецкому:

«Писалъ ко государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русіи изъ Тобольскаго воевода князь Федоръ Лобановъ Ростовскій съ товарищи, чтобъ прислать въ Сибирь пять скорострѣльныхъ пищалей (вѣроятно, курковыхъ самопаловъ, хотя слово самопалъ ни разу въ нашихъ актахъ не встрѣчается), чѣмъ промышлять надъ Кучумомъ, царемъ какъ царь будетъ въ городѣхъ.

• И нынѣ послаю до Дозвы съ Прокофьемъ да съ Иваномъ Боейковыми пять ско-

ня на главное: для чего бы пушка пригодилась Ермаку? въ дракъ съ Татарами, дѣйствовавшими въ разсыпную, ей у казаковъ не было никакого назначенія.

Но Ермаку все-таки нужно было иметь при себѣ хоть пятьдесятъ пищалей или ружей и запастись для нихъ свинцомъ и зельемъ.

Это исчисленіе крайнихъ потребностей, безъ которыхъ Ермаку нельзя было ступить шага впередъ, и удовлетвореніе этихъ потребностей въ такомъ размѣрѣ, о которомъ ясно говорить результатъ ермакова похода — блистательный успѣхъ его, доказываетъ въ Ермакѣ отличнаго знатока своего дѣла, предусмотрительнаго полководца, какъ на малочисленно было его войско. Обширный умъ его и въ этомъ дѣлѣ — неотъемлемы; способности его — способности не простаго, дюжиннаго чловѣка, а чловѣка высшаго разряда.

Перейдемъ къ движеніямъ Ермака въ самой Сибири.

Сцена съ Таузаномъ, кратко переданная нашими лѣтописцами, открывая мѣры, посредствомъ которыхъ Ермакъ могъ узнать о Кучумѣ малѣйшія подробности, доказываетъ находчивость Ермака — изъ ничтожнаго, по-видимому, происшествія, изъ нечаянной встрѣчи, создать цѣлую поэму завоеванія Сибири. Ермакъ пощадилъ жизнь Таузана, послалъ его съ вѣстями къ Кучуму: значить, онъ собирался дѣйствовать противъ сибирскаго царя не изъ-за угла, а враждовать открыто. Какое бы преимущество Ермаку передъ Кучумомъ ни придавало огнестрѣльное оружіе, но тѣмъ не менѣе добровольное подготвление врага къ тому, чтобъ на него нельзя было дѣйствовать врасплохъ, выводить походъ казаковъ изъ ряда обыкновенныхъ набѣговъ, набѣговъ на-ечасть, на-улаію, даетъ ему видъ благородной войны и показываетъ, что Ермакъ цѣнилъ себя, ставилъ себя выше того уровня, въ который его судьба забросила, сознавалъ свое нравственное превосходство. Употребляя немножко-громкія выраженія въ-отношеніи собственно къ Ермаку, мы спѣшимъ напомнить читателямъ, что хотя цѣль набѣга или похода Ермака была, по нашему, чисто-промышленная, то-есть желаніе промыслить добычи, но самое это желаніе дышащее рыцарствомъ облагороживается сопровождавшими его обстоятельствами и важною результатомъ.

По нашему мнѣнію, завоеваніе Сибири нельзя, да и вѣдетъ, сравнивать съ завоеваніемъ Перу и Мексики.

Мы видѣли, что Кучумъ не похожъ былъ на Монтезуму: параллели между ними проводить не слѣдуетъ. Говорятъ, что Кучуму были предсказанія, предвѣщанія, знаменія, подобныя тѣмъ, какія угрожали и

рострѣльных пищалей, а къ нимъ по шти сотѣ ядеръ желѣзныхъ и со всякими пищальными запасы.

«И воеводѣ князю Федору Борисовичю, прїѣхавъ на Лозву, взяти у Прокофья и у Івана Воейковыхъ тотъ государевъ нарядъ и всякіе пушечные запасы и пушкарей и зелье и свинець по росписи и устроить въ судѣхъ отвести съ собою въ новый городъ на Тару и, прїшедъ на Тару, держать тотъ нарядъ въ государевѣ казнѣ, до оходу на Кучума царя. (Миллеръ, стр. 285.)

Монтезумы; но Кучумъ не былъ такъ суевѣренъ, какъ Монтезума: онъ неуступчиво боролся съ Ермакомъ; въ борьбѣ этой онъ никогда не унижалъ ни своего сана, ни своего достоинства, не падалъ ницъ передъ покорителемъ, мстилъ ему, сообразно съ духомъ времени, и тайно и явно, сколько позволяли силы и возможность, и наконецъ, семнадцать лѣтъ скитаясь по степямъ, онъ, въ какомъ величїи своемъ, предпочелъ лучше пасть подъ ударами судьбы, но не запятнать себя добровольною переменою къ тѣмъ, кого считалъ своими притѣснителями и врагами. Вотъ съ какимъ человекомъ пришлось бороться Ермаку: мы увидели бы Кучума съ его характеромъ и волею, если бы позволили себѣ ставить его на одну доску съ Монтезумой. Правъ ли былъ въ этомъ случай Кучумъ или виноватъ въ чьихъ либо глазахъ—это другой вопросъ: наше дѣло видѣть, что онъ дѣйствовалъ сознательно, что онъ былъ врагъ сильный и опасный, что самая борьба съ такимъ человекомъ даетъ полвѣгу Ермака болѣе-яркій блескъ.

Татары тоже не походили на американскихъ дикарей. Тѣ видѣли въ испанскихъ всадникахъ боговъ, высшихъ существъ, составленныхъ изъ человека и коня; они сначала падали въ прахъ предъ этими высшими существами и покорялись имъ съ трепетомъ, безъ отговорокъ. Татары не признавали казаковъ за боговъ; они видѣли въ нихъ такихъ же смертныхъ, обыкновенныхъ людей, какими и сами были. Съ перваго же знакомства съ Русскими, Татары, вмѣсто того, чтобъ съ полною готовностью поспѣшить признать себя покоренными, осыпаятъ Русскихъ тучами стрѣлъ, ставятъ имъ разныя препятствїя, преслѣдуютъ ихъ всюду, рубятся съ ними, убиваютъ ихъ—и все это во имя родной земли и свободы, которую они защищали отъ нашествїя чуждыхъ имъ иноплемениковъ. Мехиканцы тоже дрались храбро въ послѣдствїя и неохотно поддавались своимъ завоевателямъ, но пушки, регулярный составъ, надежда на чистое золото, самое положенїе Испанцевъ давали имъ огромный нравственный перевѣсъ передъ дикарями. Ермакъ былъ совершенно въ другихъ обстоятельствахъ.

Положимъ, на сторонѣ казаковъ было многое: былъ навыкъ къ схваткамъ, были лодки, въ которыхъ они ускользали отъ враговъ, были ружья, выстрѣлами которыхъ они разгоняли кучумовы толпы. Да развѣ у Татаръ не было же на столько навыка къ дракамъ, чтобъ они не могли противостоять ватагѣ Ермака? Знанїе мѣстности, болѣе-извѣстной имъ, чѣмъ русскимъ пришлецамъ, замѣняло Татарамъ отсутствїе судовъ и давало имъ то преимущество, что они могли напередъ разсчитать время и мѣсто, гдѣ могутъ вновь встрѣтиться съ Ермакомъ. Да и Ермакъ, какъ мы уже видѣли, выходилъ на берега и сражался съ врагами своими на сухомъ-пути, а не старался избѣгать военныхъ дѣйствїй.

И въ этихъ дѣйствїяхъ—если на нашей сторонѣ было огнестрѣльное оружіе, то на сторонѣ Кучума были преимущества, которыхъ казаки не имѣли, именно многочисленность рати, постоянно-разгорячаемая храбрость, свѣжесть силъ, общїй интересъ въ дѣлѣ, бѣшеная ярость, фаватизмъ (который въ толпахъ Американцевъ стоитъ еще

поль сомнѣніемъ) и, что не менѣе важно — конница. Этотъ послѣдній фактъ, какъ онъ сначала ни кажется ничтожнымъ и какъ бы онъ ни былъ представляемъ въ забавномъ или смѣшномъ видѣ, все-таки ведетъ къ тому заключенію, что отрядъ конныхъ наездниковъ долженъ былъ имѣть рѣшительное вліяніе на планъ дѣйствій Ермака, долженъ былъ всѣхъ казаковъ ставить въ затруднительное положеніе, долженъ былъ принудить ихъ отвѣчать быстротой на быструю, маневрировать, съ расчетомъ пользоваться мѣстоположеніемъ и избирать выгоднѣйшія позидіи. Все это надлежало запечатлѣть единствомъ мысли, средствъ и исполненія. Успѣхъ въ дѣлѣ, побѣда, разбитіе и разсыпаніе враговъ, прибѣгавшихъ къ различнымъ воинскимъ хитростямъ, устроивавшимъ засады, осады, твердые оплоты натиску казаковъ, все это, о чемъ по-большой-части лѣтописи не распространяются, но что само-собой естественно, необходимо вызываетъ на размышленіе—все это, вмѣстѣ взятое, удостоверяетъ, что тутъ мало было одного счастья, что если и было счастье, то надобно было умѣть имъ воспользоваться; а подвиги, которыми ознаменовалъ себя Ермакъ, блестящимъ образомъ выдвигаютъ его изъ ряда людей, одаренныхъ обыкновенными воинскими способностями, и показываютъ, что онъ и въ этомъ дѣлѣ былъ человекъ — выше своего состоянія, выше своего времени.

Ермака не идетъ сравнивать и съ Кортесомъ. Кортесъ и по рожденію и по воспитанію готовился для управленія другими, для начальствованія; онъ учился военному искусству, былъ образованный воинъ, былъ военный генералъ, съ малолѣтства посвященный во всѣ тайны тактики и стратегіи и притомъ дѣйствовалъ противъ своихъ непріателей пушками, которыхъ у Ермака вовсе не было.

Но кому Ермакъ былъ обязанъ своими побѣдами? въ какой школѣ онъ приобрѣлъ тѣ свѣдѣнія и знанія, обладаніе которыми отъ Ермака неотъемлемо? Къ какой сферѣ принадлежалъ онъ? Въ правѣ ли мы отъ безвѣстнаго, неученаго, какъ видно безграмотнаго даже, простолюдина, ожидать такого блестящаго проявленія воинскихъ и административныхъ способностей, которыя привыкли встрѣчать только въ людяхъ, постепенно подготовляющихъ себя къ будущимъ подвигамъ по указанному пути?

Вопросы эти естественны: они не проистекаютъ изъ какой-нибудь недосказанной мысли... Нѣтъ, мы сами знаемъ, что можно привести тысячи примѣровъ тому, какъ стеченіе незначительныхъ, по-видимому, обстоятельствъ придаетъ духа и окрыляетъ способности человека; предложенные о Ермакѣ вопросы мы возбуждаемъ только для того, чтобъ имѣть болѣе сторонъ, болѣе возможности обсудить предметъ съ разныхъ точекъ зрѣнія и вывести изъ этого конечное заключеніе о дѣйствительной важности ермаковыхъ заслугъ.

Здѣсь мало отвѣчать вмѣстѣ съ Карамзиннымъ: «ни современники, ни потомство не думали *отнимать* (полно, такъ ль? а учёные-то мужа?..) отъ Ермака *полной чести* его завоеваній»: надо оцѣнить эту честь, надо разобрать эти «завоеванія», разложить ихъ на основныя части; на-

до понять, хотя приблизительно, личность Ермака и определить настоящее его значеніе, не изъ подражанія къ первымъ величинамъ другихъ сферъ, и не изъ криваго патриотизма, а изъ народной гордости, изъ отчетливой, разумной любви къ своему, къ родному: вотъ долгъ будущаго историка, который станетъ излагать намъ подробно о завоеваніи Сибири, о завоеваніи, совершенномъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, включая сюда же и все время похода, хотя Карамзинъ и утверждаетъ, что не Ермакъ былъ *истиннымъ виновникомъ* великаго дѣла, что «молва увеличивала славу подвига... забыли давнишнюю извѣстность о самомъ подданствѣ (Сибири), чтобъ тѣмъ болѣе славить Ермака». Спрашиваемъ благосклоннаго читателя, развѣ эти слова историка, *обязаннаго* правдивостью, можно назвать *воздавленіемъ чести* Ермаку? Развѣ вырвавшіеся у Карамзина сердечные вопли о гибели Ермака можно назвать искренними? Какой же послѣ этого смыслъ мы должны дать тому чувству, подъ вліяніемъ котораго знаменитый исторіографъ нашъ восклицаетъ: «нѣтъ, волны Иртыша не поглотили его славы: Россія, исторія и церковь гласятъ Ермаку вѣчную память!!!...»

Со времени овладѣнія Сибирью, для Ермака начинается новая эпоха внутренней жизни и наружныхъ дѣйствованій. Эпохъ этой предшествовала минута, въ которую Ермакъ явился какъ-бы въ апогеозъ своего величія, если только можно такъ выразиться. Природа, обстоятельства, люди, свои и чужіе—все вооружилось противъ Ермака, при занятіи имъ городища Аты: толпа увлекала его назадъ, вырывала изъ рукъ его славу и честь покоренія, готовилась къ бѣгству, но, удержавъ ее отъ постыднаго поступка въ такое время, когда въ поступкѣ этомъ все создавали крайность, все видѣли необходимость, единственное свое спасеніе, Ермакъ показалъ, сколько благородныхъ, высокихъ чувствованій таилось въ глубинѣ души его, повидному грубой и очерствѣлой. Рѣшиться на битву, въ его положеніи — было подвигъ; оставить казаковъ—подвигъ; вдохнуть въ нихъ храбрость и съ ними разбить многочисленнаго непріятеля—опять подвигъ.

Новая сторона способностей Ермака открывается при взглядѣ на послѣдствія плѣна кучумова сына, Махмет-Кула. Чего бы, казалось, проще было Ермаку, какъ приказать отмстить за смерть братьевъ смертію ихъ убійцы и тѣмъ навсегда покончить заботы объ опасномъ своемъ врагѣ? Но Ермакъ этого не сдѣлалъ, и мы видѣли, что имъ руководилъ тонкій расчетъ будущахъ преимуществъ его надъ Татарами, преимуществъ, которыми онъ превосходно умѣлъ воспользоваться. Съ общими всѣмъ казакамъ идеями о братствѣ и равенствѣ только между собою, съ ихъ взглядомъ на Татаръ, какъ на народъ погавый — почтительностию обращенія Ермака съ сибирскимъ царевичемъ и «ублажаніе его ласкосерлыми словесы» служатъ выраженіемъ тонкаго, всеобъемлющаго ума Ермака какъ полтика.

Махмет-Кулъ служилъ ручательствомъ за Кучума, что онъ не приметъ враждебныхъ дѣйствій противъ Ермака, въ рукахъ котораго была жизнь его сына. Махмет-Кулъ же служилъ ему средствомъ для пріобрѣтенія себѣ и своимъ товарищамъ необходимыхъ запасовъ отъ

Татаръ, которыхъ ничто не обязывало ко вносамъ хлѣба и другихъ предметовъ, для людей имъ чуждыхъ, особенно, если вспомнимъ, что хлѣбопашенные Татары обитали вдалекѣ отъ города Сибири, что хотя многое необходимое и могло быть славлено къ Ермаку съ береговъ Тобола, Тавды, Туры или сверху Иртыша, взъ такъ-называемой Верхней-Земли, однакожь, чтобъ добраться до тѣхъ мѣстъ, надо было умножи объѣзжать это дѣло, предварительна снѣряться отдѣльными экспедици.

Наконцѣ, Махмет-Куль служилъ Ермаку окончательною причиною осуществить на дѣлѣ тревожившую, можетъ-быть, его мысль—выступить изъ всегдашней своей сферы темныхъ поступковъ. Теперь Ермаку нѣчего уже было скрывать; теперь онъ имѣлъ право и возможность явно выступить на сцену, громогласно явиться дѣйствующимъ лицомъ въ обширномъ отечествѣ, обратить общее вниманіе своихъ единоземцевъ на посредственность, дотолѣ ими незамѣченную, ничтожную, пропащую и, въ глазахъ своего грознаго владетельна, явиться не былымъ преступникомъ, а могучимъ героемъ-завоевателемъ, для котораго не существуетъ уже постыдное прошедшее, который создалъ себѣ удивленіе въ настоящемъ и славу въ будущахъ вѣкахъ.

Отправленіе посольства отъ подданнаго, в еще отъ какого!—отъ осужденнаго подданнаго, къ царю Грозному—драма глубокая, и, прослѣдивъ все впечатлѣніи, обуревавшія душу Ермака во все продолженіе этой драмы, прослѣдивъ хотя самымъ былымъ образомъ все, что перечувствовалъ, что долженъ былъ перечувствовать герой Сибири, мы поняли бы, сколько годовъ онъ въ эти минуты пережилъ... Вѣдь оно, дѣйствительно, легко намъ, теперь, черезъ двѣсти-шестьдесятъ-семь лѣтъ, судить о поступкахъ Ермака; но каково-то самому ему въ то время приходилось!

Поставимъ же себя на его мѣсто и отдадимъ отчетъ въ мысляхъ, которыя, какъ намъ кажется, должны были, естественно, волновать самого Ермака неразрѣшимыми заранѣе вопросамъ.

Извѣстно, что у Ермака въ дѣлѣ, предшествовавшемъ овладѣнію Сибирью, убито сто-семь человекъ; вѣроятно, многихъ казаковъ лишился онъ ранѣе; наконецъ, нѣсколько человекъ убито при Абалакѣ на рыбной ловлѣ: значитъ, у Ермака было всего съ небольшимъ человекъ четыреста казаковъ, или около. — Возьмемъ другое число, передаваемое другими лѣтописями, большее: тогда выйдетъ, что у Ермака было всего на-все пятьсотъ человекъ. Отрядить для охраненія посольства ему надлежало по-крайней-мѣрѣ человекъ пятьдесятъ; стало-быть, Ермакъ остался охранять свое завоеваніе съ 350-ю или 450-ю казаками и долженъ былъ принести первый отрядъ и самого-себя въ жертву будущахъ обстоятельствъ.

Посольство отправлялось въ путь, вѣроятно, не Тагаломъ на Чусовую, а кратчайшимъ путемъ, или, какъ выражаются обыкновенно, «напроходъ», черезъ вершины Тавды, прямо на Чердынь: значитъ, мѣстами новыми, гдѣ казаки еще не бывали и гдѣ населенность была имъ незнакома.

Съ обѣихъ сторонѣ, и со стороны Ермака и со стороны Кольца, видна рѣшимость, обличающая вполне воинственный духъ и отважную храбрость казаковъ проходить мѣстами враждебными, гдѣ каждый шагъ грозилъ имъ смертью отъ природы или отъ людей. Чтобы преодолѣть эти преграды, имъ нужно было искусство необыкновенное. Подвигъ Кольца, то-есть, фактическое разрѣшеніе задачи — исполненіе посольства—подвигъ блистательный.

Но въ ожиданіи послѣдствій, которыя бы говорили о несомненной удачѣ, Ермака могъ тревожить вопросъ: какъ пройдутъ его послы до Чердыни? Не погибнуть ли они еще въ Сибири, не перешагнувъ даже Урала и не подавъ вѣстей на Каму воеводѣ? Тогда погибла его жертва, погибло и дѣло: надо было или оставаться на прежнемъ мѣстѣ и обречь себя забвенію, или идти самому вѣстникомъ и потерять Сибирь!

Походъ посольства требовалъ особеннаго искусства, чтобы облечь все предпріятіе тайною, непроницаемою для враговъ. Но если Татары провѣдаютъ объ удаленіи горсти казаковъ? если они нападутъ на нихъ, изрубятъ ихъ? Если, воспламенясь удачею и кровью, предпріимуть опасный набѣгъ на обезсильнаго Ермака и, преградивъ ему все пути, лишивъ его всѣхъ средствъ для сношенія съ дружественными племенами Остяковъ, обложить его станъ огромною массою и продолжительностью осады, зимой, уничтожатъ подвигъ Ермака и погубятъ казаковъ?.. Тяжки, должно быть, были думы Ермака объ этомъ, и не селая ему предстояла будущность.

Но если все пройдетъ счастливо, Кольцо благополучно совершитъ переходъ и явится наконецъ въ Чердынь, кто поручится, что воевода Пелепелицынъ не исполнитъ надъ нимъ повелѣнія, два раза повтореннаго царемъ Іоанномъ Васильевичемъ? Кто поручится, что воевода повѣритъ быглому казаку, не приметъ его вѣсти за сказку, не придастъ дѣлу другаго вида, не дастъ ему ложнаго, невыгоднаго для Ермака направленія? Тогда плоды завоеваній Ермака опять погибли, опять онъ обратится въ среду посредственности, ничтожества!

Достигнетъ Кольцо счастливо до Москвы—новая забота: какъ приметъ это дѣло царь? Конечно, Грозный долженъ былъ повѣрить Кольцу: онъ выше мелочныхъ расчетовъ—но какой конецъ изъ этого выйдетъ? Пришлетъ царь воеводу и Ермака подчинить непосредственнымъ его распоряженіямъ? Покорителя Сибири поставитъ въ зависимость отъ посторонняго человѣка, совершенно-чуждаго дѣлу? Страдаетъ самолюбіе! Чтѣ жь остается дѣлать Ермаку? Утѣшаться наградою? Но будетъ ли оцѣненъ его подвигъ какъ должно? Кромѣ одной идеи о чести награды, будетъ ли онъ, какъ живой человѣкъ, достойно награжденъ чѣмъ-нибудь, существенно идею? и чѣмъ именно? А если... если? но мало ли горькихъ сомнѣній могли тревожить и мучить Ермака...

Всѣ эти доступныя для человѣка вопросы, действительно, могли Ермаку придти въ голову, всѣ эти вопросы Ермакъ долженъ былъ разрѣшать такъ или иначе, въ свою пользу, или не въ пользу.

Нельзя предположить, чтобы такой чисто-практической человѣкъ,

какъ Ермакъ, съ его положительнымъ взглядомъ на «тщету міра сего», увлекался какими-нибудь теоріями или дѣйствовалъ по побужденію какого-нибудь отвлеченнаго начала, недоступнаго для полнаго сознанія натуръ простыхъ и непривыкшихъ къ умозрѣніямъ. Что же именно побудило Ермака отправити къ царю вѣсти о Сибири? Нельзя же объяснить этого только чувствомъ, на-примѣръ, благоговѣнія предъ грознымъ? Нельзя объяснить и глубоко-постигнутымъ сознаніемъ долга, общественнымъ благомъ, отрѣшеннымъ отъ всякихъ эгоистическихъ побужденій? Ни то, ни другое—ни въ натурѣ, ни въ сферѣ волжскаго казака.

Въ лѣтописяхъ, намъ извѣстныхъ, нѣтъ опредѣлительнаго разрѣшенія этого вопроса, и намъ остается разгадать его, судя по тѣмъ обстоятельствамъ, въ которыхъ Ермакъ въ то время находился.

Желалъ ли онъ покорностью своею заслужить прощеніе и милость царя за свое прежнее буйство по Волгѣ?

Страшился ли онъ погони русской рати и неизбежнаго, конечнаго наказанія за всю свою продѣлку? Хотѣлъ ли онъ видимою покорностью предотвратить бѣду, которую заранѣе предчувствовалъ? — Во всякомъ случаѣ хитрому казаку, казалось бы, естественнѣе было не беспокоиться понапрасну, а выждать эту бѣду, проводя, между-тѣмъ, время себя—на-умѣ и сообразно съ собственными видами. Но если бы предчувствіе погони въ-послѣдствіи его не обмануло, Ермакъ могъ *сдѣлать эффектную сцену*, выйти на встрѣчу ожидаемымъ преслѣдователямъ, ослѣпить ихъ эмблемами покоренія царства сибирскаго, сочинить исторію своихъ побѣдъ и выйти изъ воды сухимъ, а все-таки на первомъ планѣ — героемъ, покорителемъ.

Предвидѣлъ ли онъ новыя нападенія отъ Кучума и, не надѣясь отстояти Сибирь (въ смыслѣ богатаго источника *своей* жизни), искалъ, въ этихъ видахъ, помощи московской рати? Но пльвннй Махмет-Куль, острастка, которой уже подвергались Татары, и двухлѣтняя выдержка всей тягости, безъ всякихъ пособій, убѣждаютъ насъ въ незначительности предположенія, на которое мы хотѣли-было опереться. Намъ кажется, что Ермаку, въ его положенія, сообразнѣе было бы послать за новыми толпами казаковъ на Волгу, или на Янкъ, даже въ Запорожье: охотниковъ воевать и грабить нашлось бы вездѣ довольно; тогда Татары дѣлались Ермаку неопасными, и онъ спокойно бы остался на Сибири полнымъ господиномъ.

Иные придерживались того мнѣнія, что умный атаманъ не могъ съ самаго начала не предвидѣть, что горсть смѣльчаковъ, *оставленныхъ Россію*, года въ два или въ три исчезла бы въ битвахъ или отъ болѣзней суроваго климата, среди пустынь и лѣсовъ, служащихъ вмѣсто крѣпостей для дикихъ, свирѣпыхъ жителей, которые платили давнѣе пришельцамъ единственно подъ угрозою меча или выстрѣла. Но и это мнѣніе не клеится съ нѣкоторыми фактами: горсть смѣльчаковъ, въ-теченіе двухъ лѣтъ предоставленная самой себѣ и произволу судьбы, не исчезла же; «свирѣпыя жители» не такъ-то были страшны Ермаку; даже примѣръ нашихъ русскихъ, алтайскихъ горцевъ прошедшаго столѣтія неводно заставляетъ насъ вѣрить, что при умѣ Ермака, при его оборотливости

и искусства ладить съ новыми знакомыми — самобытное существованіе, до извѣстныхъ границъ, было для него предметомъ возможнымъ, а все-венедаступнымъ.

Какимъ же образомъ согласить теперь врожденное желаніе первенства, которое уже Ермакъ имѣлъ и на которое онъ снова получилъ еще болѣе законное право, съ явнымъ согласіемъ подчинить себя зависимости другихъ? Разумѣется, что, отсылая посольство къ Грозному, Ермакъ долженъ былъ самъ понять, что, вмѣстѣ съ ратною помощію и съ милостями царя, онъ нисходялъ на высшій чинъ какого-нибудь воеводы, или воеводскаго подручника!..

По нашему мнѣнію, мысль, руководившая Ермакомъ, когда онъ назначалъ посольство, была простая и близкая каждому человѣку, къ какой бы эпохѣ, по времени, онъ ни принадлежалъ, но въ приложеніи своемъ — мысль эта принимала характеръ государственный.

По малодушію сбродной ватаги въ рѣшительныхъ и опасныхъ случаяхъ, по разрозненности интересовъ членовъ казацкой дружины, Ермакъ могъ видѣть, что только онъ одинъ составляетъ душу всего предпріятія. Съ свѣтлымъ взглядомъ на вещи, съ яснымъ пониманіемъ важности приобрѣтенія Сибири, Ермакъ видѣлъ въ себѣ творца неслыханнаго подвига: въ подвигъ этомъ онъ видѣлъ собственное дѣтство, которое онъ лелѣялъ, которымъ нельзя не дорожить. Естественно, что коль скоро для человѣка наступаетъ пора страхануть съ себя всю мелочность жизни, подъ вліяніемъ сознанія собственныхъ силъ, при блескѣ собственнаго творенія, не эфемернаго, а вѣковаго, то, вмѣстѣ съ этимъ, неразрывно съ любовью къ своему созданію, въ человѣкѣ рождается предчувствіе опасности, скорбь видѣть погнѣбшимъ свой трудъ, взлелѣянный горемъ, лишениями, плодами цѣлой жизни — и вслѣдъ за симиъ возникаетъ безусловная, инстинктивная потребность упредить свой подвигъ, нескончаемо повторять въ немъ самого себя.

Смотря на Ермака съ этой точки зрѣнія и стараюсь придать его поступку болѣе разумности, чѣмъ поступку другаго, людинаго человѣка, необходимо предположить, что имъ руководилъ высшій расчетъ. Ему могла быть доступна мысль, что рано или поздно — но онъ сойдетъ со сцены: болѣзнь, дряхлая старость, смерть, положить конецъ всему. Что же тогда Сибирь ожидаетъ? казакамъ эта мысль чужда: они не въ состояніи постигнуть, что можно сдѣлать изъ Сибири; имъ и не выдержать противъ орды проклятой: поганый Татаринъ прогонять ихъ, и дѣло православныхъ казаковъ какъ въ воду кануть!

Изъ этого опасенія о непрочной будущности своего созданія, изъ этой естественной, горячей заботливости о своемъ подвигѣ и проистекаетъ, какъ изъ источника, безусловная рѣшимость послать посольство къ царю Іоанну IV и всѣ второстепенныя, чисто-эгоистическія виды уничтожить конечнымъ приговоромъ: — пропадай моя волюшка, золотая долюшка, но не гни доброе дѣло!

Принимая это предположеніе, по нашему, по-крайней-мѣрѣ, мнѣнію, за вѣроятнѣйшее, мы не можемъ не удивляться Ермаку, подчинившему свои личные интересы болѣе-обширнымъ человѣческимъ видамъ и,

чрезъ это самое, не поставить его на ряду съ другими великими людьми, громкая слава которыхъ гремитъ изъ поколѣній въ поколѣніе.

Конечно, мы умѣемъ восхищаться дѣяніями великихъ чужеземцевъ, да нашъ-то русскій человекъ, хоть онъ и простолюдинъ, дороже для насъ любого великаго мужа Германіи...

По отправленіи посольства, Ермакъ не измѣнялъ своему положенію, не измѣнялъ самому-себѣ въ-теченіе остальныхъ двухъ съ половиною лѣтъ своихъ подвиговъ.

Оставшись съ горстью людей, Ермакъ имѣлъ могущественную правственную силу, чтобъ два года держаться въ сторонѣ далекой, отъ всюду окруженной людьми, на вѣрность которыхъ безумно бы было ему полагаться съяно. Много надобно было имѣть Ермаку ума и тонкихъ соображеній, чтобъ дальіе два года обезпечивать себѣ продовольствіе и не заморить голодомъ своихъ казаковъ; нужно было и замаскировать себя, чтобъ враги не провѣдали объ уменьшеніи численной силы дружины Ермака; надо было уладить дѣло такъ, чтобъ одни племена признали себя покорными и не выходили изъ этой покорности, и чтобъ другія племена не тревожили Русскихъ своими нападеніями и своею численностью не уничтожили завоевателей. Надо было такъ удерживать и своихъ подчиненныхъ, чтобы въ нихъ не обнаружилось ропота на недостаточность наживы, чтобъ они были постоянно-довольны, сыты, одѣты, обуты и, въ-теченіе трехъ зимъ, не стибли отъ морозовъ.

Умъ и способности Ермака въ этомъ отношеніи ставятся очевидными, рисуются рѣзкими чертами при сравненіи его хозяйственности съ хозяйственностью Болховскаго: народъ у Ермака былъ цѣль — у Болховскаго онъ гибъ и меръ отъ болѣзней, отъ скудости запасовъ; и вина въ ихъ смерти ни въ какомъ случаѣ не должна падать на Ермака. Ермакъ дѣйствовалъ своими средствами, а Болховской своими; Ермакъ не могъ знать о времени его прихода; еслибъ даже онъ и зналъ, и тогда не имѣлъ надобности готовить для него провіантъ. Болховской шелъ по проложенному Ермакомъ пути; шелъ съ царскимъ указомъ, шелъ съ подмогою казакамъ: дѣло Болховскаго было предупредить всѣ недостатки собственной своей рати и принести существенную подмогу, людьми и хлѣбомъ, казакамъ Ермака. Мы не обвиняемъ Болховскаго: онъ торопился исполнить царскій указъ и самъ погибъ, если не жертвою своего усердія, то жертвою собственной оплошности, проявившейся изъ этого усердія, какъ изъ источника. Но на Ермака тѣмъ менше можетъ падать упрекъ за Болховскаго, какъ нѣкоторые тайнымъ намекомъ и явнымъ словомъ посягали его заподозрить: будемъ непристрастны и скажемъ откровенно, что Ермакъ былъ умнѣ Болховскаго и чистѣ отъ подозрѣній.

Старинные лѣтописцы не передали намъ своихъ сказаній о мелочныхъ подробностяхъ жизни Ермака, не какъ завоевателя, а какъ человека просто. Пожалуй, благодарное потомство съ благоговѣніемъ сохраняетъ неизвѣстно-къмъ и когда писанные портреты покорителя Сибири; дѣло темное: можетъ-быть, кисть художника дѣйствительно «Кузьму Лукой писала», а можетъ-быть, и правда, что это—выли-

тый Ермакъ, какъ гласитъ преданіе. И Ремезовъ передаетъ намъ то же, что Ермакъ «бы вельми мужественъ, и разуменъ, и человекъ, и «зраченъ, и всякой мудрости доволенъ; плосколицъ, чернъ брадою и «власы, «прикудрявъ, возрастъ средній, и плоскъ, плечастъ...» Но все-таки мы изъ этого не можемъ еще составить себѣ опредѣленнаго понятія о томъ, что же именно былъ Ермакъ. Мы возсоздаемъ себѣ типъ великаго казака по оффиціальнымъ его дѣліямъ и по впечатлѣнію, которое на насъ произвели его подвиги; но не имѣемъ надежной опоры, которая давала бы намъ право сказать: «онъ былъ именно таковъ, какъ я вамъ его представляю»—а эту опору мы навѣрное имѣли бы, если бы знали Ермака въ будничной, прозаической, горе-горькой жизни. Лѣтописцы спрятали отъ насъ человека-казака, не рассказали намъ, какъ жилъ Ермакъ, гдѣ что говорилъ, что дѣлалъ, что любилъ, однимъ-словомъ, не обрисовали намъ его личности въ той мѣрѣ, чтобы мы могли вполне понять характеръ этого человека. Лѣтописецъ времени Петра-Великаго, Ремезовъ, передаетъ намъ кое-что о Ермакѣ, но въ этой смѣси вымысловъ и сказокъ трудно добраться до истины, трудно повѣрить в то, что повидимому похоже на правду. И лѣтописцы повсюду правы: «не лица, а дѣла», вотъ-что было ихъ девизомъ; они видѣли въ Ермакѣ только героя и не обращали вниманія на простаго смертнаго, хотя строгоновскій лѣтописецъ и не посовѣстился придать Ермаку желанное значеніе наемника, дѣйствовавшаго по чужимъ приказамъ и указаніямъ.

Дѣйствительно, въ своемъ родѣ—Ермакъ былъ великій человекъ. Великъ онъ, какъ воинъ, великъ какъ администраторъ, великъ какъ политикъ и дипломатъ, какъ ни ограничена была, повидимому, сфера его дѣйствованій. Замѣнимъ эти высокопарныя, современныя выраженія болѣе простыми: скажемъ, что Ермакъ былъ безстрашный боецъ, мудрый хозяинъ, ловкій хитрецъ—сущность дѣла отъ этого насколько не потеряетъ, Ермакъ все такъ же останется великъ для нашей исторіи: послѣствія его походовъ, результаты его удачъ такъ важны, что нельзя не признать великости его подвига.

Каждое движеніе его похода, его цѣли, средства, виды, намѣренія, во время трехлѣтней его дѣятельности (1581—1584 годовъ)—все показываетъ въ немъ неисчерпаемый, обогащенный опытомъ, обширный запасъ свѣдѣній, способностей, ума; все показываетъ въ немъ человека, который, единственно своимъ лицомъ создалъ дѣло покоренія Сибири; человека, которымъ только однимъ держалась вся Сибирь, со смертію котораго пала надежда всѣхъ Русскихъ, занимавшихъ эту страну, рушилось все, что скрепляло Сибирь съ Россіею... но дорога была указана, средства преподаны, и Сибирь слѣзлась Русью.

Не случай, не одно счастье помогали Ермаку: только самому-себѣ и своему уму «сей витязь счастливый» обязанъ и славою покорителя Сибири, и славою великаго человека.

По нашему мнѣнію, намъ, Русскимъ, нельзя быть равнодушными къ Ермаку при мысли, какъ важна для насъ Сибирь, золотое дно для частныхъ лицъ, кладъ для казны государственной и неисчерпаемая сокровищница нашихъ государей. Кто изъ земныхъ владыкъ богаче царя русскаго? Масса всехъ богатствъ монарховъ Европы ничтожна предъ горами его сокровищъ! Казна государственная, не менѣе того, годъ отъ году все болѣе и болѣе обогащается черезъ Сибирь. Но не одинъ мѣха, не одинъ металлы, не одни драгоценные камни даютъ значеніе Сибири: черезъ нее мы укрѣпили свои владѣнія въ Америкѣ, черезъ нее мы имѣемъ возможность утвердить когда-нибудь свою торговлю на Восточномъ-Океанѣ. Черезъ Сибирь мы открыли въ Китай и другія среднеазійскія владѣнія сбытъ нашихъ товаровъ, ненужныхъ для западныхъ государствъ. Черезъ Сибирь мы имѣемъ средства произвести благодѣтельный переворотъ въ мануфактурной дѣятельности нашего отечества. Кромѣ того, и что, по нашему мнѣнію, представляетъ не менѣшую важность, обширный край Сибири далъ возможность русскому правительству удалить вредныхъ для общественнаго спокойствія членовъ, не прибѣгая, изъ видовъ предосторожности, къ смертной казни или къ содержанію въ тюрьмахъ, изнуряющихъ человека и стоющихъ значительныхъ издержекъ. Поселенный изгнанникъ, владѣя, при средствахъ, плодородной землей, имея подъ руками обширные лѣса и находясь уже подъ управленіемъ, проникнутымъ идеями, о которыхъ Европа только-что еще начинаетъ мечтать, причається мало-по-малу къ труду, къ просвѣщенію, къ обществу, къ уясненію себя общиннаго начала: человеческое достоинство скорѣе можетъ пробудиться въ немъ, нежели въ бѣдномъ заточенникѣ уединенной кельи—по новой системѣ теоретиковъ, кельи, гдѣ, вмѣсто раскаленія, преступника часто ожидаетъ потеря послѣдняго разсудка. Кромѣ поселенія преступниковъ, кромѣ призрѣнія добровольныхъ пролетаріевъ, кромѣ исключенія даже возможности въ Россіи пауперизма, Сибирь важна для будущихъ колоній Россіи, съ какими бы видами онѣ ни были учреждены. Давно уже начались у насъ нескончаемыя переселенія изъ малоземельныхъ нашихъ губерній людей, не отвергаемыхъ обществомъ, а добрыхъ работниковъ. И теперь крестьянинъ съ охотой переходитъ въ Сибирь, какъ въ заветный уголокъ своего отечества; она не страшна уже и не чужда ему: тамъ находитъ онъ свой родной языкъ, свои обычаи, свою вѣру, и почти ту же природу, развѣ только великолѣпнѣе, богаче и величественнѣе—чего же надо ожидать тогда, когда между Великороссіей и Сибирью исчезнутъ послѣдніе остатки раздѣленія?

На Западъ, территорія европейскихъ государствъ не вмѣстятъ въ себя будущаго размноженія европейскихъ націй, и *національности*, о которыхъ такъ много разсуждали, должны будутъ разомкнуться и раздѣлиться въ другіе края свѣта, отдѣленные отъ метрополій на неизмѣримыя пространства: а наша мать святая Русь такъ обширна, что и чрезъ триста лѣтъ громадная русская національность останется попрежнему цѣла и нераздѣльна.

Ну, что тогда Европа будетъ значить передъ Россіей?

Говорятъ, есть цѣлыя груды неизданныхъ въ свѣтъ бумагъ Петра-Великаго, и въ этой грудѣ есть листокъ, съ собственноручной его резолюціей насчетъ того, сколько лѣтъ еще намъ остается учиться уму-разуму у Запада, то-есть, перенимать у него, безъ обезьянства, все, служащее на пользу и на славу намъ самимъ. Говорятъ, Петръ-Великій опредѣлилъ даже и срокъ, когда мы поумнѣемъ, и когда намъ пора уже будетъ приняться за свой Востокъ и думать только о Россіи, учтиво отвернувшись отъ Европы. Желательно бы знать, какъ далека мы отъ этого срока?

ПАВЕЛЪ НЕБОЛЬСИНЪ (*).

(*) Редакція «Отечественныхъ Записокъ» имѣетъ честь увѣдомить, что на-дняхъ авторъ получилъ отъ извѣстнаго нашего ученаго изслѣдователя сибирскихъ достопамятностей, Гр. Нв. Спасскаго, разрѣшеніе перепечатать изданную имъ въ 1821 году «Сибирскую (Строгоновскую) Лѣтопись».

Такъ-какъ это чрезвычайно-важное для науки пособіе потребовало совершеннаго измѣненія заготовленнаго-было уже набора «Свода Сибирскихъ Лѣтописей», въ томъ видѣ, какъ «Сводъ» этотъ былъ составленъ П. П. Небольсинымъ, то редакція находится вынужденною печатаніе этого «Свода» пріостановить до первыхъ книжекъ будущаго года.

Въ-слѣдствіе этого подписчики на «Отечественныя Записки» 1849 года получаютъ, кромѣ обѣщанныхъ уже въ первой главѣ «Покоренія Сибири» лѣтописей, два новыя добавленія: *во-первыхъ*, «Строгоновскую Лѣтопись» вполне, по тому списку, которымъ пользовался Карамзинъ (получившій его для своего руководства тоже отъ Г. П. Спасскаго) и, *во-вторыхъ*, латинскій поллиникъ и переводъ части рукописей XVII вѣка, повѣствующей о походѣ Ермака на Иртышъ и о покореніи Сибири и доселѣ не бывшей извѣстною автору «Покоренія Сибири».